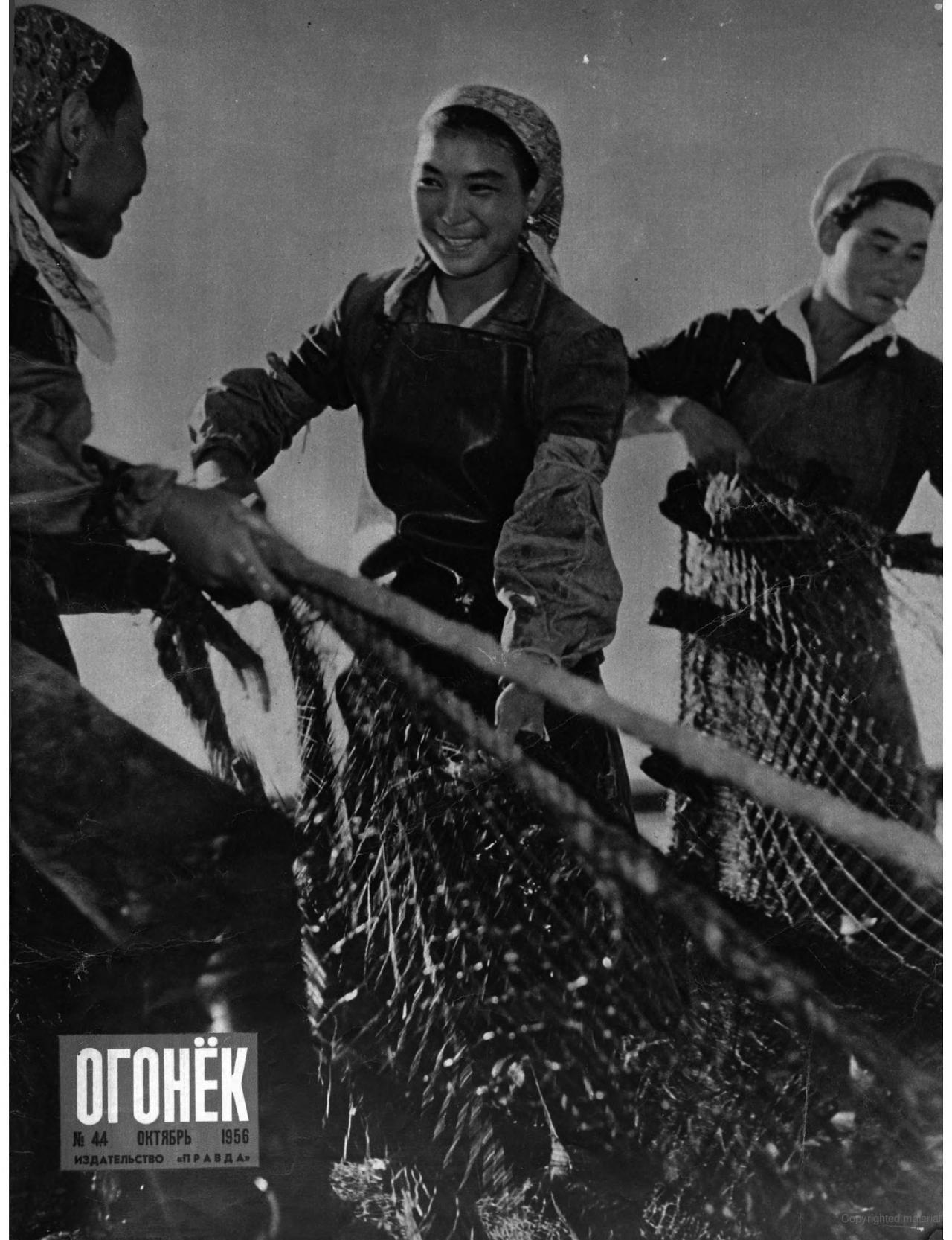


ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Город Львов. Проспект Шевченко.

Фото Н. Козловского.

На первой странице обложки: Рыбаки Калымаш Айденова, Багит Насыханова и Мурзабай Кузбаев (см. в номере «Южнее Гурьева»).

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Уборка кукурузы силосоуборочным комбайном в колхозе имени С. М. Буденного, Алексеевского района, Белгородской области.

Фото О. Кнорринга.

ОГОНЁК № 44 (1533) 28 ОКТЯБРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Швейный участок брошировочного цеха.
Фото О. Кнорринга и Е. Умнова.

В канун Октября

В октябре в 3-й московской типографии «Красный пролетарий» произошло знаменательное событие: с самого начала месяца она перешла на семичасовой рабочий день. Это потребовало от коллектива типографии организовать свой труд еще более четко. Новый график успешно выполняется. Смена стала короче, но выдача продукции не уменьшилась и задания на 1956 год остались прежними.

Вступив в соревнование в честь 39-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, один из участков брошировочного цеха — швейный — дает сейчас продукции больше, чем при восьмичасовом рабочем дне.

Президент Сирийской Республики ШУКРИ КУАТЛИ.

К приезду в СССР.

Деловой и горячий разговор

Естественно, что лишь малая часть делегатов Всесоюзного совещания изобретателей, рационализаторов и новаторов производства получила возможность выступить с трибуны Большого Кремлевского дворца. Но каждый из сидевших в зале неутомимых искателей и разведчиков мысленно дополнял ораторов, вспоминая о собственных творческих успехах и неудачах, радостях и огорчениях.

Трудно переоценить значение изобретательства и рационализаторства для нашего народного хозяйства. Конечно, мы прежде всего законно гордимся такими великими достижениями, как использование внутриатомной энергии, создание сверхскоростных самолетов, синтетических материалов, быстродействующих счетных машин. Но технику двигают вперед и тысячи, сотни тысяч рядовых изобретений и предложений, общий экономический эффект от внедрения которых просто невозможно подсчитать, настолько он велик. И он был бы еще значительней, если б нашим новаторам не мешали косность, бюрократизм, равнодушие.

Об этом со всей прямотой и откровенностью говорилось на совещании. Назывались министерства, в чьих канцелярских недрах покрываются пылью годами лежащие в папках весьма ценные изобретения и рационализаторские предложения. Назывались бюрократы и рутинеры. Говорилось о некоторых научно-исследовательских институтах, которые вместо того, чтобы содействовать новаторам, всячески препятствуют им.

Прения были деловые и горячие. Было сделано много критических замечаний.

Участники Всесоюзного совещания рационализаторов, изобретателей и новаторов производства в Кремле (слева направо): прораб по земляным работам из Череповца А. Г. Скоморохова, коттонщица Ивантеевской трикотажной фабрики имени Дзержинского В. И. Золкина, начальник смены котельного цеха ТЭЦ № 1 в Казани А. Г. Галиакберов и штукатур из Ярославля Е. В. Борунова.

Фото Е. Тиханова.

В частности, говорилось о необходимости пересмотреть положение об изобретениях и технических усовершенствованиях, многие пункты которого явно устарели.

Совещание приняло обращение ко всем рабочим и работницам, инженерам и техникам, ко всем ученым страны.

20 октября из Москвы после успешного окончания советско-японских переговоров вылетели Премьер-Министр Японии г-н Ициро Хатояма и другие члены японской правительственной делегации. На снимке: проводы на Центральном аэродроме столицы.

Фото С. Раскина.

Бельгийские художники

В Москве в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась выставка бельгийского искусства. В ее организации приняли участие министерство народного просвещения и дирекция Дворца изящных искусств Бельгии. На выставке представлены произведения из музеев Брюсселя и Антверпена, из Кабинета гравюр королевской библиотеки. Выставка охватывает период с конца XIX века до наших дней.

Константин Менье (1831—1905) — скульптор и живописец, пользующийся мировой известностью,—избрал героем своего искреннего и простого искусства честного труженика — рабочего, шахтера, грузчика.

Эжен Лерманс — мастер, посвятивший свое творчество главным образом фламандской деревне. Глухонемой художник жил все время под угрозой слепоты, и, может быть, поэтому такой безысходной тоской отмечена его картина «Слепой».

Среди художников-реалистов XX века — Исидор Опсомер, по праву считающийся выдающимся портретистом Бельгии, Пьер Полюс, Курт Пейзер и Альфред Бастьен, тонкий и поэтичный пейзажист. Отдельный зал посвящен бельгийской графике.

Эжен Лерманс. СЛЕПОЙ. 1898.

Советские зрители с интересом знакомятся с искусством Бельгии.

А. АБРАМОВА

Вечером 22 октября из Брюсселя в Москву с официальным визитом прибыли по приглашению Советского правительства государственные деятели Бельгии — Премьер-Министр г-н Ахилл Ван Акер с супругой, Министр иностранных дел г-н Поль-Анри Спаак и сопровождающие их лица.

Премьер-Министр А. Ван Акер сказал на аэродроме:

— ...Я уверен, что это путешествие будет столь же интересным, как и приятным для меня и для лиц, которые меня сопровождают, и приведет к улучшению хороших отношений между Бельгией и Советским Союзом.

23 октября в Кремле начались советско-бельгийские переговоры.

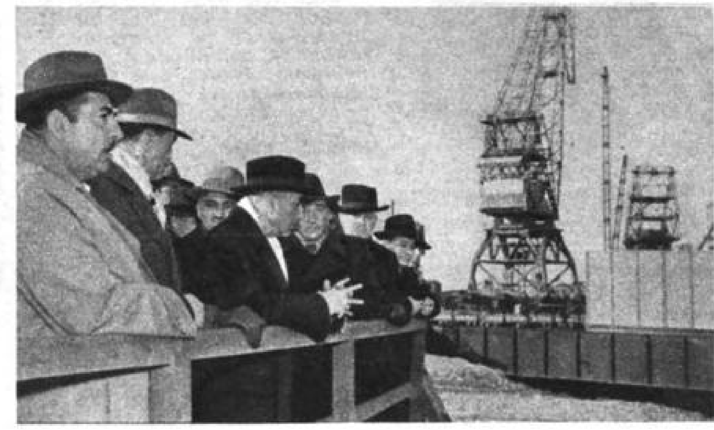
На снимке: открытие переговоров.

Фото Я. Рюмкина.

19 октября в Кремле состоялась встреча Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и министра иностранных дел СССР Д. Т. Шепилова с Премьер-Министром Афганистана Его Высочеством Сардаром Мухаммедом Даудом и Первым Заместителем Премьер-Министра Афганистана Сардаром Али Мухаммедом.

Афганские гости в СССР

Фото специального корреспондента «Огонька» А. НОВИКОВА и В. СОБОЛЕВА (ТАСС).



На одном из участков строительства Сталинградской гидроэлектростанции.

Прибывшие в СССР по приглашению Советского правительства Премьер-Министр Афганистана Его Высочество Сардар Мухаммед Дауд и сопровождающие его лица совершают поездку по Советскому Союзу.

Сталинград. На лестнице, ведущей к набережной.

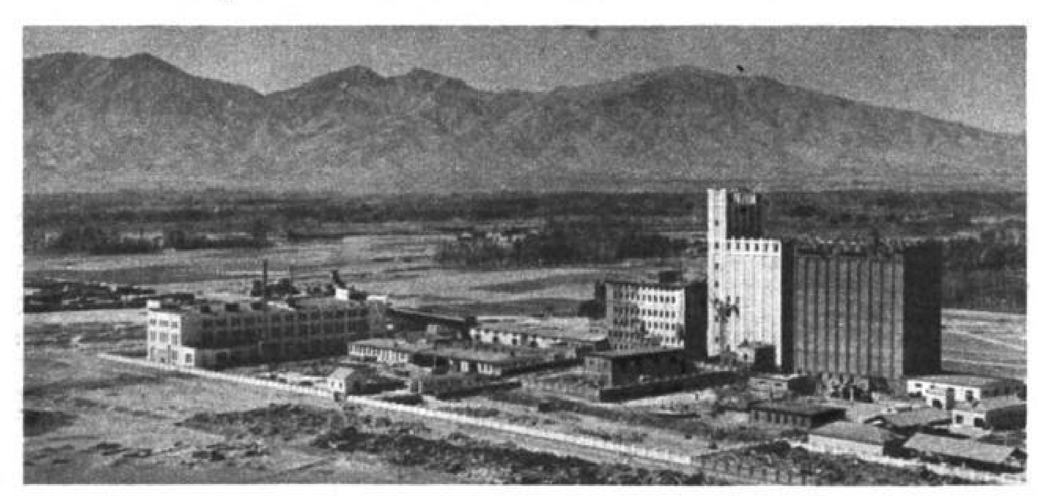
В Сталинграде афганские гости осмотрели Сталинградский тракторный завод, побывали на одном из участков строительства Сталинградской гидроэлектростанции. Прощаясь со сталинградцами, Премьер-Министр Афганистана отметил, что, несмотря на краткость его пребывания в Сталинграде, оно было для него очень интересным. Сардар Мухаммед Дауд сердечно поблагодарил за теплый прием.

В столице Азербайджана Баку гостей встречали на аэродроме тысячи жителей города. Премьер-Министр Афганистана Сардар Мухаммед Дауд в своей речи подчеркнул, что между афганским и азербайджанским народами существуют давние культурные связи.

Гости побывали в Академии наук республики, в музее великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви.

Баку. Посещение музея Низами Гянджеви.

На строительстве хлебомелькомбината в Кабуле



Кабульский хлебомелькомбинат.

В Кабуле, где дымят трубы старейшего завода Машинханэ, возводятся большие корпуса новых промышленных предприятий.

На фоне высоких гор, обступающих столицу Афганистана, издалека видны самые высокие в городе здания Кабульского хлебомелькомбината — элеватор, мельница, хлебозавод. Правительство Советского Союза предоставило Афганистану кредит для строительства комбината, советские организации разработали его проект и поставляют технологическое, электросиловое, сантехническое и другое оборудование, а также основные строительные материалы.

На комбинате работает более 100 советских специалистов — инженеров и мастеров различных специальностей.

Основные сооружения близятся к завершению. В ряде цехов уже идет опробование агрегатов на холостом ходу.

Советские специалисты обучили многих афганских рабочих различным специальностям.

Ф. КИСЕЛЕВ
Фото Е. Ефимова.

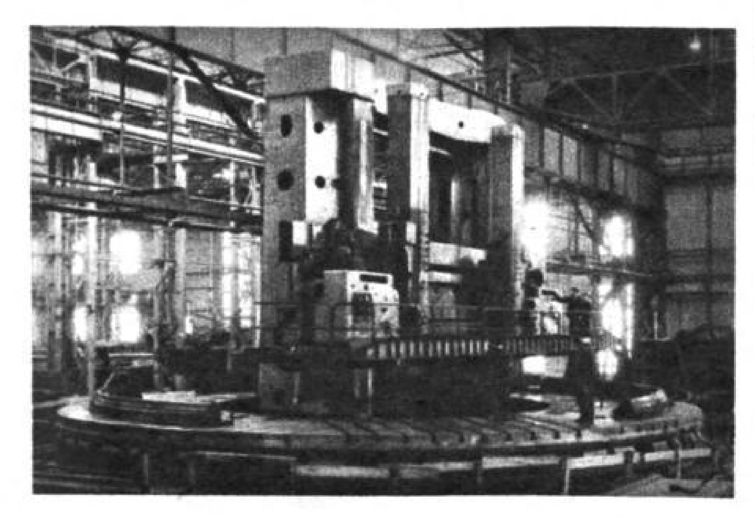
Главный инженер строительства советский специалист В. П. Исаченко, директор строительной компании Гулям Мухаммед Хан и начальник строительства Абдул Вахед.

Новая медаль

Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За освоение целинных земель».

Медалью будут награждаться те, кто хорошо проработает в районах освоения целинных и залежных земель, как правило, не менее двух лет.

Станок-гигант



На стенде сборочного цеха Коломенского завода тяжелого станкостроения завершаются испытания нового карусельного станка. Размеры его огромны. Под самые перекрытия цеха уходят портальные колонны, достигая двенадцатиметровой высоты. Вес нового станка-гиганта — более 750 тонн. Шестнадцатиметровая планшайба, на которой можно обрабатывать деталь весом в 260 тонн, приводится в движение двумя моторами. А всего на станке установлено тридцать пять электрических двигателей общей мощностью около 750 киловатт. Все управление сосредоточено на главном пульте. Основные кнопки управления станком повторены также и на малом пульте и на коробках подач.

Выпуск такого станка — крупное достижение коломенских станкостроителей. Скоро его отправят на Сызранский гидротурбинный завод. На гигантском станке будут обрабатывать кольца турбин для мощных гидростанций, строящихся на Волге.

С. ФРИДЛЯНД

ЕЛЕЦКИЕ КРУЖЕВА

Кружевницы В. Е. Атаманова, В. В. Рожкова и В. Л. Третьякова за работой над занавесом.

Фото Б. Вдовенко.

Так уж повелось у елецких кружевниц — к каждому празднику готовить новую художественную работу.

Сейчас лучшие мастерицы артелей «20-й год Октября» и «Восход» плетут два уникальных кружевных занавеса. Особенно интересен занавес размером 3,5 на 3 метра по рисунку художницы В. И. Григорьевой. На золотистом фоне из льняной кремовой нитки шелковой сканью — более плотным белым шнуром — выкладывается ажурный рисунок: цветы, листья, силуэты летящих птиц — богатый орнамент, которым исстари славятся елецкие кружева.

Эти кружева известны всему миру. Только в текущем году они демонстрировались на шестнадцати международных выставках: в Индии, Турции, Сирии, Франции, Польше и других странах.

Триста всевозможных видов кружевных изделий — скатертей, накидок, покрывал, дорожек, воротничков — плетут одиннадцать тысяч елецких мастериц.

Три четверти века рисует нитками старейшая кружевница Дарья Николаевна Матюхина. В восемьдесят два года она отлично видит, работает и обучает своему искусству молодежь. Многие кружева Матюхиной, рисунок которых она придумывает сама, хранятся в музеях Москвы и Ленинграда.

...Занавесы, готовящиеся для выставки, будут закончены к тридцать девятой годовщине Великой Октябрьской революции.

— Это наш подарок к празднику,— говорят елецкие кружевницы.

И. ИЛЬИЧЕВА

200 тысяч покупок в день

Во всех многочисленных секциях и отделах ГУМа идет оживленная предпраздничная торговля.

Директор ГУМа тов. Каменев рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Посетители ГУМа делают теперь свыше 200 тысяч покупок в день вместо обычных 120—130 тысяч.

В отделе готового платья хороший выбор мужских и женских костюмов различных расцветок, размеров и ростов. Костюмов для женщин у нас сейчас раза в три больше, чем было в это же время год назад. В большом выборе зимние пальто. Появились сшитые по новым моделям нарядные блузки, платья из гладких утяжеленных тканей и шерсти.

начинают изготовлять по ним платья. Есть новинки и для ребят.

Как всегда, накануне праздников ГУМ продает сейчас множество красно оформленных подарков. Специальный магазин и 24 секции универмага, где можно купить подарки, приготовили комплекты дамских сумок, парфюмерии, перчаток, галстуков и других вещей. Парфюмерные фабрики Москвы и Ленинграда прислали разнообразные сорта духов. Есть новинки: «Времена года», «Русалка», «Любимый город»...

В предпраздничные дни у нас открывается выставка-продажа абажуров. Московские фабрики треста «Мосгалпром» представят 250

В отделе подарков.

Фото Б. Кузьмина.

В отделе культтоваров не умолкают с утра до вечера пение и музыка. Люди спешат купить к празднику новые грампластинки. Большой спрос на радиоприемники, радиолампы, магнитофоны, фотоаппараты, широкоэкранные телевизоры новых марок.

Горячие дни сейчас в художественно - экспериментальных мастерских и ателье ГУМа. Здесь выполняются предпраздничные заказы. Отдел мод нашего универмага в большом количестве (100 тысяч) выпустил в продажу 15 новых моделей выкроек женской одежды. Ателье ГУМа и швейные фабрики

разных моделей абажуров вместо 25—30, обычно имеющихся в продаже. Продавцы и консультанты помогут покупателям выбрать покупку.

Для самых маленьких посетителей ГУМа открывается к празднику зал по продаже игрушек.

Такой же зал откроется и для продажи посудо-хозяйственных товаров.

Мы стремимся к тому, чтобы ассортимент каждого отдела был сейчас наиболее полным. Задолго до праздника, чаще, чем обычно, уходили от нас к поставщикам письма и телеграммы: не задерживайте товары для предпраздничной торговли!

Широкий путь чиатурскому марганцу

На карте железнодорожных магистралей Советского Союза появилась новая горная железнодорожная ветка Зестафони — Чиатура.

До сих пор в течение 60 лет марганец из Чиатуры, расположенной высоко в горах, спускался по узкоколейной дороге к маленькой станции Шорапани на главной железнодорожной магистрали. Отсюда его перегружали на другие платформы.

Но это еще не беда. Бассейн растет, добыча руды увеличивается с каждым годом, и узкоколейка не справляется с потоком грузов. Строительство ширококолейной дороги из Чиатуры стало насущной необходимостью. На тонкой полоске вдоль берега Квирилы, где по одну сторону река, по другую — отвесные скалы, едва умещалась старая узкоколейка. Казалось, иного пути нет, как перешить узкий путь на широкий.

Однако от этого пришлось сразу же отказаться. Поток марганца нельзя останавливать ни на день, ни на час. Оставалось одно: строить новую ветку рядом со старой, не прерывая движения.

Советские инженеры Н. Сванишвили и Г. Джаши составили проект. Усмиряя там, где это необходимо, буйный нрав Квирилы, воздвигая насыпи, одевая коварные стены ущелья в железобетон, строители провели в горах 36-километровую железную дорогу. В канун 39-й годовщины Октября по ней прошел первый мощный локомотив.

И. МЕСХИ

Фото М. Квирикашвили.

«Беларусь-2»

Старший мастер цеха телевизоров К. Глебка (слева) и настройщик А. Селемин за наладкой «радиокомбайнов».

Фото А. Дитлова.

Знаком ли вам термин «радиокомбайн»? На Минском радиозаводе так называют новый универсальный аппарат «Беларусь-2». В нем объединены широковещательный трехдиапазонный приемник, проигрыватель для обычных и долгоиграющих пластинок и телевизор с экраном 18 × 24 сантиметра с переключателем для приема изображений по пяти каналам.

Внешне «радиокомбайн» почти не отличается от телевизоров «Беларусь». Однако внутри произведены большие перемены.

В канун Октябрьских праздников по конвейеру сборочного цеха пройдет уже трехтысячный универсальный телевизор «Беларусь-2».

В КВАРТИРЕ НА СЕРДОБОЛЬСКОЙ

Рассказ
Маргариты Васильевны ФОФАНОВОЙ

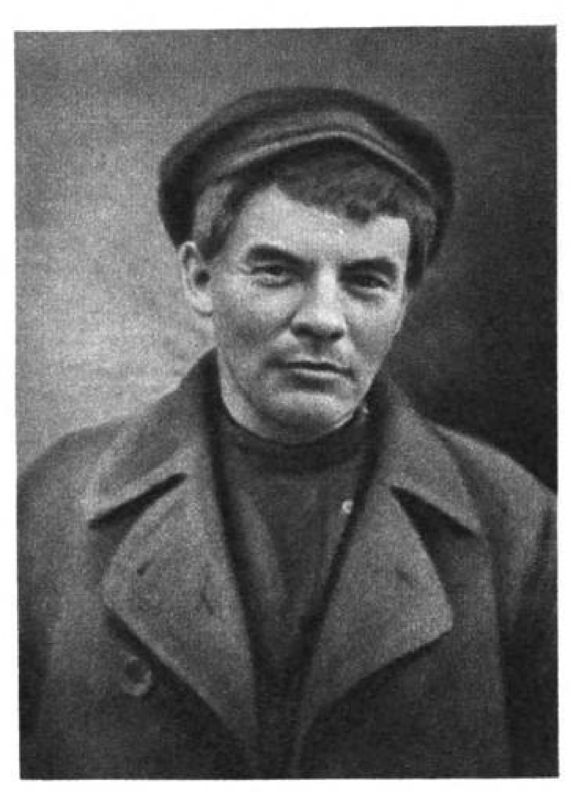
Первый раз я увидела Ленина 3 апреля 1917 года, когда он выступал с броневика. Могла ли я, находясь в толпе, запрудившей всю площадь перед Финляндским вокзалом, предполагать, что Ильич станет вскоре моим жильцом и моя квартира окажется его последним подпольем...

В ту пору я и жила и училась на Выборгской стороне. Я заканчивала Стебутовские высшие сельскохозяйственные курсы. От этих курсов меня выбрали в Петроградский Совет. А когда образовалась районная дума, или, как еще говорили, управа, я активно участвовала в ее работе. Управа была в руках большевиков. В ее помещении и находился Выборгский комитет партии, занимавший две маленькие комнатушки. Секретарем этого комитета была Женя Егорова, мой хороший товарищ. Она-то и познакомила меня с Надеждой Константиновной Крупской, которая почти сразу после возвращения с Ильичем из эмиграции пришла к нам в район. Она организовала при управе нечто вроде отдела народного образования. Мы учитывали на заводах неграмотных, создавали для них школы, читали лекции населению. Был открыт клуб на Сердобольской улице для рабочих подростков.

А я жила на этой улице, в четырехэтажном угловом доме, выходившем, кроме Сердобольской, на Большой Сампсониевский проспект. Это был один из многих питерских так называемых доходных домов, густо населенных рабочим и мелкослужилым людом.

Надежда Константиновна чуть не ежедневно бывала в нашем молодежном клубе, проделывая пешком довольно длинный путь от управы, находившейся в начале Сампсониевского, близ Невы, а затем до своего дома на Петроградской. Я видела, как она устает, и однажды вечером, возвращаясь с ней из клуба, пригласила к себе передохнуть, выпить чайку. С тех пор Надежда Константиновна часто заходила и несколько раз оставалась ночевать. Шутя она называла мою квартиру «транзитной станцией». Бывали и другие товарищи по клубу. А по пятницам ко мне собирался целый педагогический совет, обсуждали дела за неделю. Я даже не знаю, почему предпочитали заседать не в клубе, а у меня, но это стало обычаем. Наведывалась и Женя Егорова. Особенно она зачастила под конец июня. Как-то они зашли вместе с Крупской. Заглянули для чего-то во все три комнаты, в кухню, и Надежда Константиновна сказала: «Да, очень удобная квартира». И слово «удобная» произнесла с каким-то особым оттенком, смысл которого я тогда, признаться, не уловила...

После того как я слышала Ленина на площади у Финляндского вокзала, мне пришлось увидеть его еще несколько раз. В тот же вечер своего возвращения в Петроград он выступил с балкона особняка Кшесинской, и я была среди тех, к кому он обращался. Потом я его видела в самом особняке, когда мы были там с Крупской по делам Выборгского комитета. Затем он заезжал как-то к нам в комитет за Надеждой Константиновной. И, наконец, я встретилась с Ильичем на своей квартире. Но это было еще до того, как он стал моим квартирантом. Это было в июле, в самый разгар июльских событий, когда потребовалось провести конспиративное совещание членов Центрального Комитета, и они собрались у меня на Сердобольской. Заседали в столовой, и я входила туда как хозяйка, чтобы внести закипевший чайник, сковороду с яичницей и накрыть на стол. Ильич сидел в легком летнем пальто у маленького круглого столика, стоявшего слева у стены, остальные — за обеденным. Я старалась проделать все быстро и, выйдя из столовой, больше уже туда не заходила. Через некоторое время товарищи начали поодиночке расходиться. Позже я узнала, что речь шла о клеветническом обвинении,



ЛЕНИН в парике и гриме в 1917 году.

выдвинутом меньшевиками против Ленина, и о том, как реагировать на это обвинение.

Вскоре в газетах был распубликован приказ Временного правительства об аресте Ленина. Ильич перешел в глубокое подполье. Он жил в Разливе, в шалаше, а затем перебрался через границу в Финляндию. В эти дни Женя Егорова попросила меня подготовить квартиру «на всякий случай». Я догадывалась, что придется кого-то прятать, но не знала еще, кого. Пришла Надежда Константиновна и сказала, что у меня, наверно, будет скрываться Ильич. Съездом партии принято решение о подготовке вооруженного восстания, и Ленину нужно будет находиться в Петрограде. Мой дом удобен тем, что стоит на самой окраине города, близ полотна Финляндской железной дороги, в районе, где живет рабочий класс...

«Словом, готовься»,— сказала Надежда Константиновна. Что это означало? Прежде всего надо было подумать о моих ребятах. К 1 сентября они должны были вернуться с дачи. Галочка продолжит занятия в коммерческом училище, а Сережа пойдет в первый класс. Но как же держать детей в квартире, где будет скрываться человек?.. Может быть, поселить их временно у тетушки на Николаевской? «Нет,— сказала Надежда Константиновна.— Не сочти меня жестокой, но ребят твоих нельзя оставлять в городе. Тебе предстоит напряженная, связанная с большим риском работа. А дети будут тебя отвлекать». И я решила отправить сына и дочку к моим старикам, жившим тогда в Уфимской губернии, написав им, что в Питере становится голодно и что я и сама, как только получу диплом, переберусь поближе к Уфе. Отвезти детей согласилась моя младшая сестра, Верочка, тоже курсистка.

Где поместить Владимира Ильича? Решили, что лучше всего в моей с ребятами спальне, самой большой и наиболее отдаленной от входа комнате. Из передней туда вел длинный коридор, в который выходили двери еще двух комнат и кухни. Я перенесла часть своих вещей в ближнюю к передней комнату и начала оборудовать жилье для будущего квартиранта.

Тем временем Надежда Константиновна съездила к Ильичу в Гельсингфорс. Она переехала границу в крестьянской одежде с паспортом на имя Агафьи Атамановой. Она везла с собой планы дома и квартиры. Ленин одобрил этот выбор. Он вспомнил, что уже бывал у меня. Его немного смущало отсутствие черного хода. Но это в какой-то степени компенсировалось тем, что окна моей квартиры выходили не на улицу и даже не во двор, а в сторону птичьего питомника, который примыкал непосредственно к железнодорожной насыпи... Ильич попросил привезти ему вторые ключи от квартиры и от комнаты. Он поставил условие: замочную скважину держать свободной, а дверную цепочку снятой, чтобы в любую минуту можно было попасть в квартиру, не беспокоя хозяйку... И Надежде Константиновне пришлось еще раз отправиться в Гельсингфорс. Кроме ключей, она захватила с собой план местности с двумя маршрутами, которыми Ильич мог следовать на Сердобольскую. Первый — в том случае, если он сойдет с поезда на станции Ланская. Она в какой-нибудь сотне метров от нашего дома, но тут всегда людно. Безопасней сойти на Удельной. Это хотя и в пяти километрах, но зато дорога идет совершенно пустынной местностью. Мы с Надеждой Константиновной специально прошли весь этот путь, чтобы начертить маршрут во всех подробностях, отметив все ориентиры, каждый поворот и каждое ответвление. Ключи и план были вручены Ильичу, и теперь оставалось только ждать его.

Но пока Крупская ездила второй раз в Гельсингфорс, возникло одно обстоятельство, чрезвычайно меня смутившее. Я держала домашнюю работницу. Ее звали Юзя, и она была верный мне человек, знавший о моих партийных связях. Надежде Константиновне нравилась эта спокойная, рассудительная полька. И мы договорились, что Юзя останется со мной на период конспирации. Она будет весьма полезна. А пока Юзя помогала мне в отправке детей, в подготовке квартиры. И вдруг заявляет: «Дома случилась беда. Я должна съездить в деревню...» Не отпустить ее я не могла, а отпустив, можно было поставить под удар все задуманное. Ведь Юзя слишком много знает о наших приготовлениях, и я на какой-то момент усомнилась в ней: уж очень скоропалительным показался мне ее отъезд. Тут как раз вернулась Надежда Константиновна, и я поделилась с ней своими опасениями. Она задумалась и сказала: «Юзя — простая, честная женщина. Такие не подводят». И Юзя не обманула. Ей действительно необходимо было навестить родных. А тайну нашу она сохранила и навсегда осталась близким человеком и мне и Надежде Константиновне.

Ильич что-то задерживался. Прошла неделя, другая, прошли две пятницы. По пятницам же, как я упоминала, у меня собирался педагогический совет. Дважды удалось отговориться, сославшись на какие-то причины. А на третью пятницу товарищи окружили, спрашивают: «Ну, как, сегодня-то соберемся у вас, Маргарита Васильевна?» Снова отказать было уже неловко, и я пригласила. Мы сидели, как обычно, в столовой и шумно толковали о текущих клубных делах. Время было вечернее, что-нибудь около восьми. Вдруг слышу, кто-то отворяет дверь с лестницы. И сразу же быстрые шаги по коридору. Я выскользнула из столовой, успев прикрыть за собой половинку двери. Электричества в квартире не было. Коридор тускло освещался керосиновым ночником. Навстречу стремительно шел человек в темном пальто с поднятым воротником, в кепке. Это был Ильич. Он не остановился, не поздоровался, но я заметила, как он метнул взгляд в сторону столовой. Я прикрыла туда и вторую половинку двери. С лестницы еще кто-то вошел в переднюю. Я вгля-

Рабочий стол в комнате В. И. Ленина и книги, которые он читал, живя в квартире на Сердобольской улице.

непосредственных соседей, то слева живет очень милая, скромная семья, да и справа неплохие люди. Но у них есть 16-летний шалопай, который не учится и не работает. Он подворовывает, якшается с преступным элементом. Вот его надо опасаться. Тем более, что квартира, в которой он живет, соприкасается с моей по всей линии коридора... «Вот видишь, Володя,— сказала Надежда Константиновна,— а ты любишь взад и вперед расхаживать по коридору и напевать при этом романс... Тебе придется отказаться от этой привычки...» И Владимир Ильич послушно склонил голову.

После завтрака мы зашли в мою комнату, где был балкон. Ильич приоткрыл дверь на него и, высунув только голову, осмотрел фасад дома. Где проходит ближайшая водосточная труба? Между окон столовой, ближе к левому. «Левое не замазывайте на зиму»,— сказал Ильич. Я как-то не сразу осознала, к чему это, но он тут же пояснил: «Черного хода у вас нет. А может быть, придется разок спуститься и не по парадной лестнице... Кстати, если вас не затруднит, оттяните-ка сегодня вечерком вон ту пару досок в заборе. За ним ведь, кажется, птичий питомник? Ну вот и отлично, будем удирать под гусиный гогот...»— пошутил он.

Вернувшись в столовую, Ильич увидел на верхней полке книжного стеллажа фотографию моих детей, взял, долго разглядывал. «Как они доехали? Как устроились?» Я сказала, что моя сестра Вера, отвозившая детей, уже возвратилась в Петроград. Галочку она оставила в самой Уфе у наших знакомых и определила в гимназию, а Сережу дедушка взял в деревню... «Попросите Веру Васильевну как-нибудь зайти сюда и рассказать о поездке в Уфу»,— сказал Ильич. А дня через два напомнил об этом. Я сходила на Петроградскую к Верочке и привела ее к нам. Ильич с пристрастием допрашивал ее, как она довезла ребят, как питались в пути, как их встретили в Уфе... О моих ребятах он и потом не забывал. Каждый раз, как приходила от них открытка, спрашивал: «О чем пишут?» Или взглянет на фотографию и скажет: «Не кручиньтесь, Маргарита Васильевна, скоро увидитесь...» Забегая вперед, должна сказать, что, к сожалению, моя разлука с детьми затянулась. Когда началась гражданская война, Уфа оказалась у белых, и о Гале с Сережей долго не было вестей. И вот председатель Совнаркома Ленин отдал распоряжение воинской части, которая первой ворвется в Уфу, разыскать детей Фофановой и немедленно доставить их в Москву. Этот приказ был выполнен...

делась: Надежда Константиновна... Кивнув мне, она молча прошла вслед за Ильичем в его комнату.

Коллегам я объяснила, что неожиданно-де нагрянули родственники и я должна заняться ими. Заседание мы свернули, и учителя разбрелись. Встревоженная своей оплошностью, я пошла на кухню готовить чай и ужин. Вышла туда и Надежда Константиновна. Конечно, отчитала меня. Ильич, стремительно проходя мимо столовой, не только, оказывается, увидел сидевших там людей, но и успел разглядеть их. А одну из женщин даже узнал, вспомнив, что она была в эмиграции в Париже. Видя мою растерянность, Надежда Константиновна сказала, чтобы меня успокоить: «Часть вины я беру на себя. Нужно было забежать, предупредить. Но я боялась опоздать к приходу поезда на Удельную...» И тут же добавила: «Ни чаю, ни ужина не надо... Володя страшно устал и лег. К тебе у него только одна просьба: завтра к утру, к десяти, достань, пожалуйста, все свежие газеты».

Газеты появлялись у нас на Выборгской рано, когда рабочие шли на заводы, и к восьми утра у меня в руках были «Рабочий путь», «Новая жизнь», «Дело народа», «Речь», «Новое время» и прочие издания. Забежала в булочную за теплым ситным, в молочную... К десяти часам завтрак был готов. Первой вошла в столовую Надежда Константиновна. «Вот и Владимир Ильич,— сказала она,— знакомьтесь». «Вот и неверно,— поправил он, входя вслед,— перед вами Константин Петрович Иванов, что и подтверждается документально». Он протянул мне пропуск на имя рабочего Сестрорецкого завода К. П. Иванова. Поправляя сдвинувшийся парик, он посетовал: «Никак не могу привыкнуть. Все время забываю о парике. Маргарита Васильевна, прошу вас, возьмите эту штуку под свой контроль. Беспощадно критикуйте меня за забывчивость и небрежность...»

Потом, за завтраком, был разговор о правах и обязанностях хозяйки и квартиранта. Ильич настаивал больше на моих правах и своих обязанностях. Естественно, меня, как хозяйку, беспокоила кулинарная сторона дела. Я спросила Владимира Ильича, какие у него будут в этом смысле требования. «Требования? Никаких! И ни в чем. Полностью подчиняюсь вам. Впрочем, есть одно требование. Газеты! Мне необходимы решительно все газеты. Ежедневно. И тут я буду безжалостно вас эксплуатировать. Безжалостно!» — повторил он.

Уточнили некоторые детали конспирации. Договорились об условных звонках для Надежды Константиновны, которая будет нас навещать: один длинный, два коротких. Ни на какие другие звонки или стук Владимир Ильич не должен подходить к дверям. Он поинтересовался соседями, моими отношениями с ними. Я рассказала о своей работе в домовом комитете, которая сблизила меня с жильцами, с дворниками. И моя квартира в связи с этим вне всяких подозрений. Что касается

Но вернусь к событиям семнадцатого года. В квартире на Сердобольской начались будни конспирации.

В моем распорядке дня, собственно, мало что изменилось. Как и всегда, по утрам я шла в булочную, в молочную. Только в сумке к продуктам прибавлялась еще толстая пачка газет всех партий и направлений. Ильич сдержал свою «угрозу»: он был «безжалостен», ежедневно отмечая в специальном реестре газеты, которые я не достала, и мне даже приходилось иной раз ездить за ними в издательства. Помню, Ильичу потребовался номер «Крестьянских Известий» с наказом 242-х земельных обществ. Эта газета в городе не продавалась, и я разыскала ее только в самой редакции. Привезла Ильичу, и он целый день провел за этим наказом, изучая каждый его пункт. «Молодцы мужички!— восклицал он, потирая руки.— Сколько тут народной мудрости! Вот основа для декрета о земле».

Лекции на Стебутовских курсах я, как дипломантка, не посещала. Я работала секретарем в редакции сельскохозяйственной энциклопедии. Наше издательство помещалось на Васильевском острове. Теперь мой маршрут туда стал несколько иным. По дороге в редакцию я заходила в Выборгский комитет, чтобы вручить записку от Ильича, и на обратном пути снова заглядывала, чтобы взять для него «почту». Вся связь Ленина с ЦК шла через Выборгский комитет и, в частности, через ежедневно бывавшую там Надежду Константиновну. Изредка она и к нам заходила.

Ильич напряженно трудился. Он написал за время конспирации много статей, передавая их в редакции большевистских газет. Его особенно интересовал в этот период крестьянский вопрос. Зная, что я будущий агроном, он часто «пытал» меня по различным проблемам сельского хозяйства. У меня была небольшая, но неплохо подобранная библиотечка сельскохозяйственной литературы. Ильич всю ее проштудировал. А книгу профессора Сукачева «Болота» изучил самым доскональным образом. В этой книге много говорится о торфе. И, быть может, Ленин вспомнил ее впоследствии, когда при составлении плана ГОЭЛРО давал указание Г. М. Кржижановскому об использовании торфа как источника электрической энергии...

Работал Ленин за небольшим письменным столом, за которым делала уроки моя Галочка... Ильич был скромен в быту, и его вполне устраивала обстановка в комнате: железная кровать, тахта, комод, два стула, умывальник, вешалка. Он любил простые вещи. Ему нравились висевшие на окнах бязевые шторы с их незатейливым нежным рисунком. Я покупала их в магазине Прохоровской мануфактуры. Сейчас в квартире на Сердобольской, ставшей музеем, висят точно такие. Их соткали недавно на «Трехгорке» по старому рисунку, который я разыскала в фабричном архиве.

В квартире стояла тишина. Не раздавалось детских голосов; с «пятницами» было покончено: я ушла из клуба; удалось отделаться и от секретарских обязанностей в домкоме. Но все-таки бывали непредвиденные посещения. Об одном из них вспоминает и Надежда Константиновна в своей книге. Как-то, поднявшись по лестнице, она увидела около моей квартиры юношу в морской форме, который нещадно колотил в дверь. Назвавшись моим родственником, он сказал Надежде Константиновне, что в квартиру кто-то забрался, по коридору ходят и даже к дверям подходили. Надежда Константиновна, состроив удивленную мину, заявила ошарашенному парню, что все это ему померещилось, что шаги раздавались, наверно, в соседней квартире. В общем, ей как-то удалось уговорить его, проводив до трамвая. Вернувшись и войдя в квартиру, она сделала выговор Владимиру Ильичу, и тот признал свою оплошность... Юноша был мой воспитанник, сирота Женя Флоров, студент, ставший потом профессором. А в ту пору он собирался на свою первую морскую практику и приезжал ко мне за вещами.

Было и так. Сидим за завтраком. Звонок. Иду к дверям. Оказывается, соседка. Муж привез ей из деревни мяса. Вот она и пришла поделиться. Предлагает огромный 10-фунтовый кусок. Отказываться неудобно: ведь она не знает об отъезде моих детей. В доме я говорила, что дети временно у тетушки на Николаевской... Пришлось раскошелиться. И в столовую я вошла, видимо, в некоторой растерянности. Ильич спрашивает, кто приходил. Рассказываю. «И сколько же вы взяли мяса?» «Десять фунтов». «Ого, слонов кормить...» И направился в кухню посмотреть на мою покупку. Кусок был чудесный — свежий, сочный. «Славный продукт...— говорит Ильич.— Когда мы жили с Наденькой в Париже и были стеснены в средствах, мы редко покупали говядину. А такую и в глаза не видели... Но как же вы все-таки распорядитесь этакой громадиной?» «Потушу,— объясняю.— А хотите, пельменями могу угостить». «Ну уж и пельменями. Они ведь только сибирякам и удаются». «А я,— говорю,— пермячка и тоже понимаю кое-какой толк в пельменях». Узнав, что я из Перми, начал расспрашивать о нашем крае. Пришлось рассказать немного о себе, о революционных кружках, об аресте, о ссылке... А отведав моих пельменей, был в восторге, утверждал, что я превзошла сибиряков, что даже в Шушенском он не пробовал такой прелести. И тут настала его очередь рассказывать о себе, о Шушенском, и я узнала не-

которые подробности биографии Ильича... Позже, в Москве, когда я бывала у Ульяновых в кремлевской квартире, Ильич каждый раз вспоминал мои пельмени и всячески их нахваливал всем, сидевшим за столом.

Заодно мне еще вот что вспомнилось. Встречаю в Выборгском комитете Марию Ильиничну, сестру Ленина. Ждала меня, чтобы передать брату небольшой пакетик. А там запеченное с вареньем антоновское яблоко. «Володя очень любит это. Отнесите ему, пожалуйста». За обедом я и говорю: «Вам подарок от сестры...» «Что такое, какой?» Ставлю на стол чашку с яблоком. «Вот и хорошо,— говорит,— теперь и у меня есть чем вас угостить». Пододвигает чашку ко мне. И слушать не хотел, когда я отказывалась...

В начале октября у нас, кроме Надежды Константиновны, начал бывать Эйно Рахья, рабочий одного из заводов Выборгской стороны, выделенный Центральным Комитетом для дополнительной связи с Ильичем и главным образом для охраны его. Ленину разрешено было в исключительных случаях выходить из конспиративной квартиры, но только по вечерам и в сопровождении Рахьи.

На моей памяти пять выходов Ильича и шестой, последний, уже не выход, а уход — в Смольный.

Первый раз Ленин и Рахья выходили вместе из дому 8 октября. Где они тогда были, не знаю, но Ильич сравнительно быстро вернулся. А вот через день, 10-го, он заставил меня поволноваться. В этот вечер в доме на набережной реки Карповки происходило заседание ЦК, принявшее по предложению Ленина решение о вооруженном восстании. Я прождала своего квартиранта почти всю ночь, то и дело подходила к окну, вглядывалась в темь, словно могла кого-нибудь увидеть. Шел проливной дождь, и деревья гнулись под порывами ветра... Ленин вернулся уже под утро, когда непогода утихла, весь мокрый, в грязи. «Ну и столица! — жаловался он.— Без галош ходить невозможно...» И мы условились купить галоши, а также ватин под пальто: наступали холода... Я помогала Ильичу почиститься и в одном из потайных карманчиков его костюма случайно обнаружила сложенную вчетверо 100-рублевую ассигнацию. «Посмотрите! — воскликнула я.— Вы, наверно, когда-то положили и забыли». «Нет,— сказал Ильич,— не забыл. Это неприкосновенный фонд подпольщика».

Уходил он из дому вместе со своим спутником и 14-го побывал, кажется, у Калинина, который жил недалеко от меня. Нужно было договориться о расширенном заседании ЦК с активом. Оно состоялось через день в помещении Лесновской подрайонной думы на Болотной улице. Это тоже недалеко от Сердобольской. Уходя, Ильич сказал, что, видимо, не задержится, а снова вернулся на рассвете. Он пришел радостно-взволнованный: собравшиеся поддержали его доклад. И одновременно поворчал на товарищей, на их неаккуратность. Наметили определенное время, а сошлись все гораздо позже, заставив Ленина и Рахью чуть ли не два часа ходить возле дома, предназначенного для встречи. Я тоже была возмущена, представив себе, какой опасности подвергался Ильич...

Не было его дома и 22 октября.

И, наконец, 24-е! Оно началось обычно. К восьми были добыты газеты, потом мы позавтракали, потом я отправилась к себе в издательство, унося очередную записку в Выборгский комитет. Прочитав ее и посоветовавшись с членами ЦК, которые здесь дежурили, Надежда Константиновна попросила меня, в отличие от прошлых раз, сейчас же доставить ответ Ильичу. Пришлось возвращаться домой. Послание, переданное мной Ленину, заставило его нахмуриться. «Что-то они мудрят!..» Он быстро набросал несколько фраз на клочке бумаги, и я снова пошла в комитет, а оттуда — на Васильевский. На улицах неспокойно. День будничный, вторник, а народ валом валит. Много солдат. На углах красногвардейские патрули. Трамваи почти не ходят. Только на Большом проспекте мне удалось проехать несколько кварталов. В издательстве не успела разложить рукопись, как кто-то вбежал и крикнул: «Николаевский развели!» Это меня встревожило: если начнут разводить все мосты, как же я попаду к себе на Выборгскую? Сославшись на недомогание, ушла из редакции. Николаевский был действительно разведен. Пройдя через Тучков на Петроградскую, добралась до Большого Сампсониевского моста. Развели! Бросилась к Гренадерскому. Неужели и этот... Нет, все в порядке. Но теперь нужно делать огромный крюк, чтобы попасть в комитет. На часах около шести. Ильич, конечно, беспокоится, его интересуют события в городе. Решила идти домой. И хорошо сделала. Открываю дверь: мой жилец вышагивает по коридору, заложив руки за спину, без парика, забыв о всякой конспирации.

«Ну что? Ну как в городе?» — набрасывается он на меня. Я рассказываю обо всем, что видела на улицах. «Маргарита Васильевна,— говорит он.— Не раздевайтесь, пожалуйста. Нужно идти в комитет. Нужно отнести им письмо. Сейчас оно будет готово». И ушел к себе. Пока он писал, я, не снимая пальто, разогрела обед, накрыла на стол. И вот уже Ильич выходит из комнаты, протягивает письмо. Говорит: «Возвращайтесь поскорее. И непременно с ответом...» И я снова лечу по Сампсониевскому, прижимая к груди письмо, не ведая еще, что там, внутри, огненные слова, которые станут известны всему миру: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

Ответ, доставленный мною, сердит Ильича. «Вот как! Не разрешают выходить... Нет, вы опять к ним пойдете!» На этот раз записка совсем коротенькая, но, видимо, весьма выразительная, потому что Надежда Константиновна спрашивает: «Что, Володя очень гневается?» «Очень»,— говорю. «И все же передай ему мнение товарищей: выходить нельзя».

Я так и передаю. И вижу, как глаза Ильича вспыхивают злым огнем. На таком накале я его еще никогда не видела. «Идите к ним снова! Где их полки? Где самокатчики, пулеметчики, о которых докладывал позавчера Подвойский? Почему они так медлят?» И тогда я говорю: «Владимир Ильич, я готова идти и в пятый и в сто пятый раз, но только при одном условии: вы должны сесть за стол и покушать — без меня. Я готовила, старалась, а вы игнорируете...» Он смягчился, улыбнулся. «Обязательно поем. Даю вам честное слово. Но имейте в виду, если к 11 часам не вернетесь, волен действовать сообразно своему разумению...»

А было уже около десяти. Спешила я страшно, особенно на обратном пути, хотя и знала, что ответ опять же отрицательный. Поднялась к себе на четвертый этаж, взглянула на часы: без десяти одиннадцать. Не опоздала... Но открыв дверь, очутилась в темной передней. Ночник погашен. Бросилась в столовую — темно, в комнате Ильича тоже. Не дождался. Ушел! Зажигая в столовой лампу, обожгла о нее руки — так она была еще горяча. Значит, Ильич только что был здесь. Но куда он ушел? На столе почему-то три прибора, а я ставила два. Мой не тронут, из остальных явно кушали. Кто же приходил к Ильичу? Наверно, Рахья. Кроме него и Крупской, Ильич никому не открывал, а Крупскую я видела полчаса назад... Но что это на моей тарелке? Записка. На длинном узеньком листке характерным ленинским почерком: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич». Все эти дни я называла его Константином Петровичем. А тут: Ильич. И от этого милого, домашнего слова сразу как-то отлегло на душе. Он ушел в Смольный. Значит, так надо.

С утра я находилась в безостановочно-стремительном движении и так привыкла к этому состоянию, что и сейчас, впервые за день присев, тут же вскочила, застегнула пальто, потушила свет и двинулась в путь. Куда? В Смольный... Одинокий вагон, выходивший из соседнего с нашим домом трамвайного парка, домчал меня без остановки до Литейного моста. Дальше вагон не шел. И я — была не была! — махнула пешком через мост. А там, за мостом, у Бассейной, снова подвернулся трамвай, шедший, на мое счастье, к Смольному. И уже через каких-нибудь пятнадцать минут я поднималась в толпе рабочих, солдат, матросов, крестьянских ходоков по лестнице бывшего института благородных девиц. С толпой меня внесло в какую-то огромную комнату, полную народа. Я уж хотела выбираться отсюда, как вдруг увидела Ильича. Он стоял у окна в пальто, в шляпе, из-под которой виднелся парик. Снимая шляпу, он сдернул случайно и парик. Я чуть было не крикнула: «Владимир Ильич, что вы делаете? Вас могут узнать...» Но его уже узнали! Послышались возгласы: «Ленин... Ленин!» Меня оттиснули, и пробиться к Ильичу я не смогла.

До дому я добралась часам к трем ночи и, почувствовав внезапно страшную усталость, свалилась в одежде на кровать. Под утро меня разбудил звонок. «Неужели это Ильич?» — подумала я спросонок, но затем сообразила, что Ильичу не нужно звонить: у него есть ключ. Я подошла к дверям, спросила: «Кто?» «Надежда... Он ушел?» «Ушел. Заходи». «Спасибо, мне нужно быть в райкоме». Встретились мы с ней днем в управе. Вместе с другими товарищами мы отправились на грузовой машине в Смольный на заседание Петроградского Совета. В перерыве, когда мы — Надежда Константиновна, Женя Егорова и я — стояли в коридоре, к нам подошел Ильич. «Извините, что столь поспешно удрал,— сказал он, обращаясь ко мне.— Думаю, что сделал это вовремя». Потом я видела Ленина на трибуне II съезда Советов, когда он говорил о земельном декрете, держа в руке газету с крестьянским наказом.

Три дня и три ночи провела я в Смольном. Трое суток мы не спали, выполняя поручения Военно-революционного комитета. Под конец третьих суток Надежда Константиновна сказала: «Знаешь, Маргарита, я вижу, что Володя утомился ужасно. Вот-вот свалится с ног. На квартире у Бонча плохой отдых — там ребенок... А своей квартиры у нас еще пока нет. Как хотелось бы хоть на несколько часов в твою тишину...» И я отправилась на Сердобольскую «готовить квартиру». На этот раз, чтобы принять в ней председателя Совета Народных Комиссаров и его супругу.

«Прием» прошел в самой сердечной обстановке. Это было в первую неделю существования Советской власти... Выспавшись, Ильич вышел к утреннему завтраку веселый, бодрый. Теперь ему не требовался парик. Теперь не нужно было прислушиваться к каждому шороху на лестничной площадке. Теперь можно было, не боясь, свободно расхаживать по коридору и напевать свой любимый романс: «Нас венчали не в церкви...» А потом... Потом Ильич заторопился в Смольный. Надежда Константиновна, отозвав меня в сторону, шепнула: «Мы получаем на днях квартиру. Магазины сейчас закрыты. Дай мне, пожалуйста, что-нибудь из посуды для первого обзаведения». И мы начали собирать в узел тарелки, чашки, ложки. Заметив наши хлопоты, Ильич иронически прищурился, но ничего не сказал.

Из Смольного прислали машину. Мы сели втроем в автомобиль, и он повез нас по Большому Сампсониевскому, мимо райкома, через Литейный мост. У Кирочной я попросила меня высадить и пошла по своим делам...

Литературная запись А. СТАРКОВА.

Маргарита Васильевна Фофанова с внуком Андрюшей.

Фото Р. Лихач.

ТЕАТР ПЕКИНСКОЙ ОПЕРЫ

Занавес сомкнулся, и вечерняя мгла поглотила лица даже тех, кто сидел возле самого помоста. В наступившей тишине вместо дружных аплодисментов порывы холодного ветра разнесли резкие слова команд: «Разобрать оружие!», «Становись!». Бойцы торопливо поднимались и бежали в строй. Наспех уложив в походные саквояжи театральные костюмы, следом за солдатами к подразделениям примыкали актеры. Форменная одежда, широкие кожаные ремни, винтовки наперевес. Пулеметчика не отличить от артиста. Взвод за взводом части 8-й Красной Армии уходили на фронт сражаться с японскими захватчиками. Было это зимой 1940 года... Так началась история театрального коллектива пекинской оперы, носившей тогда название «Хуадун».

Этот эпизод рассказал мне недавно заместитель руководителя театра пекинской оперы города Шанхая, очевидец и участник тех событий товарищ И Бин. Несмотря на годы тяжелых испытаний, которые переживал тогда китайский народ, федерации работников литературы и искусства Освобожденного района провинции Шаньдун удалось собрать и объединить актеров классической оперы и создать новую театральную труппу.

Коллектив в то время небольшого театра пекинской оперы, или, точнее, классической музыкальной драмы — «цзинцзюй», вел большую и нужную работу. Мастерски воспроизводя на сцене события давно минувших дней, отраженные в произведениях классической китайской литературы, актеры поднимали боевой революционный дух, призывали сражаться до полной победы над иноземными захватчиками.

Шли годы. Театр совершенствовал свое мастерство, обогащал репертуар. Весть о замечательном коллективе талантливых актеров распространилась далеко за пределы Освобожденного района. Содержание многих пьес, разыгрываемых театром, передавалось из уст в уста. Такие оперы, как «Отпор Цзиньским агрессорам», «Ненависть Сян Фэй», «Беседка свежего ветра», получили всеобщее признание.

Более девяти лет театр пекинской классической оперы вел кочевой образ жизни, переходя из одного района боевых действий в другой. Актеры, когда это позволяли условия, репетировали новые пьесы днем, а вечером выступали перед тысячной аудиторией где-нибудь за деревенской околицей на импровизированной сцене, чтобы в другие дни рядом с бойцами отражать с винтовками в руках атаки вражеской пехоты или идти в наступление. Походную жизнь театр закончил в 1949 году, когда он в составе частей Народно-освободительной армии с боями вошел в Шанхай.

В течение ряда лет под руководством таких выдающихся мастеров сцены, как Чжоу Синь-фан и Юань Сюэ-фын, творческий коллектив театра пересмотрел и переработал несколько десятков спектаклей, чтобы сделать их более доступными для зрителя, оттенить народный характер основной темы.

Перед выездом на гастроли в СССР руководители и актеры театра написали читателям „Огонька".

— Я давно мечтал побывать в Советском Союзе. Мне всегда хотелось своими глазами увидеть все, чем гордится советский народ,— грандиозные стройки, замечательные вузы, произведения искусства, театр. Я рад безгранично, беспредельно, что мы окажемся рядом с советскими людьми. Мы покажем им скромные плоды своего труда, и мы уверены, что поездка китайских артистов в Советский Союз обогатит нас взаимно, поможет еще большему сближению двух братских народов.

ЧЖОУ СИНЬ-ФАН, руководитель Шанхайского театра пекинской оперы.

— Коллективу нашего театра выпала большая честь: мы сможем впервые так полно показать советским людям китайскую классическую оперу. Эта поездка ценна и тем, что послужит для нас хорошей творческой школой: мы познакомимся с деятельностью прекрасных советских театров.

ТАО СЮН, художественный руководитель театра.

— Я старалась не пропустить ни одного спектакля с выступлениями Галины Улановой во время ее гастролей в Китае. Меня поразило и глубоко взволновало искусство большой артистки. Иначе разве могло быть? Ведь Советский Союз — страна самой передовой культуры! Я всегда буду учиться у вас, дорогие русские братья.

ЧЖАО СЯО-ЛАНЬ, артистка.

— В прошлом году я провела один день в Москве проездом на Варшавский фестиваль. «Удастся ли побывать снова в столице прекрасной Страны Советов?» — спрашивала я себя не раз. А теперь я с радостью думаю, что смогу выступить перед советскими зрителями в любимых ролях.

ЛИ ЮЙ-ЖУ, артистка, депутат Собрания народных представителей Шанхая.

Артистка Чжао Сяо-лань в роли дочери рыбака Сяо Гуй-ин. Опера «Месть рыбака».

В прошлом году весь китайский народ отмечал полувековой юбилей сценической деятельности лучших представителей театрального искусства КНР — Мэй Лань-фана и Чжоу Синь-фана, назначенного тогда же руководителем Шанхайского театра пекинской оперы.

Чжоу Синь-фан за пятьдесят лет творческой деятельности создал целую галерею замечательных исторических образов в амплуа «лаошэн» — почтенных стариков, уважаемых пожилых людей. Чжоу Синь-фан не только большой актер. Он сочетает в себе опытного руководителя коллективом и драматурга-писателя, чуткого, заботливого учителя молодежи и хорошего музыканта. Являясь депутатом Всекитайского собрания народных представителей, он активно участвует в политической и общественной жизни республики.

Перед выездом Шанхайского театра пекинской оперы на гастроли в Советский Союз мы встречались с руководителями театра, беседовали с актерами, присутствовали на репетициях и спектаклях. Нам рассказали, что за 16 лет существования театра его коллектив пополнился новыми силами — выпускниками театральных вузов страны. Теперь в театре насчитывается более трехсот актеров. Опера получила постоянное помещение в Шанхае.

— Наша гастрольная труппа состоит из семидесяти пяти человек: актеры, оркестр, обслуживающий персонал,— сказал художественный руководитель театра Тао Сюн.— Советскому зрителю мы собираемся показать шестнадцать спектаклей. Кроме того, нами подготовлено несколько фрагментов из наиболее популярных китайских классических опер: «На перекрестке трех дорог», «История белой змейки», «История лютни».

Последнее время театр успешно работал над постановкой оперы «15 тысяч монет». Во время гастролей в Советском Союзе роль начальника округа Куан Чжуна в этой опере будет исполнять руководитель театра Чжоу Синь-фан. Он также выступит в операх «Месть рыбака», «Пин Гуй прощается с женой» и других. В этих же спектаклях зрители увидят известную исполнительницу амплуа «хуадань» (молодые девушки, дочери) Чжао Сяо-лань. Талантливая артистка Ли Юй-жу будет занята в операх «Опьяневшая Ян Гуй-фэй», «Поднятый яшмовый браслет», «Осенняя река».

Советскому зрителю покажут свою игру и такие актеры, как Ван Цзинь-лу, который обычно выступает в амплуа «ушэн» (военные персонажи), Чжан Мэй-цзюань — исполнительница амплуа «удань» (женщины-воины) — и другие.

В небольшой пекинской гостинице, где остановились актеры перед отъездом в Советский Союз, с раннего утра и до вечера идут репетиции, проверяются костюмы, упаковываются декорации.

В. КАССИС

Пекин.

Артист Ван Цзинь-лу в роли полководца Чао Гуна. Опера «Тяохуанэ».

Рисунки Л. КАССИС.

Из собрания художественного музея Тулы

На наших вкладках воспроизводятся некоторые из картин, находящихся в фондах Тульского художественного музея. Среди них работы замечательных русских пейзажистов.

В творчестве Ивана Константиновича Айвазовского в первую очередь покоряет его художественный артистизм: и в большой картине и в крошечном этюде — это всегда несравненный виртуоз. Айвазовский работал много, необычайно легко и быстро. Известен факт, когда в присутствии учеников Академии художеств он за два часа написал картину. Не удивительно, что творческое наследие Айвазовского огромно. Южанин, он отличался темпераментом в буквальном смысле слова искрометным, искупавшим и некоторую избыточную склонность к эффектам и романтике. И «Сигнал бури» и в особенности «Морской пейзаж» — превосходный пример умения Айвазовского передать прозрачную тяжесть вод, беспокойный, тревожный ритм морской стихии.

Иван Иванович Шишкин, верный рыцарь движения передвижников, до конца оставшийся верным его знамени, родился в старинном, затерявшемся в прикамских лесах городе Елабуге. И, конечно, первым самым сильным и, если можно так выразиться, самым постоянным впечатлением его детства был лес, не менее грандиозный и величавый, чем море. В формировании таланта Шишкина это обстоятельство, безусловно, сыграло огромную роль: ни до, ни после него русская живопись не знала таких неутомимых певцов леса.

Необычна композиционная схема многих пейзажей Шишкина: его лес очень велик, он как бы продолжается за пределами картины. Достигается это тем, что художник намеренно «не умещает» деревья в раму картины. Эта особенность хорошо заметна в пейзаже «Лес в Мордвинове». Деревья обрезаны почти наполовину, стволы расположены на плоскости холста подобно беспорядочной колоннаде. Шишкин не стремился здесь подчеркнуть исключительность избранного им мотива, наоборот, это часть огромного леса, подобная многим. Может быть, именно поэтому, несмотря на кажущуюся излишнюю обстоятельность, пейзажи Шишкина так просторны, привольны.

Один из самых крупных русских маринистов, А. П. Боголюбов, в своем творчестве отошел от традиционной романтики Айвазовского. Правда, в картине «Венеция ночью» (очевидно, один из ранних пейзажей художника) самый мотив целиком романтический: гондолы, причудливые силуэты домов, луна за облаками. Но и в этой работе чувствуется будущий Боголюбов, трезвый и последовательный реалист. Являясь так же, как и Шишкин, убежденным передвижником, постоянным участником выставок «Товарищества», Боголюбов стремился следовать демократическим традициям своего знаменитого деда — замечательного русского писателя и революционера А. Н. Радищева.

Сергей Иванович Светославский писал обычно большие, сложные по композиции пейзажи, углубленно и неторопливо прорабатывая все детали. Любимые его мотивы — степь, чумацкие возы, крестьянские беленые хаты. «Волы на отдыхе»,— видимо, подготовительный этюд к картине, очень свежо и непосредственно выполненный.

Значительная и плодотворнейшая часть творческой жизни Аркадия Александровича Рылова — автора замечательных пейзажей «Зеленый шум» и «В голубом просторе» — прошла уже после Октябрьской революции. Он скончался в 1939 году в возрасте шестидесяти девяти лет. А. Рылов — ученик А. Куинджи, и творческие искания художника продолжались в направлении, проложенном великим украинским живописцем. Пейзаж Рылова — пейзаж эпический, художник в нем всегда высказывается до конца, речь его спокойна и несколько торжественна. Пейзаж «Глубокая река» с полным основанием можно отнести к первоклассным работам Рылова.

Думается, что с богатствами Тульского музея небезынтересно будет познакомиться и тулякам... Дело в том, что Тульский художественный музей не имеет помещения и не располагает не только возможностью развернуть экспозицию, но и создать элементарные условия для хранения картин. Не странно ли, что в Туле нельзя было до сих пор подыскать помещения, обеспечивающего нормальную работу музея?

А. ГАСТЕВ

И. К. Айвазовский (1817—1900). СИГНАЛ БУРИ. 1851 год.

Тульский областной художественный музей

«Огонек». 1956.

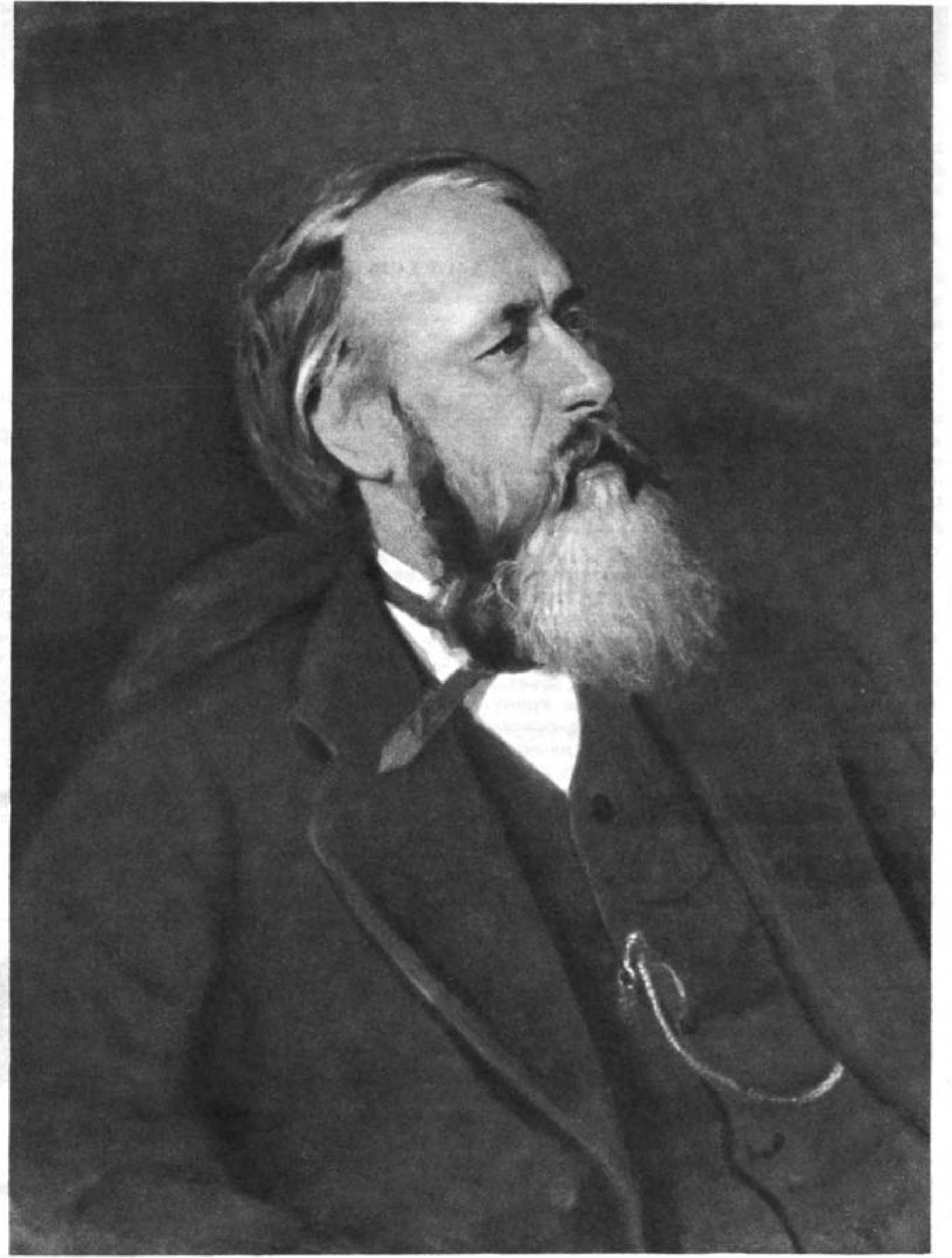
И. К. Айвазовский. МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ.

Тульский областной
художественный музей

А. П. Боголюбов (1824—1896).
ВЕНЕЦИЯ НОЧЬЮ.

ЯРКАЯ ЖИЗНЬ

К 50-летию со дня смерти В. В. Стасова



И. Е. Репин. В. В. СТАСОВ.

Выдающийся деятель русской художественной культуры В. В. Стасов прожил яркую, красивую жизнь, целиком отданную искусству и людям, его создававшим. Человек многогранного таланта и универсального образования, Стасов выступал и как художественный и музыкальный критик и исследователь, и как ученый-этнограф, и как археолог. Более полувека мощно звучал голос этого пламенного публициста, воспитавшего и идейно вдохновлявшего многих выдающихся русских художников. Стасов страстно и неустанно призывал отечественных живописцев никогда не терять из виду «своей коренной, истинной, глубокой задачи. Давать в своих созданиях правдивейшее отражение жизни...»

Любой из нас, побывав в Третьяковской галерее и проходя по ее залам, всегда восхищается замечательными живописными полотнами: «Бурлаки на Волге», «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали» И. Е. Репина, «Боярыня Морозова» В. И. Сурикова, «Тройка» В. Г. Перова, «Сватовство майора» П. А. Федотова, серией картин В. В. Верещагина и многими другими. Эти картины получили поистине всенародное признание. Однако во второй половине XIX века стремление прогрессивных русских художников смело изобразить неприглядные картины русской народной жизни встретило жестокие нападки реакционных критиков, которые пытались оклеветать живописцев, обвинить их в «тенденциозности», принизить их искусство. И тогда на защиту творчества передовых художников выступил В. В. Стасов. В своих статьях он разоблачал горе-критиков, убедительно доказывал, что реалистические произведения передвижников являются гордостью русского народа, торжеством современного искусства.

Как мудрый учитель, как друг воспитывал В. В. Стасов художников, пестовал русское национальное искусство. Вспомним и то, как настойчиво призывал Стасов художников в портретном жанре изображать типическое, раскрывать внутренний мир, характер человека. «Портретист,— писал В. В. Стасов,— который не желает более выражать в портрете характер, историю личности,— что это за портретист, что это за художник, куда он годен?»

Стасов глубоко любил отечественное искусство и встречал каждое новое произведение поистине с трепетной радостью.

Велико литературное наследство, оставленное нам В. В. Стасовым. Каждая его статья может служить для наших современных критиков примером и образцом того, как надо внимательно относиться к творчеству художника, с какой исчерпывающей полнотой анализировать произведение искусства, его достоинства и недостатки, как помогать идейно-художественному росту художников.

Художник П. ВАСИЛЬЕВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.

История одного знамени

И в эту осень учебный год в 36-й средней школе Москвы начался, как обычно. Когда утром 1 сентября раздался звонок, школьники пошли не в классы, а по установившейся традиции выстроились во дворе. Перед строем стояли директор школы Семен Осипович, старшая пионервожатая Людмила Марковна, или просто Мила, как ее звали ребята, и еще незнакомый полковник с многочисленными орденскими планками на кителе.

— К выносу знамени 328-го дивизиона 85-го ордена Красного Знамени Двинского гвардейского минометного полка смирно!— скомандовал Семен Осипович.

Рассыпалась дробь барабана. Призывно запел горн. Из дверей школы вынесли алое знамя и водрузили в центре школьного двора.

И Семен Осипович и стоявший рядом с ним офицер, бывший политработник 85-го гвардейского полка Петр Петрович Гук, рассказали ребятам историю этого знамени.

...В августе 1942 года в Москве формировался комсомольский полк гвардейских минометов — «катюш». За несколько дней перед отправкой на фронт в полк прибыла делегация пионеров Москвы и перед строем всей части вручила знамя лучшему дивизиону.

Минометчики прошли с боями тысячи километров по фронтовым дорогам от Сталинграда до Восточной Пруссии. И всюду рядом с боевым гвардейским знаменем находилось знамя пионеров.

После войны командование и комсомольская организация 85-го полка возвратили потемневшее от порохового дыма и пробитое во многих местах осколками знамя Московскому городскому комитету ВЛКСМ и передали единодушную просьбу гвардейцев — сделать это знамя переходящим, награждая им лучшую школу Москвы, достигшую наиболее высоких результатов в учебной и спортивной работе.

На трех слетах пионеров Москвы оно присуждалось пионерской дружине 36-й средней школы. После этого знамя было оставлено в школе на вечное хранение. Ребятам очень захотелось узнать всю историю полка, встретиться с его ветеранами. Начались кропотливые, настойчивые поиски. А когда наконец школьники встретились с ветеранами, возникла новая мысль — совершить пеший переход по местам боев полка.

И вот во время каникул они двинулись в путь.

Еще в Москве, перед отправлением в поход, полковник Петр Петрович Гук просил школьников разыскать в Калаче жившего там в годы войны мальчика Славу Деревенскова, который совершил замечательный патриотический поступок.

...С тяжелыми боями полк шел на помощь сталинградцам и вот под Калачом остановился: не хватило горючего. Тогда на выручку и пришли ученик 3-го класса Слава Деревенсков и его товарищи. Они разведали все дворы и в одном из них нашли закопанный гитлеровцами, тщательно замаскированный склад горючего и сообщили об этом командованию части.

Когда ребята пришли в Калач, Деревенскова там не оказалось. Решили продолжить поиски в Сталинграде, хотя там туристам предстояло много дел. Обратившись в адресное бюро, получили неожиданно быстрый ответ: «Живет в Сталинграде, Советская, 20, квартира 13».

Через полчаса группа во главе с Людмилой Марковной была возле большого семиэтажного дома, одного из многих, что выстроены после войны. Дверь открыл коренастый широкоплечий юноша. Это и был Вячеслав Сергеевич Деревенсков — ныне слесарь паровозного депо.

Из похода, продолжавшегося 30 дней, ребята привезли много интересных записей, документов, фотоснимков, сувениров. В школе подготовили специальную выставку, посвященную истории 85-го полка и пионерского знамени. В тот день, когда она открылась, в школу приехали ветераны полка, чтобы встретиться с участниками похода. Туристы рассказали прославленным воинам о том, что они видели в местах, где 14 лет назад героический полк вел бои за Родину.

М. ПЕВЗНЕР

По традиции учебный год начался выносом знамени.

ШИРЕ ШАГАЙ, БРАТ!

Глава из повести

Федор ПАНФЕРОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

1

Помню лес — густой, будто грива откормленного коня, и глубокий овраг, а на краю оврага избушка — подслеповатая, старенькая, как и моя бабушка Груня.

По вечерам в избушке собираются старухи в черных платьях — тихие, словно мухи перед морозом. Они становятся напротив огромного, закапанного воском киота. Бабушка впереди. Она впригнус произносит страшные слова и размашисто крестится. В эту минуту лицо ее делается строгим и, как мне кажется, злым, а голос угрожающим:

— Наступит день, затрубят трубы, и предстанут перед лицом бога живые и мертвые, и он, всемогущий, всесильный, всемилостивый, скажет грешным: изыдите от меня в огонь вечный.

В ад, значит? Это туда, где, как мне рассказывала бабушка, грешников поджаривают на сковородках, варят в котлах и подвешивают за язык.

Когда я впервые услыхал такие слова, то весь задрожал, представляя себе, как из могилок поднимаются мертвые, из хат на улицу выбегают живые, и все, в том числе я, бабушка, старухи, грудятся перед богом... Какой же он всемилостивый, коль грешных гонит в огонь, меня, например? Ведь я на днях украл у бабушки пряник, и она мне сказала: «Ты грешник». Не-ет. Не пойду! За пряник и в ад? Я маленький — так скажу богу... И жду: вот-вот на строгий призыв бабушки поднимутся живые и мертвые.

Но на улице все шло так же, как и до бабушкиных угроз: дядя Егор, сапожник, избил жену, татары опять к Якуне-Ване привели краденую корову и зарезали, ребятишки залезли в огород тетки Лукерьи и «очистили» огурцы...

Слова бабушки постепенно становятся обычными... А мне скучно.

Вот и сейчас я лежу на полатях, прислушиваюсь к вздохам старух, смотрю, как они сонно перебирают четки, иногда все разом опускаются на колени и стучат лбами в пол...

Мне невыносимо скучно.

Я бью пятками в потолок и желаю, чтобы он обвалился на старух.

— Ага! Это вам за то, что молиться с собой не пускаете,— бормочу в ладошку и жду: они обратят на меня внимание.

Ну, где! Хоть изба развались, все равно меня на молитву не примут, потому что я православный, а они старой веры, без попов: вместо попа моя бабушка. Она меня даже кормит из отдельного блюда. Мой бог висит отдельно — в данную минуту закрыт полотенцем. Мой бог один, бородатый, а в бабушкином киоте их, ух, сколько: вон едет на коне и копьем разит семиглава... А этот скачет на колеснице, гремит колесами — оттого и гром происходит... а вот этого привязали вверх ногами... этого жгут на костре. Куда интереснее моего бога-одиночки! И я тихонько сползаю с полатей, неслышно шныряю между старух и, выскочив вперед, начинаю быстро-быстро креститься.

Поднимается переполох: нельзя крещеному молиться на их иконы... И старухи что-то кричат, торопливо гасят свечи, хотя я вижу, им стало веселей: не стучать сегодня лбами в пол. А бабушка, сорвав с моего бородача-бога полотенце, бьет им меня. Мне вовсе не больно. Но я кричу так, будто меня режут. Бабушка уже повесила полотенце на гвоздь, обрызгивает иконы святой водой, а я все ору и ору, громко, с надрывом, вот-вот «закачусь». Ага! Старушка сунула руку в карман черного платья, вытаскивает оттуда пряник и протягивает мне. Этого, конечно, для меня мало, и я, на миг прервав плач, снова ору, поглядывая на карманы других старух... И вот передо мной уже горка пряников, бубликов. Бабушка старательно фартуком вытирает слезы с моего лица. Но я вижу на полке в кухоньке кувшинчик, небольшой, лиловатый. Уже несколько дней посматриваю на него. А теперь случайто какой! И я ору, не отрывая взгляда от кувшинчика.

Заметя мой взгляд, бабушка не то сердито, не то ласково произносит:

— Ах ты, постреленок! — И, достав кувшинчик, ножом вырезает оттуда сгущенный мед, намазывает его на ломоть белого хлеба и подает мне, говоря: — На-ка, на! Кто тебя? Кто? — И к старухам: — Кто это у нас мужика-то разобидел?

Меня все называют мужиком — это моя гордость. И я, уплетая хлеб с медом, по-взрослому отвечаю бабушке:

— Бирюк.

Да, бирюк, то есть волк. На него мы с бабушкой многое сваливаем.

— Вот отец приедет и бирюку хвост выдернет,— утешает она.

Я еще не знаю своего отца, как не знаю и мать: оставлен у бабушки младенцем. И какой он, отец: с бородой, без бороды, высокий, маленький? Не знаю. Бабушка нет-нет, да и скажет:

— В Баке он. Четвертый год там торчит. И бабушка и старухи говорят не в «Баку», а в «Баке», «Бака».

Мне ясно: раз отец может вырвать хвост у бирюка, то, стало быть, он всесильный, как и бог, о котором так часто говорит бабушка. Одного не понимаю: что это за «Бака» и почему отец «торчит» там четвертый год.

Вскоре бабушка заговорила:

— Едет, непутевый.

Я донимаю:

— Кто едет, бабаня?

— Твой отец! — почему-то недовольно объясняет она, однако тщательно прибирает в избушке: моет окна, подоконники, белит печку, скоблит до белизны пол.

...И в одно утро, скрипя всеми колесами и оглоблями, на тощей лошаденке, из спины которой ручейками сочится кровь, к избушке подъехали бакинцы.

Прилепившись носом к стеклу окна, стараюсь разгадать: кто же из двоих мужиков мой отец? Вот этот, с чуть раскосыми, слезливыми глазами, в драном зипунишке и лаптях, или другой — тот, что вытаскивает из телеги сундук, в сереньком легком пальто, в сапогах? У него длинный нос и лопаточкой бородка. Да, да, это отец: к нему подбежал мой старший братишка, Алексей, о котором я тоже немало понаслышался, и произносит:

— Папанька!

Да вон и бабушка повисла на его шее, затем на шее женщины, румянощекой, темноволосой,— это моя мать.

Но я почему-то их перепугался, стремительно влетел на полати и забился в темный угол.

В избушке шум.

Бабушка и мать плачут, а отец кричит:

— Где он, стрикулист?

Я понимаю, речь идет обо мне, и свертываюсь в клубочек. Но отец уже тянет меня за босую ногу, вытаскивает из угла, и я впервые в жизни ощущаю отцовские поцелуи на лице и шуршанье щекочущей бороды.

2

Еду в Баку...

Отец на днях сказал:

— Ленька (то есть мой брат) больно квелый. Оставим его у бабушки, а Федярку возьмем с собой: этот огни и воды пройдет — и все ему нипочем. Ухарь!

Вечером за ужином, сидя у отца на коленях, теребя на его огромной жилистой руке волоски, заглядывая ему в лицо, спрашиваю:

— Квелый кто?

— Квелый? Да вон — лыки... лапти плетут.

Я знал, что такое лыко — шкурка, содранная с липы, и, по-детски дипломатничая, снова задаю вопрос:

— А ты лыки любишь?

— Лыки? Нет. К чему?

— А Леньку? Квелый ведь!

Отец на миг даже растерялся, затем криво усмехнулся, сказал, прижимая меня к себе:

— Министерская башка ты у меня растешь: вишь, чего загнул. Однако Ленька не лыки, а сын.

— Квелый,— не унимаюсь я, польщенный похвалой отца, хотя еще и не понимаю, что это такое «министерская башка».

— Отшлепать тебя, и будешь квелый! — сердито проворчала мать, и ее до этого красивое лицо стало походить на лицо моей бабушки.

— Ишь ты! Только приехала — и колотить! — дерзко отвечаю я.

— Избаловали тебя тут! — вскрикнула мать, и ее рука протянулась к моему мягкому месту.

Я, точно стриж, выскользнул из рук отца и молниеносно очутился на полатях.

Кричу:

— Достань-ка! Бакинска!

Отец захохотал:

— Что, мать? Возьмешь его голенькими-то?

— «Отшлепаю»? Дам по мордам,— бормочу

я и кажусь сам себе взрослым человеком, но тут же, увидав, как по щекам матери потекли слезы, неслышно спускаюсь с полатей, подхожу к ней, подставляю затылок — на, мол, бей — и трусь лбом о ее теплую коленку.

— Жалость, стало быть, в нем есть? — перестав хохотать, удивленно произнес отец. И наставительно: — Мать жалей. Ее надо жалеть: она мать. Меня жалей: отец. Бабушку. А других нет: звери.

Отец подвыпил: бутылка на столе опорожнилась. Хотя и потом, в трезвом состоянии, он мне не раз говорил:

— Страшнее человека, Федярка, зверя на земле нет.

Перед отъездом из села отец гулял со стариками общества: те отвели ему место для постройки дома, и, угощая их, он выставил четыре ведра водки, потратив почти весь «капитал», какой остался у него от заработка в Баку.

3

Говорят, до города Вольска семьдесят пять верст. Это для меня такая же неизвестность, как «край света», о котором часто и довольно туманно рассказывала бабушка. Я знаю: на руке у меня пять пальцев, а сколько на обеих, не знаю, тем более для меня мрак — семьдесят пять. Да это и не важно. Важно другое: нас много. Нас так много, что не знаю, сколько. Телеги, телеги, телеги, а в них сундуки, узелки. Лошади все разные: гнедые, буланые, пегие; и возчики разные: мордва, татары, русские, нанятые на базаре. У иных почему-то оглобли обгорелые.

Я донимаю отца:

— Почему?

— Хитрые: нарошно обжигали оглобли, отправлялись за Волгу, в хлебные места, и милостыню там собирали на погорельцев. Сначала давали, а потом раскусили: жулики христовы.

Ничего не воспринимаю из объяснения отца и опять:

— Почему жулики христовы?

Отец сердится, как щенка, хватает меня за шиворот и кидает в телегу.

— Сиди!

Но разве усидишь, коль для меня все ново, все необычайно?! Ведь мне все время казалось: мир — это наша улица, овраг, лес, бабушкина избушка, старухи в черных платьях, мое детское озорство. А тут сел-то, деревень-то сколько!

А вот это Вольск...

Мы спускаемся с горы.

Диво!

Дорога устлана камнем-булыжником, и ошинованные колеса на ней так гремят, что кричи хоть во всю глотку — не слыхать. Кричу — и сам не слышу своего голоса. А улица широкая: три наших. Дома — ни одной соломенной крыши, церковь высоченная, и купол золотой.

— Собор святого Егория,— поясняет отец.

— Это хто? — спрашиваю я.

— Хто? — передразнивает он.— Святой! Лошадиный покровитель. Егорий, ежели захочет, чтобы волки задрали какую лошадь, скажет: «Дери»,— и волки мигом разнесут такую лошадь. Не скажет — конь всеми копытами отобьется.

Я было развесил уши, слушая отца, но мать мечется между сгрудившимися на берегу телегами и вопит:

— Ваня! Где наши мешки-то?

Отец сразу посерьезнел, оборвал рассказ о Егории и кинулся к телеге. Выхватив оттуда мешки, он направился к пристани.

Ба! Волга-то какая!

У нас в селе речку коровы вброд переходят, и то нам, ребятам, страшно, а тут водищи-то!

Отец говорит:

— Попусту текет матушка-река. На поля бы ее к нам — тогда не бегай за куском хлеба. А это паро-ход!

Мы разместились на корме, а на верхней палубе — нам видать — гуляют барыньки под зонтиками и «кавалеры», как называет их отец.

— Нам-то способней тут: до воды рядом. Как что — бултых. А оттуда, со второго этажа, попробуй-ка,— говорит отец, и глаза у него становятся насмешливыми.

Пассажиры на корме хохочут.

Отец, между прочим, великолепный рассказчик. Вчера, например, он долго рассказывал пассажирам о своем пребывании в Ашхабаде, о тяжелой доле местного населения, вызывая у слушателей горестные вздохи, а сегодня по настоянию сивенького старичка, продолжая рассказ, он вдруг встрепенулся, засиял глазами и стал каким-то озорным.

— Жара там такая...— тыча пальцем в грудь сидящего перед ним сивенького старичка, говорит отец.— Такая жара: клади баранину на землю — поджарится. Чурек пекут простым манером: лепят тесто прямо на стенки круглой ямы.

— Без огня? — спрашивает старичок.

— Ну, к чему! Земля-то горячей огня. А народ желтый, как лимон, и по-русски ни бельмеса.

Отец какой-то миг буравит его глазами, затем, подмигнув другим, продолжает:

— Зато топором раз тяпнешь — рупь подавай, два тяпнешь — два подавай. За день-то мешок наберешь.

— Целковых? — уже поражаясь, спрашивает старичок.

— Серебряных! — подтверждает отец.— Два мешка я привез.

Наступила минутная тишина. Слушатели думают: врет или правду говорит плотник Иван Панферов?

Тишину нарушает сивенький старичок:

— А что же ты... столько деньжищ... и тут вот, а не там, а? — Он показал рукой на верхнюю палубу да так и оставил открытым кругленький рот.

Отец, видимо, не ждал подобного оборота и какую-то минуту находился в затруднении, но быстро нашелся:

— Они неразменны, рубли.

— Это то есть? — не унимается старичок.

— На тех рублях с одной стороны сатана выбит, с другой — ихний бог — истукан... И такой рупь нигде не меняют,— уже победоносно произносит отец.

Старичок, как козел на новые ворота, таращит глаза, а слушатели, потрясенные неожиданной концовкой, так хохочут, что перекрывают шум пароходных колес.

4

Через несколько дней мы прибыли в Астрахань.

В каких-то городах, видимо, в Саратове и в Царицыне — я тогда о городах вообще понятия не имел,— в каких-то городах пароход стоял подолгу, и отец где-то пропадал. Я канючил, просился, но он меня с собой не брал, говоря:

— Около матери побудь, вещи карауль.

В Астрахани повел на толкучку, где у меня от множества людей, духоты и пыли закружилась голова. Я пошатнулся и чуть не упал. Отец грубо дернул за руку, сказал:

— Ты! Барынька, что ль? А еще мужик! Сейчас обнову тебе купим... на ноги.

И я, подбодренный обещанием, собрав силенки, начал толкаться вместе с ним среди этой бушующей, орущей, торгующей и продающей толпы.

Вскоре отец купил мне резиновые калоши. Верно, они были в заплатах, залитые и смазанные черным лаком. Но ведь это же впервые в жизни для меня приобретенные! Примерив их на босую ногу, я замер и на вопрос отца: «Не малы ли?»,— задыхаясь, еле слышно ответил:

— Гожа, папанька!

И, конечно, я их снял, опустил за пазуху, как голубей, тем более, отец сказал:

— Гляди! Вырвут: воров в Астрахани, что мух.

На берегу, неподалеку от пристани, в толпе таких же пассажиров, как и мы, отец разыскал мать, сидящую на мешках с одежонкой. От родителей я еще перед этим слышал, что нас на особом пароходе отправят на взморье и там посадят на какую-то шхуну. Мать встретила нас встревоженная:

— Боялась, опоздаете.

— Сроду всего боишься,— ответил отец.— А мы обновку купили,— похвастался он и, отобрав у меня калоши, подал ей.

Мать повертела их в руках и, видимо, желая что-то сказать, неудачно произнесла:

— Эх! Заплатные.

— А ты думаешь, за полтинник тебе новенькие? — оборвал ее отец.

Мать надула губы.

«Сейчас поругаются»,— подумал я и, увидав, что калоши запылились, да еще мы их пальцами захватали, побежал на мостик — мыть.

Сначала помыл одну калошу; она обновилась, посветлела. Потом приступил ко второй, первую поставил на бережок. Вот тут-то, на второй калоше, меня и постигла великая неудача. Вымыв, я пустил ее по течению. Она поплыла, как лодочка, и я во-время перехватил ее. Это мне очень понравилось. Повторил. И еще повторил... И вдруг калоша сунулась носом в воду, захлебнулась и ушла на дно.

«До смерти запорют меня»,— пронеслось в моей голове, а сердце «оторвалось».

Что же делать?

Безотчетно схватив первую калошу, я сунул ее в воду следом за утонувшей и бочком, словно набедокуривший щенок, подошел к родителям.

На мое счастье, они как начали переругиваться из-за калош, так и продолжали, даже не заметив меня. А тут еще подошла бабушка Груня, которая провожала нас до Астрахани. Она протянула мне что-то большое, гораздо больше любого яблока, и такое светло-красное, притягательное, что у меня глаза загорелись.

Бабушка ласково произнесла:

— Ешь, внучок: вкусно — страсть!

Я вонзился зубами, брызнул сок, но в следующую секунду выплюнул откусанное и заплакал горькими слезами: было что-то приторное и вязкое.

— Да что ты, что ты, касатик! — перепуганно заговорила бабушка.— Ведь это помидора...

И потом я долго горевал, что подарок бабушки — красивое и красное — был мне так не по вкусу.

Когда стали садиться на пароход, мать спохватилась:

— Где же федяркины калоши? Куда ты их дел, Федька?

Я неопределенно повел руками и промямлил:

— Да тут... где-то.

5

Вот и Каспий, то ласковый, то гневный. Сейчас ласковый, потому кажется, он после каких-то огромных трудов развалился под яркими лучами солнца и, подремывая, блаженствует: такая солнечная, необъятная гладь, а по ней быстро бежит наша остроносая шхуна, будто грозя морю грохотом и визгом толстенных цепей. В ряде мест солнечную гладь то и дело взрывают какие-то животные — черные и большие, точно бараны.

Я за объяснением опять к отцу:

— Кто?

— Тюлени.

— А зачем?

— Играют. Поиграть всякому охота, особо ежели на воле, сынок.

Мне интересно, но у отца почему-то в глазах грусть. И я снова треблю его за штанину:

— А ты что... поиграть-то?

— Я в тисках,— чуть подождав, отвечает он непонятным словом.

В другое время я бы отца донял, а тут увлекся морем: больно оно уж велико, как небо.

Но вот Каспий отдохнул, зашевелился, расправил плечи и пошел работать: откуда-то, наверное, из глубин моря, поднимаются огромные волны, куда больше бабушкиной избушки, хлещут по шхуне, перекатываются через палубу, и все кипит, клокочет.

— Сатана разыгрался,— сказал отец, уводя меня в трюм.

И я уже представляю себе, как сатана — мохнатый, с хвостом, рожками, вместо человеческих ног у него козлиные копыта — разыгрался: где-то там под дно моря подложил много-много дров, поджег, и море кипит, словно в котле.

Ух, здорово! Вот так сатана!

Нас в трюме много — пожилых и малых. Почти все заболели морской болезнью. Но меня она почему-то не берет, и я, несмотря на то, что мать мне сурово приказала: «Федька, из трюма не бегай!»,— уже на палубе.

Тут интересно: носятся матросы, что-то кричат. Над шхуной косо вьются чайки, да так низко, что вот-вот схватишь рукой. А по палубе перекатывается соленая вода. Она подхватывает меня, как щепку, и я ударяюсь то об якорные цепи, то о канаты.

Но мне весело.

Такого меня и увидел матрос, здоровенный, в брезентовом просоленном плаще.

— Ты что? Эй, герой! Волна стащит в море на закуску тюленям. Откуда, кто, как звать?

Откуда? А разве я знаю, откуда я еду. Из «Расеи в Баку» — так говорят взрослые. А звать меня...

— Федька,— намеренно грубовато отвечаю, побаиваясь этого человека в покоробленном плаще и с такими большими черными, как деготь, глазами.

— Федор, значит? А я Аким. Аким Морев — вот какая моя морская фамилия,— прогудел он надо мной в реве волн.

— А откуда? — с задором, в свою очередь, спросил я.

— Далеко. Там! — Дядя Аким махнул рукой куда-то в сторону сплошной туманной стены брызг.— Там — не видать... На берегу родственнички мои. Рыбаки: за рыбой на Каспий ходят, за тюленем. Каспий — наш бог, вот кто. То милует, то казнит.

Чтобы продолжать разговор, я спрашиваю о главном:

— Поесть нет ли чего, дядя Аким?

— Для такого клопа найдется.

— Я не клоп, а мужик!

— Ну и для мужика найдется.

Он ввел меня в столовую, переполненную матросами, и громко возвестил:

— В морской пучине новый моряк отыскался! Принимай, ребята, в компанию, угощай чем ни на есть!

Матросы шумно приняли меня, угостили щами с мясом, расспрашивали, откуда я, хохотали над моими ответами...

А то сажали меня в кошелку, уверяя:

— Ты ведь мужик, Федор, ну и окрестим тебя у нашего бога моря в моряка.— Затем на веревке бросали кошелку со мной в волну, затем вытаскивали, относили в горячее машинное отделение, и тут повар поил меня чаем с медом.

Так три раза. Было страшно. Я в кошелке тихо взвизгивал, но виду не подавал: мужик, а не слюнтяй какой-то!

И, привязавшись к ним, я ни разу даже не спустился в трюм, точно забыв, что там страдают от морской болезни отец и мать.

Каспий озоровал несколько дней и стих только перед Баку.

Мать и отец, оправившись от морской болезни, встревожились, стали искать меня и уже было решили: «Федярку, видно, снесло в море»,— как столкнулись со мной у дяди Акима, и тут от великого горя перешли к великому наказанию: отец снял с себя ремень и всыпал мне.

На этот раз я не обиделся на него: прав.

6

Город Баку раскинулся на огромнейшей береговой дуге. В центре он поблескивает зданиями, церквами, минаретами. Тут и небо чистое. А по правую и левую сторону небо заволоклось не то тучами, не то какой-то чернотой.

Мы — все пассажиры, в том числе отец, мать и я,— выбрались из трюма, стоим на верхней палубе, готовые к сходу, и смотрим на город.

Отец сегодня почему-то со мной особенно ласковый, может, раскаивается, что зря порол. Он крепко держит меня за руку и говорит:

— Гляди, сынок, вот она какая, Бака та. Видишь, в середине Белый город. Светится все там. А по правую сторону... Где у тебя правая-то рука? — неожиданно спрашивает он.

Я впервые вижу перед собой такой город, которому «конца-края нет». Мне даже кажется, наша шхуна превратилась в какую-то муху и ее вместе с нами та громадина, что перед нами, втягивает в свою пасть. Стало страшно.

— Где у тебя правая-то рука? — снова слышу я необычно ласковый голос отца и в замешательстве болтаю то правой, то левой рукой.

Мать, видимо, считала подобный разговор отца пустой затеей: «Сходить надо сейчас, а он не знай чего» — и грубовато прикрикнула на меня:

— Какой крестишься, бестолочь?

Я выхожу из оцепенения, поднимаю правую руку.

— Вот.

— Знаешь, значит? Говорю, молодец ты у меня растешь,— похвалил отец, продолжая: — Так вот, по правую сторону Белого — Черный город. Видишь, темно там на небе. Левее — Бейбат. Вышка на вышке: нефть тартают. Тоже темно на небе. Ну, а там, за Черным городом, Сабунчи, Сурханы — не видать отсюда.

Пристани длинные-длинные, не такие, как на Волге, а скорее походят на деревянные мосты.

Мы идем по пристани на берег и несем с собой «все богатство»: мешок с постелью, мешок с одежонкой и корзинку с едой.

Я вижу, с неба летит снег, но какой-то чудной: черный. Ловлю снежинки, растираю — ладони почернели.

—Сажа летит, дурень! — ворчит мать.— Не вытирай о штаны-то: не отстираешь потом!

— Так вот какой тут, сынок, снег,— говорит отец, став сосредоточенным, напряженным.— Где работу-то искать теперь? — спрашивает он, ни к кому не обращаясь.

— К Шибаеву, а то к «Олеуму»,— уверенно произносит мать.

— Ты уж все знаешь. Знаток! — И, глядя на множество буровых вышек, измазанных нефтью, отец тихо добавляет: — Пожар бы... тогда нам, плотникам, рупь с колесо зарабатывай.

— Пожар? Да что ты, Ваня... и наше богатство сгорит,— в страхе произносит мать, называя так все, что находится в двух мешках.

— Ты только об этом и думаешь, а дальше своего носа не видишь! — зло кидает отец.

Я понимаю, сейчас они опять поругаются. Уже сколько раз ругались на пароходе... И потому, теребя отца за штанину, спрашиваю:

— Жить где будем? В Белом?

— Бары разные в Белом. Мы в Черном ай на Бейбате (так называл он район Биби-Эйбата).

Через недельку отец определился плотником на нефтяном промысле Шибаева.

Поселились мы в тесной комнате в одноэтажном, с плоской крышей здании, расположенном буквой «П», окнами и дверями во двор.

Баку того времени — это грязные нефтяные промысла, конка, запряженная в четверку тощих коняг, сажа летит, как снег, мутные воды канав.

Когда я подружился с дворовыми ребятишками, они меня спросили:

— Откуда приехал?

Я не знал ни названия родного села, ни дороги к нему и потому ответил, как отвечал в пути всем:

— Из Расеи.

Более взрослые ребятишки прозвали меня «Расейским».

Однако я среди своих сверстников вскоре,— видимо, потому, что физически был сильнее их,— заделался вожаком, или, как называли они меня, «Атаман сорви-башка».

У нас уже выработался свой план: как только вскакивали утром (а спали почти все под кроватями), то всей ватагой кидались к полицейскому участку. На двор участка каждую ночь свозили зарезанных, удавленников, убитых. И мы, взобравшись на каменный забор, рассматривали мертвецов, пока не выходил усач-полицейский, которого мы звали «Крючком». Крючок метлой сгонял нас с забора, за что мы и не давали ему прохода на улице; завидя, окружали его и кричали, дразня:

— Крючок! Крючок!

Он злился, а прохожие смеялись.

Потолкавшись около полицейского двора, мы совершали налеты на мусорные ящики и, глядишь, что-нибудь да находили: то случайно выброшенные, даже завернутые в бумажку женские чулки, то крупные кости или железюки — и все это тащили к старьевщику-персу, а заработанные копейки немедленно тратили на халву.

Но берег Каспия — самое излюбленное ме-

сто наших прогулок. Море посылало нам подарки: железный лом, доски, обрывки веревок, а иногда и якорную цепь. Поэтому мы и любили его. Для других море — это крушение, беда, несчастье; для нас разбитая волной и выброшенная на берег лодка — подарок. А временами Каспий гнал к берегу мазут — грязную нефть. Она плавает на волнах, густая, будто сало. Мы собирали ее в ведра и по дешевке сплавляли сборщику нефти.

К обеду — мы-то не обедали — отправлялись к солдатским казармам. Здесь нам перепадали куски хлеба от солдат, иногда плошка с остатками щей, да и подзатыльники — это ничего. Зато тут веревки-то какие висят! Трапеции-то какие! Вертимся на трапециях, крутимся, лазим по веревкам вниз и вверх, точно обезьянки.

Так шла жизнь.

7

В нашей маленькой комнате вместе с нами жили еще два квартиранта: босяки. Один из них по прозвищу «Царище», огромного роста, лохматый, и другой, его напарник, маленький, юркий, по прозвищу «Смоляв». Его так звали, видимо, потому, что он всегда был вымазан нефтью,— значит, просмоленный. И то и другое прозвище придумал отец: на клички он был мастер.

Оба они — Царище и Смоляв — день — два работали на промысле, а потом пили. Пили много, четвертями, затем выбирались на улицу и дрались, избивая таких же оборванных, как и сами.

В драке первым шел Царище. Весь окровавленный, он с тычка бил всех, кто подворачивался под его кулаки-кувалды, и ревел:

— Про-ле-тари-ят! Ширь-топырь, бей по сопатке!

А Смоляв, делая вид, что он не причастен к этому безобразию, отбегал в сторону, прыгал на одном месте, но как только кто-либо валился на булыжник под ударом Царища, он подскакивал и колотил упавшего, тоже воя:

— Пролетарият! Давай-валяй!

Но вот однажды к нам пришел студент.

Собрались рабочие, в том числе и дядя Ваня Кошелев — наш односельчанин. Он жил в Баку уже несколько лет, работая слесарем на нефтяном промысле общества «Олеум». Детей у них не было, и жена дяди Вани, тетка Маша, женщина крупная, полная, иногда уводила меня к себе погостить.

Две необычайности поражали меня в комнатке тети Маши: это то, что она каждый вечер старательно выщипывала на голове дяди Вани волосы и добилась своего — к весне у него лысина заблестела ото лба до макушки, как луженое дно кастрюли; и вторая: укладывала меня спать на подушках. Дома я спал где попало и чаще под кроватью. А тут подушки! Я лежал на них, не смея шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни головой. Она же угощала меня леденцами, доставая их из круглой, высокой, разрисованной банки... И когда в Баку взрослые заговорили о возникновении каких-то банков, видимо, финансовых, мне так и казалось, что это всюду расставляют банки с леденцами.

Сейчас дядя Ваня сидит за столом, светится лысиной, улыбчивым широким лицом. Он добрый — это я знаю,— и потому стремительно выскакиваю из-под кровати и устраиваюсь у него на коленях. Устроившись, шепчу:

— Дядь Вань, я пощипу тебя.

— Что за пощипу? Пощиплю, что ль?

— Угу,— отвечаю я и тянусь пальцами к его голове.

— Это к чему же пощипать-то меня хочешь? — спрашивает он и хохочет.

— А теть Маша? Видел ведь я.

Он проводил ладонью по огромной лысине и торжественно произносил:

— Закончено уж. Шабаш, стало быть.

— А я маленько, с боков.

— Федька, знай свое место! — цыкнул на меня отец.

Я моментально скрываюсь под кроватью и прислушиваюсь. Отец шепотом сказал студенту:

— Сейчас придут Царище и Смоляв. Подождем?

— Лучше, если бы их не было,— так же шепотом ответил студент.

— Пролетариятом зовут себя,— пояснил отец.

— Далеко им до пролетариата: шарлатаны. Вот пролетариат! — И студент показал на дядю Ваню.

У меня уже сложилось убеждение, что пролетариат — это Царище и Смоляв: вон как лупцуются на улице. Оказывается, пролетариат — дядя Ваня, тихий и добрый.

Отец, выслушав студента, сел у двери, а студент забрался в передний угол и стал читать что-то, видимо, очень заманчивое. Он читал роман под названием «Кирилл Обжора». Название книги я восстановил потом, помня, как мать иногда упрекала меня:

— Что ты, Федька, жрешь, как Кидрил Обжора! — Она вместо «Кирилл» говорила «Кидрил».

Временами студент откладывал книгу и начинал рассказывать, и люди слушали его с большим вниманием. Говорил он о земле, о заводах, о заработке, но если слышались шаги или голоса под окном, студент снова принимался читать.

Я в такие часы лежал под кроватью. Мне казалось удивительным: как это так — студент перелистывает книгу и все что-то говорит, говорит, говорит.

— Читает,— пояснил мне дядя Ваня.

Спустя много лет я узнал, что студент был социал-демократом и вместе с дядей Ваней Кошелевым входил в подпольную организацию. Меня же тогда интересовало другое: что значит читает? Однажды я привязался с этим вопросом к матери. Мать пробовала мне растолковать, даже взяла книгу и что-то с грехом пополам прочитала. Но это мне ничего не объяснило. Тогда она разозлилась и отвесила мне подзатыльник. Я больше от досады, чем от боли, заревел.

Дядя Ваня сказал:

— Букварь надобно достать ему. Пускай буквы учит.

— Верно: озоровать перестанет Атаман сорви-башка,— согласился отец.

Вскоре появился букварь, потертый, обтрепанный, приобретенный дядей Ваней на толкучке.

Мать скомандовала:

— Садись за стол, учи! Это «а», это «бы», это вот «вы». Ноне это задолби, а потом пойдем дальше,— уверенно, вытерев концом косынки губы, произнесла она.

Я начал долбить:

— «А», ««бы», «вы».

Скучно.

Нет, я лучше займусь клопами. Клопы жили в стене над кроватью, в ямочках от гвоздей, и я их, когда никого из взрослых дома не было, спичкой перегонял из одной ямки в другую. Были они разные: маленькие и большие. Большие — значило: отцы, матери, дядья, гуляки, жулики, воришки, буйные, головорезы. Маленькие — это мы, сорванцы... И я их водил друг к другу в гости, сватал, венчал, устраивал свадьбы, драки, свалки и под конец поджигал.

Интересно!

Но приходила мать, била меня щепой и сажала за букварь.

И опять начиналось:

— «Жи», «зы», «и», «кы», «лы», «мы»...

Когда буквы были «выдолблены», мать проверила, и хотя сама читала только по складам, а писала так, что ее никто не понимал, однако скомандовала:

— А теперь давай писать! Напиши: «мама».

— Как? — спросил я.

— Бестолочь! Ну, пиши: «мы».

— Как? — опять спросил я.

— Вот как! — Мать, намусолив карандаш, занесла его над головой, подумала и написала: «Мы».

Я списал:

— Мы.

— Приставь к «мы» «а».

Я приставил, получилось: «Мыа».

— Теперь к этому подпиши еще «мы» и «а»! — скомандовала мать.

Я подписал, получилось: «Мыамыа».

— Читай! — приказала мать, и на ее лице заиграла торжествующая улыбка победителя.— Читай! — еще раз произнесла она.

Я прочитал:

— Мыамыа.

Она крикнула:

— Дурак! И в кого только уродился: в нашем роду таких нет, в отцовском тоже.

— Тютю,— напомнил я ей про ее родственника Тютю, парня здоровенного, бегающего по улице за курами с криком: «Тютю! Тютю!» — иных слов он не знал.

Мать, оскорбленная за свой род, сунула меня носом в стол.

— Это помнишь, а разумное нет! — И, прочитав то, что я написал, сказала:— Вот как надо писать. Дай-ка карандаш! — И написала: «Мыамыа».

Прочитала вслух и ахнула, растерянно говоря:

— Федярка! Да как же «мама»-то нам написать?

Ого! Вот уж получается слово. Этому меня научил дядя Ваня. Я могу написать: «клоп», «мазут». И пошло — на всех заборах, на тротуарах, на стенах коридоров и даже на двери полицейского участка коряво и неуклюже: «клоп», «мазут», «клоп», «мазут».

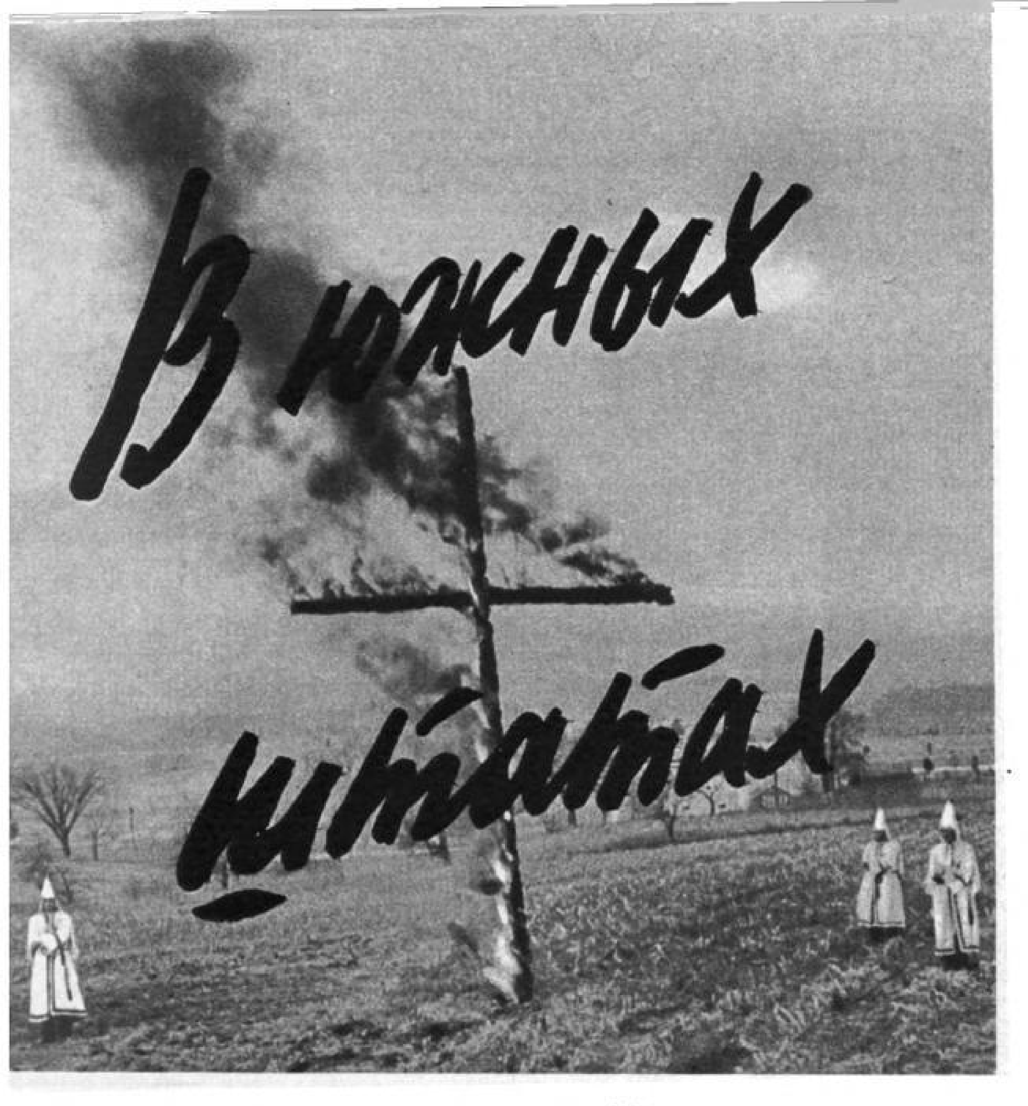
Прошел год, и я уже читаю. Мои друзья-сверстники не умеют, а я с пыхтеньем и с кряхтеньем прочитал дешевенькую книжку «Ермак Тимофеевич». Эге! Собираю уличных сорванцов на берегу моря и рассказываю им про Ермака Тимофеевича. Рассказываю вечер, другой, третий... Скучно рассказывать одно и то же... И я начинаю фантазировать. Сегодня Ермак делает одно, завтра другое. Вот он забрался в наш знаменитый полицейский участок, словил ненавистного нам усача-полицейского и повел его к морю, приговаривая:

— Я тебя, хахаль, сейчас утоплю. Это наказание я тебе произвожу за ребят. Гонял ты их с забора метлой?!

— Гонял,— смиренно отвечал усач-полицейский.

— Ну вот, теперь утопнешь и тогда ребят гонять не будешь.

Такие рассказы моим сверстникам еще больше нравятся. Успех подхлестывает мою фантазию: Ермак Тимофеевич заходил уже по промыслам, по мусорным ящикам, по берегу моря, по квартирам богатых и бедных, и вместе с ним мы вдруг стали видеть, где богатство, а где нищета, где труд, а где и безделье.



В южных штатах

Письмо из США

Л. ТЮРИНА

Год назад произошло событие, больше всего поразившее меня после приезда в Америку.

В маленьком городке штата Миссисипи был убит 14-летний негритянский мальчик Эммет Тилл. Его убийца, белый лавочник и плантатор Лесли Милам, предстал перед судом. Улики были неопровержимы. И все же «белый» суд оправдал белого преступника.

Эммет Тилл был единственным сыном своей матери, ее единственной надеждой. Его отец, солдат американской армии, погиб на полях Франции. Самой дорогой памятью об отце было кольцо с его инициалами. По этому кольцу и был опознан изуродованный труп мальчика.

Линчевание Тилла возмутило всех честных людей Америки. Многочисленные делегации, состоящие из негров и белых, направлялись в Вашингтон с просьбой, чтобы федеральное правительство вмешалось в это дело. Но все было напрасно. Руководитель одной такой делегации от города Чикаго, священник Хардинг, возвратившись из Вашингтона, с горечью заявил: «Мы поняли, что ведем борьбу не только с линчевателями Юга, но также со сторонниками Джима Кроу (расовой дискриминации.— Л. Т.) в Вашингтоне, которые своим бездействием потворствуют закону Линча».

Это подтвердили и недавние события на юге страны. Начались они в городе Клинтоне, в штате Теннесси. Это тихий город «одноэтажной Америки», в котором единственное высокое здание — суд. Единственное промышленное предприятие — старая трикотажная фабрика, обеспечивающая существование четырем тысячам жителей. Жизнь в городе текла мирно и тихо. Семь полицейских не арестовали за последние двадцать лет ни одного человека.

Негров в Клинтоне всего двести человек. Отношения их с белыми были мирные, пока негры, как выражаются в Америке, «знали свое место». Средней школы для негров в городе не было, и негритянские юноши и девушки, желавшие получить среднее образование, должны были ездить в школу за сорок километров. В 1951 году несколько негритянских семей обратилось в суд с просьбой разрешить их детям посещать школу в Клинтоне вместе с белыми детьми. Пять лет продолжалась судебная волокита, и наконец в январе 1956 года федеральный суд вынес решение о том, что двенадцать негритянских детей должны быть приняты в клинтонскую школу. Отцы города подчинились решению суда.

И вот наступил первый день занятий. Для двенадцати негритянских детей Клинтона этот день на всю жизнь останется в памяти самым страшным воспоминанием. Возле школы их встретила улюлюканием толпа разъяренных расистов. Они бросали в негритянских мальчиков и девочек гнилыми яблоками и помидорами, осыпали их грубой бранью и насмешками, грозили убить, если те не уйдут домой. Для организации этой мерзкой демонстрации в Клинтон прибыли воинствующие расисты из других штатов. Во главе их был некий Каспар, руководитель одного из «Советов белых граждан» — новой разновидности Ку-клукс-клана.

В ту же ночь в домах клинтонских жителей зазвонили телефоны. Незнакомые голоса советовали матерям не пускать детей в школу в знак протеста против того, что туда приняты негры. Они грозили, что дома тех, кто не послушает этого совета, взлетят в воздух. На следующий день расисты устроили целое сборище на городской площади. Их предводитель Каспар произнес бредовую речь, призывая к насилию против негров. Чтобы его лучше слышали, он залез на пьедестал памятника, на котором высечены слова: «Американцам без различия цвета кожи, сражавшимся и отдавшим свою жизнь за то, чтобы вечно жила свобода».

С каждым днем напряжение в городе возрастало. Повсюду были расклеены угрожающие плакаты, новые толпы расистских молодчиков стекались в Клинтон из окрестностей и из соседних штатов. Командовал сборищем глава североалабамского «Совета белых граждан» Картер, уже прославившийся организацией беспорядков в Алабамском университете, когда туда была принята первая негритянка, Оутерин Люси.

Однако тут произошло событие, которого никак не ожидали расисты. На защиту негров и порядка в своем городе вышла группа местных белых американцев. Их было всего сорок семь человек: рабочие, чиновники, доктор, священник. Во главе их встал двадцативосьмилетний адвокат Лео Грант, бывший солдат американской армии. Вооружившись кто чем мог, с охотничьими ружьями наперевес небольшой отряд решительно двинулся против бесновавшихся расистов. И толпа рассеялась. В ту же ночь по приказу губернатора штата Теннесси в Клинтон были введены части национальной гвардии с танками и бронемашинами.

Один старый житель Клинтона очень верно оценил события в городе. Он сказал: «Подстрекатели из других штатов спровоцировали у нас беспорядки для того, чтобы, вернувшись домой, сказать: «Бога ради, не пытайтесь отменить сегрегацию в школах. Неужели вы хотите таких же беспорядков, какие были в Клинтоне?!»

Любопытно, что сами дети, несмотря на беснующуюся у ворот толпу, все явились на занятия и радушно встретили своих новых товарищей. Они даже избрали вице-председателем ученической организации четырнадцатилетнюю негритянку Эн Аллен. Они не хотели покинуть школу даже тогда, когда родители под влиянием то ли предрассудков, то ли запугивания пришли, чтобы забрать их. Когда расисты потребовали снять директора за то, что он признал решение суда, ученики дружно поддержали действия директора и устроили ему овацию.

Двенадцать негритянских детей продолжают учиться в клинтонской смешанной школе, правда, под охраной национальной гвардии. В городе создана постоянная дружина добровольцев для отпора расистам, если они возобновят беспорядки после отвода из города гвардейцев.

За событиями в Клинтоне следила вся страна, так как сегрегация в школах существует во всех южных штатах страны, а в шести штатах так называемого глубокого юга ни один негр не учится вместе с белыми. Губернатор Техаса Шиверс, например, прямо говорил, что пока самого его не посадили в тюрьму, он не допустит, чтобы в штате негры учились вместе с белыми. Расисты из этих штатов усилили террор против негров. Одновременно они делают все, чтобы сорвать отмену сегрегации в Теннесси, Кентукки и других «пограничных» штатах.

В этих штатах, когда-то примыкавших к рабовладельческому югу, но граничивших со свободным севером, расизм не принимал таких крайних форм, как в Миссисипи или Джорджии. Но и здесь за два года лишь 50 тысяч негритянских детей были приняты в смешанные школы. А два с половиной миллиона продолжают учиться в специальных школах для черных. По подсчетам журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», если десегрегация школ пойдет таким темпом и в дальнейшем, то она будет завершена только через полстолетия, «если она вообще когда-нибудь будет завершена».

В начале этого учебного года расовая сегрегация была мирно ликвидирована в школах города Луисвиля (штат Кентукки), где среди представителей местных властей оказались люди, действительно желавшие положить конец этому позору. Но во многих других местах попытки покончить с сегрегацией привели к таким же событиям, что и в Клинтоне.

Особенно возмутительные формы «расовые беспорядки» приняли в Мансфильде (Техас), Стюрджисе и Клее (Кентукки). В Мансфильде на флагштоке школы было повешено чучело негра, в Клее во главе толпы расистов был мэр города Кларк.

В маленьком шахтерском городке Стюрджисе (Кентукки) хозяева шахт пригрозили рабочим-неграм, родителям двенадцати ребят, поступавших в «белую» школу, что они будут уволены, если не заберут своих детей обратно. Под влиянием этих угроз четверо были взяты из школы. 20 сентября оставшимся негритянским школьникам было зачитано постановление городских властей о переводе их в негритянскую школу.

События в штатах Теннесси и Кентукки показали, что там, где местные власти не потворствуют расистам, десегрегация школ может быть осуществлена и осуществляется. Однако обе правящие партии Америки — и республиканцы, у которых находится правительственная власть, и демократы, контролирующие обе палаты конгресса,— озабочены сейчас главным образом тем, как бы не обидеть расистов южных штатов и не лишиться их поддержки на предстоящих выборах.

Толпа расистов не разрешила негритянскому юноше Стиву Постеру присутствовать на занятиях в колледже в городе Тексаркане. Штат Техас.

Школа в Луисвиле. Здесь отменена сегрегация.

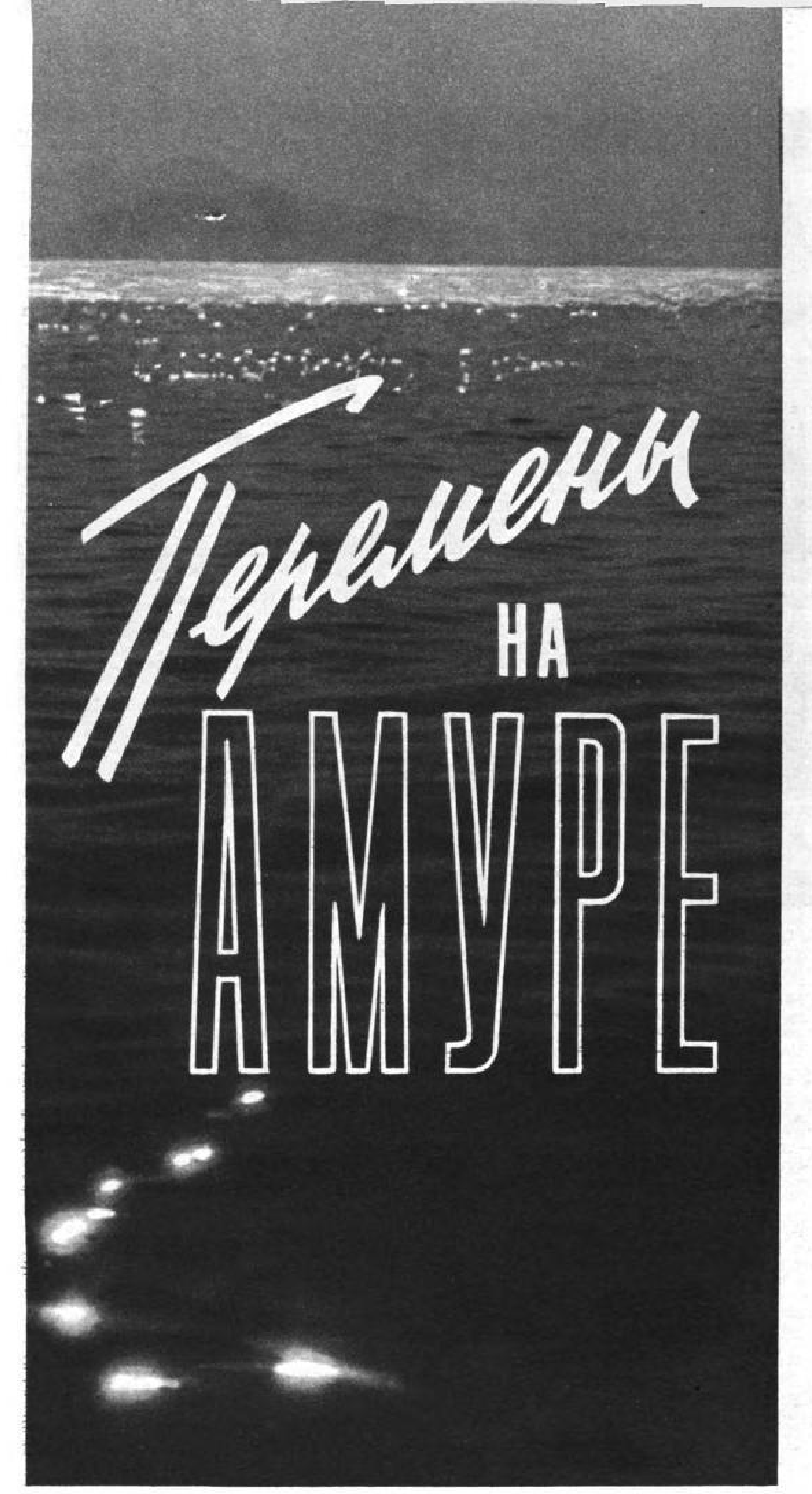


Фото Л. Данилова.

Перемены на Амуре

Вл. ШУСТИКОВ

I

Пятнадцать минут назад мы встретились в тайге, на тропе у говорливого таежного ручья, сделали привал, а через двадцать — тридцать минут разойдемся в разные стороны, потому что Борису Леонидовичу Бабурину нужно выходить к Амуру, где его ждут товарищи, а нам выбираться к жилью. Бабурин — работник Амурской комплексной экспедиции, руководит которой доктор технических наук Сергей Васильевич Клопов.

Я спросил, как бы встретиться с Сергеем Васильевичем.

— Он может быть сейчас и в Забайкалье, и в Благовещенске, и на озере Ханка.

— Это все район работы экспедиции?

Бабурин не замечает моего удивления. Да, это все район работы экспедиции. Мало того, в район работ входят и правобережье Амура и бассейны рек Нонни, Сунгари.

— Но это уже Китай!

— Совершенно верно. В Пекине между Советским Союзом и Китаем подписано соглашение о совместном освоении природных ресурсов территории, прилегающей к Амуру и его притокам. Академия наук КНР снарядила для этой цели Хейлунцзянскую комплексную экспедицию. Смешанные советско-китайские группы специалистов работают и на нашей и на китайской стороне...

Скоро мы прощаемся. Борис Леонидович через какие-нибудь десять — двенадцать часов выйдет на пустынный берег большой реки. Там вблизи нет ни населенного пункта, ни домика, ни шалаша. Угрюмые горы с обеих сторон сжимают Амур в своих каменных объятиях. У берега качаются на волне два небольших катера и несколько лодок. Это кочующая база гидроэнергетического отряда, где вместе с Борисом Леонидовичем и его товарищем Евгением Подольским работают китайские специалисты Се Цзя-цзе, Чжоу Де-лян, Юань Цзыгунь.

II

С доктором технических наук Сергеем Васильевичем Клоповым мы познакомились на борту китайского судна «Чанчунь». Пароход этот, обслуживающий Хейлунцзянскую комплексную экспедицию Академии наук Китая, подымался по Амуру, чтобы, войдя в Сунгари, добраться до Цзямусы и дальше до Харбина.

День безветрен. Река спокойна. За длинным столом в просторном салоне сидят заместитель начальника китайской экспедиции специалист по лесу Чжу Цзи-фань, профессор Пекинского геологического института Фэн Цзин-лан, научный работник Чжан Ю-ши, знающий русский язык. Разговор идет об Амуре.

— Вы знаете, — говорит Чжу Цзи-фань, — как называется по-китайски Амур? Хейлунцзян: река черного дракона.

Да, крутой характер у Амура.

В восточносибирских сырых ущельях берет начало Шилка, со склонов Большого Хингана скатывается Аргунь. Сливаясь у села Покровки, эти своенравные горянки рождают великую дальневосточную реку.

Уверенный в своих силах, расталкивая плечами сопки и горы, пробивается Амур на восток, к побережью Тихого океана, благосклонно принимая на пути воды Зеи, Буреи, Сунгари и Уссури.

Суров Амур в верховьях. Без устали точит он древние граниты и вот, глядишь, добивается своего. Нет-нет, да и рухнет скала. Но Амуру все мало, и, перебравшись с глухим рокотом через камни, он опять наступает на хребты, вырастающие на его пути.

Но вот по берегам потянулись бескрайние степи. Здесь бы и остепениться реке, присмиреть, а она не меняет своего крутого нрава. То, будто играючи, размоет и унесет неведомо куда остров, то, так же шутя, отхватит добрый кусок берега, то вдруг одной из многочисленных своих проток пойдет на поля, обработанные человеком, унося все, что успело вырасти. Страшен Амур в этих местах во время паводков. Двинутся на штурм берегов тяжелые волны, а речушки, впадающие в Амур, набухнут и потекут вспять, так что на месте речушек и Амура будет лишь бескрайнее водное пространство с одинокими копешками сена, покачивающимися на волнах.

Бежит, торопится к океану Амур. Кажется, он уже совсем рядом. «Здравствуй, Тихий океан, здравствуй, соленый морской ветер!» Но радость Амура преждевременна. Океан и в самом деле недалеко, но навстречу реке выходят отроги дальневосточного великана — хребты Сихотэ-Алиня. Около Хабаровска, ударившись об утес Ласточкино гнездо, Амур неохотно поворачивает на север, не теряя, однако, надежды пробиться сквозь горы. Но каждый раз, когда река пытается повернуть к востоку, хмурый Сихотэ-Алинь равнодушно оттесняет ее каменной своей грудью. Шире и полноводнее становится Амур в этих местах. Может быть, здесь присмирела река, успокоилась, и рулевому можно отдохнуть у штурвала? Но шутки с Амуром плохи. Крупная волна гуляет по широким плесам, и даже при легком ветре вода хлещет до рубки так, что на палубе стоять нельзя. Во время шторма, случается, выбрасывает на прибрежные камни катеры и небольшие пароходы: смотри, рулевой, в оба! Но вот наконец пресная речная вода мешается с соленой водой Охотского моря, а юркая чайка, прилетевшая вслед за амурской волной, встречается в воздухе с грузным, медлительным жителем океана — бакланом.

Есть ли сила, способная обуздать эту реку? На этот вопрос должен был дать ответ небольшой отряд советских ученых, исследовавший в 1953 году проблему борьбы с наводнениями в бассейне Амура. Начальником этого отряда был Сергей Васильевич Клопов. Работа вышла за рамки первоначальных задач, границы ее расширились...

То Сергей Васильевич, то Чжу Цзи-фань, то кто-нибудь другой из китайских товарищей легким прикосновением карандаша делает отметки на карте, лежащей перед ними.

Совместные исследования развернулись в масштабах, которым трудно подыскать сравнение. Более трех тысяч километров на катерах, лодках преодолели китайские и советские ученые по Амуру и его притокам, прошли несколько тысяч километров по тайге.

Ранее проведенные в советском Приамурье исследования помогают полнее разведать богатства недр Северо-Восточного Китая.

Предполагают, например, что месторождения железных руд и цветных металлов, обнаруженные советскими геологами в Читинской области, имеют свое продолжение на правом берегу Амура, в отрогах Большого Хингана. Геологический отряд китайских и советских специалистов во главе с профессором Юй, произведя наблюдения в Забайкалье, пересек границу, чтобы перевалить Хинганский кряж и выйти в долину реки Нонни. Отряду предстоит пройти более тысячи километров по местам, где почти нет населе-

Слева направо: Чжу Цзи-фань. С. В. Клопов и профессор Сун Да-чен.

Фото Г. Хренова.

ния. Это только один из многих отрядов советско-китайской экспедиции.

Еще не все точки нанесены на карту, еще не всеми необходимыми данными располагают ученые, но уже можно говорить о будущих больших переменах на землях Дальневосточного края.

Пройдет несколько лет, и китайское и советское Приамурье станет районом крупных угольных разработок, районом металлургической и химической промышленности. По обеим сторонам реки вырастут новые города.

Там, где сейчас на Нижне-Сунгарийской низменности простираются болота, раскинутся плодородные поля. Район Большого и Малого Хингана, где сосредоточены основные массивы леса КНР, будет центром деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности.

О размахе предстоящих работ можно судить хотя бы по одной цифре: Северо-Восточный Китай сможет принять десять миллионов новых жителей.

Основное звено в плане будущих гигантских работ — создание Большого Амура.

В результате многочисленных исследований родились проекты использования гидроэнергетических ресурсов Амурского бассейна. В нескольких местах плотины соединят китайский и советский берега. Гидроэлектростанции Амурского каскада намечаются мощностью от нескольких сотен тысяч до полутора миллионов киловатт. Регулирующие водохранилища смогут ликвидировать наводнения и оросить поля Зейской и Нижне-Сунгарийской низменностей. Канал соединит озеро Большое Кизи, что в низовьях реки, с океаном: Амур получит выход южнее, в залив Де-Кастри.

За тысячи километров, на юго-западе, может быть сооружен другой канал, который свяжет верховья реки Уссури с озером Ханка, а озеро Ханка — с Амурским заливом. Любопытно, что первые исследователи назвали этот залив Амурским ошибочно, приняв реку Суйфун, впадающую здесь в море, за Амур. Ошибка оказалась пророческой: Амур встретится с Амурским заливом.

Большое ирригационное сооружение возведут в Китае. Канал свяжет приток Амура — реку Нонни — с впадающей в Ляодунский залив рекой Ляохэ. Это откроет новый, короткий водный путь от Пекина до Хабаровска.

Амур даст дешевую электроэнергию.

...Одна за другой на карте возникают отметки: Зейская ГЭС, гидростанции на Аргуни, в среднем течении Амура.

Советские и китайские ученые совместно решают сейчас вопросы освоения богатых природных ресурсов Приамурья.

Пройдет немного времени, и действительно не узнаешь этих мест. Советские люди и люди братского Китая будут сообща работать, возводя гидротехнические сооружения на великой реке Дальнего Востока, реке Дружбы, как ее называют китайцы и русские.

...Мы выходим на палубу. Легкий ветерок чуть слышно тянет с берега. Присмиревший Амур широко расстилается за кормой.

Пароход «Чанчунь» держит путь на Харбин.

Финал фильма.

Евгений КРИГЕР

В фильме, поставленном по известному рассказу Б. Лавренева «Сорок первый», есть такой кадр: в море уходит плоская песчаная коса. Пусто вокруг, только небо, песок и монотонный шелест набегающих волн. Далеко-далеко от зеленых русских равнин тянется этот берег. Средняя Азия, Аральское море...

На пустынной косе, сжавшись в комочек, словно прячась от своего безысходного горя, сидит простая русская девушка. Какой бурей занесло ее в такую даль? Какая страшная беда настигла ее на краю земли, одичавшей от ветра и неумолчного морского прибоя? Пусть вы еще не знаете сюжета картины, пусть этот кадр попался вам на глаза случайно, без всякой связи с остальными эпизодами,— все равно вас охватит ощущение скорбного одиночества чьей-то живой, мятущейся души.

Я вспомнил этот кадр потому, что в нем выражена примечательная особенность фильма «Сорок первый». Особыми средствами киноискусства, только ему присущими, авторы умеют в самых решающих моментах каждый раз передать, так сказать, внутреннюю мелодию, душевное состояние героев, помогая зрителю понять и самому пережить, почувствовать важный поворот в развитии действия.

Читавшие рассказ Лавренева помнят девушку из красноармейского отряда, пробившегося к морю сквозь песчаные бури пустыни. Марютка — меткий стрелок, настоящий солдат революции. Комиссар отряда знал ее ненависть к врагам молодой Советской республики и только ей доверил судьбу пленного поручика-белогвардейца. Ей поручено доставить пленного в штаб, чтобы там распознали цель секретных полномочий офицера-колчаковца. На счету у Марютки сорок вражеских офицеров, сраженных в боях ее верной, твердой рукой. Если белые настигнут в пути, поручик не должен попасть к ним живым: Марютка пристрелит своего «сорок первого»...

Застигнутые штормом, угнавшим затем в море парусный бот, девушка и ее подконвойный остались одни на пустынном острове. Поручик умел обращаться с парусом, его силе и смелости Марютка обязана своим спасением во время свирепой бури. И вот негаданная беда подкралась к девушке: она полюбила своего спутника, полюбила врага, хотя с винтовкой в руках стерегла каждый его шаг. Он красив, у него отзывчивая душа, обворожительная улыбка, он был искренне тронут высоким волнением простой девушки, читавшей ему свои неумелые стихи о революции. Пленный, безоружный и со связанными руками, оказался славным человеком. Марютка привязалась к нему, выходила его, больного, и сам он полюбил ее, простую русскую девушку. Но первый же разговор о революционной буре, охватившей всю Россию, снова вернул их в положение непримиримых врагов.

И тогда Марютка, обжигавшая поручика злыми, справедливыми словами, осталась одна, совсем одна на необитаемом острове. Где-то в стороне, одолеваемый раскаянием после грубой вспышки, мучился ее подконвойный. Но ведь она-то осталась наедине со своей бедой, со своим проклятым «синеглазеньким». Вот это состояние и передано в одном кадре постановщиком и оператором.

Умение использовать специфические средства искусства для выражения главной идеи, умение авторов отбросить все, что мешает кинематографу быть кинематографом,— избавиться от излишней литературности приемов и образов, говорить со зрителем только на языке кино — вот что особенно привлекает в этом превосходном фильме. А ведь, к сожалению, нередко встречаются у нас картины, отличающиеся и глубиной темы, и отличным актерским исполнением, и мастерски сделанными декорациями, но лишенные внутренней динамики, экспрессии, доходчивости из-за вялости кинематографической формы, из-за сходства с театральной постановкой, совершенно необязательного для настоящего кинопроизведения.

Здесь же видишь, что авторы фильма знают кино, любят его и влюбленностью в свое искусство захватывают зрителя. Вспомним хотя бы, как снят трудный переход красноармейцев через пустыню. Небо без единого облачка, песчаные ребристые холмы без единой травинки, и во всем ощущение затерянности человека в безводной стихии, ощущение опасности, подстерегающей горсточку изможденных людей, доблестно превозмогающих нестерпимую жажду, смертельную усталость, желание упасть на землю, умереть, лишь бы покончить с пыткой этого похода через пустыню. Оператор С. Урусевский снял фильм с присущей ему сдержанностью в использовании цвета. Может быть, здесь напрашивались бы верещагинские контрасты яркосинего неба и яркожелтого песка? Но эти контрасты, уместные, необходимые в других случаях, тут помешали бы впечатлению беспросветной опасности, неумолимой, равнодушной к человеку природы в мире мертвых песков. Эффектные цветовые контрасты отвлекли бы наше внимание от поступков, переживаний, подвигов участников героического похода. И оператор в содружестве с постановщиком Г. Чухраем с помощью цвета придал этим эпизодам оттенок какой-то безысходности, показав мертвенное однообразие пустыни с ее белесым песком и словно выгоревшим от солнца небом.

В сценах перехода через пустыню в живом единстве с авторским замыслом играют, действуют, трогая нас своей искренностью, актеры, и прежде всего Н. Крючков в роли комиссара, душевного человека, умеющего быть беспощадно строгим, Н. Дупак в роли бойца Чупилко, Г. Шаповалов в роли красноармейца, обезумевшего от страшных испытаний в песках.

Говорить о всех смелых и тонких, чисто кинематографических решениях творческой задачи — значит рассказывать о содержании всего фильма. Он действительно захватывает зрителей и порою, нечего греха таить, заставляет их прослезиться и порадоваться, мучиться мучениями и радоваться радостями девушки, которая полюбила впервые и сама должна была убить свое первое молодое чувство, догнать последней в винтовке пулей своего «синеглазенького». Иные сцены, я бы сказал, сняты «в стихах»: так насыщены они поэтическим чувством, так отточена в них кинематографическая форма. Своего рода участником фильма стало море. Вместе с полюбившимися нам героями оно грустит, гневается, скучает или просто отдыхает после пережитых бурь. Природа здесь — спутник и собеседник человека, как бы передающий зрителям его переживания.

Вместе с Марюткой мы полюбили, вместе с ней порою ненавидели ее спутника, пленного поручика. Артист О. Стриженов умно и одухотворенно рисует образ молодого офицера, вероятно, доброго и честного по натуре, обладающего мягким юмором, настоящим обаянием, способного увлечься высокой идеей. Если бы не настигли поручика «свои», если бы не догнали белогвардейцы, пожалуй, он мог бы оказаться в нашем стане, вместе с народом. Но воспитание и порода вдруг снова заговорили в нем, когда он кинулся навстречу «своим», и девушка убила его, как врага.

И в сценах похода и на острове мы с волнением следим за Марюткой, о чьей горькой судьбе поведала нам артистка И. Извицкая. Нет нужды отдельно говорить об ее игре, увлеченной и в то же время свободной от ложно понятого драматизма,— об этом я уже невольно рассказывал, делясь своим впечатлением о фильме.

«Сорок первый» — произведение зрелого мастерства. Картина проникнута духом гуманизма, настоящей революционной романтики. Романтика революции, требующей от человека готовности к подвигу и нелегким жертвам,— вот главная тема фильма. И она захватывает зрителей.

Южнее Гурьева

Я. ФОМЕНКО Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Пришла осень, а солнце жжет немилосердно.

В молодых парках Гурьева воздух застоялся от безветрия. Трудно дышится в дремотной тени карагачей.

В такой день приятно выйти на берег Урала и, сидя на влажном песке, наблюдать жизнь реки.

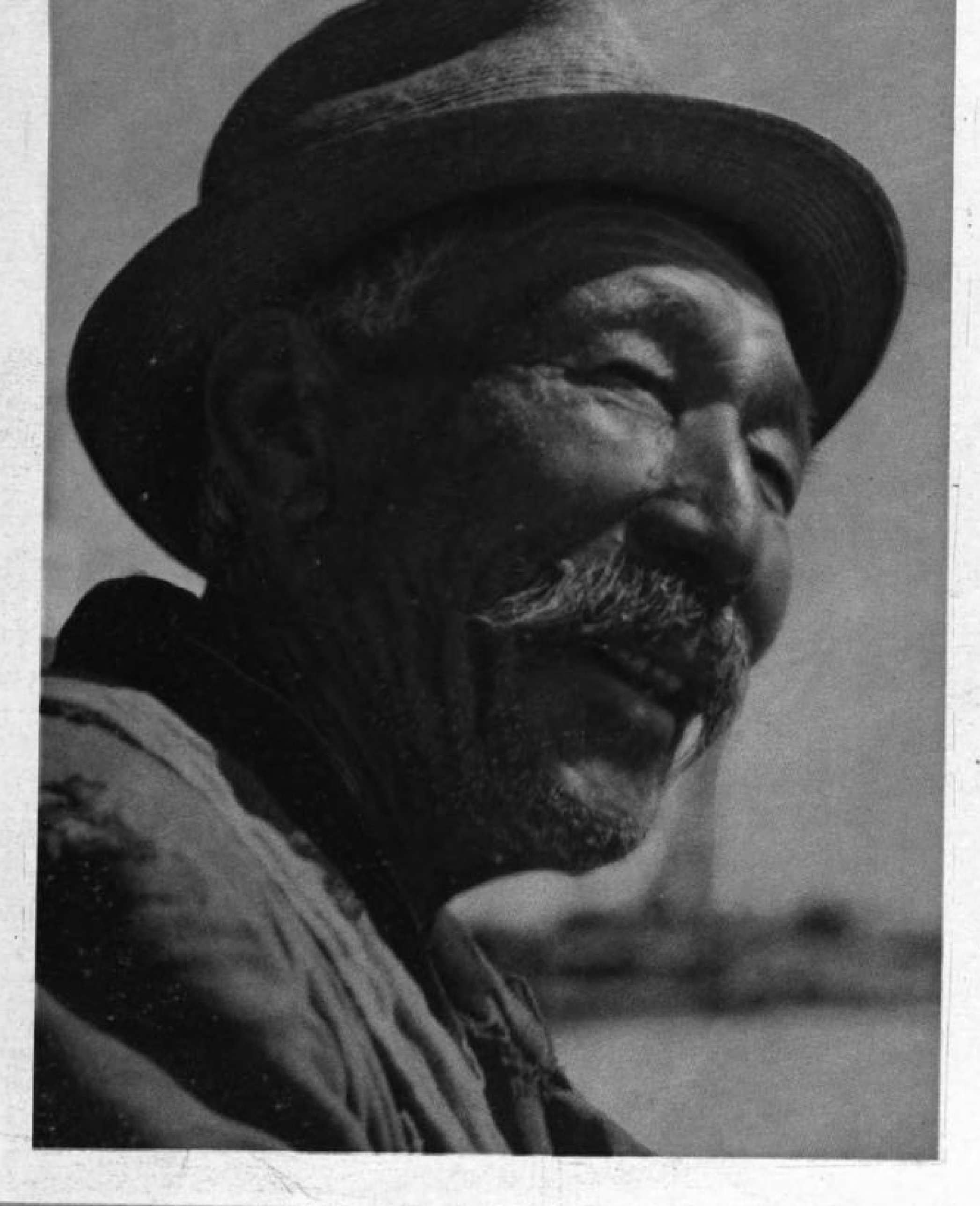
Вот идет, описывая дугу, небольшой буксировщик. Точно силясь догнать его, за ним плывет плоскодонная посудина — мотоневодник с наборочной машиной. Он оставляет за собою нерасходящийся след: колеблющуюся на легкой волне линию неводных поплавков.

В этом году рано пошел из Каспия в реку сазан. Может, изнуряющая теплынь и его заставила искать прохладу в проточных уральских водах? Рыбам «повезет». Они попадут в... холодильники. Десятки ловецких бригад на тонях южнее Гурьева многометровыми неводами «черпают» идущую на север рыбу.

На прибрежном песке обосновался художник Баки Идрисович Урманче.

Полотно обращено к нам тыльной стороной. Что запечатлел живописец? Судя по лицам казашек-рыбачек, наблюдающих за его работой, что-то очень им близкое, такое, на что обычно смотрят с умиленной улыбкой.

Пройдемся с фотообъективом по реке, по ее берегам. Попробуем отгадать, какие сюжеты могли привлечь внимание художника.



Может быть, живописец написал портрет Абугали Кумысбаева? Шестидесятипятилетнего рыбака знают и уважают на промысле.

Не исключено, что художнику приглянулся бытовой сюжет. Вместе с дымком до рыбаков уже доносится с берега аппетитный аромат наваристой ухи. Повариха уже берет пробу.

Гурьевские рыбаки — гостеприимный народ. Поспеет уха, и художника пригласят отведать незамысловатое, но очень сытное и вкусное кушанье. Где еще можно попробовать такой свежей, приготовленной с рыбачьим кулинарным искусством ухи?

У берега, в мерцающей серебристыми бликами воде, лежит свернувшийся змеей невод. Накатная волна играет пятным колом, оставленным Абугали Кумысбаевым. Бригадиры передают друг другу вахту.

А это, конечно, не совсем полноценный сюжет, но как деталь большого полотна может заинтересовать живописца: Аккаран Алипкалиев зацепил ногой снасть и, не удержавшись, бултыхнулся в реку. Авария произошла недалеко от берега, так что ничего опасного не могло случиться. А если бы и на середине реки? Для отличного пловца это пустяк. В такую жару даже приятно лишний раз окунуться. Солнышко быстро высушит одежду, и от аварии не останется никаких последствий.

Пожалуй, из многих сюжетов, какие мог выбрать художник, едва ли не лучший — это девушка у электролебедки, рыбачка Жанылсин Суесенова. Комментировать не будем. В этом нет нужды.

Не привлекла ли Баки Идрисовича потешная картинка «детской тони»? Сколько экспрессии в этой сценке, похожей и на мальчишечью забаву и на заправский промысел! Кто знает, может, в старую сеть юных рыбаков «втетюхается» пудовый сазан? Вот будет радости!

Незаметно подкрался вечер. Где-то там, в просторах Каспия, окунулось в воду солнце. Оно тоже обессилело от жары. Кончилась дневная смена. В рыбнице, вздрагивая и ловя ртами воздух, лежат чебаки, сазаны, жерехи, судаки.

Спустилась ночь, а на Урал-реке не замирает жизнь. Ушла на отдых одна бригада рыбаков, пришла другая, а художник остается «подкарауливать» ночные пейзажи. Он только меняет холст и вряд ли уйдет, увидав картину ночного лова.

Снова заброшен невод. Еле заметны поплавки на краях. И только в центре дуги, там, где медленно плывут над водой, как светляки, три огонька, темная линия отчетливо выделяется на красноватой от неугасшей зари воде. Это рыбачка-фонарщица сторожит снасть. Появится катер или баркас, и над рекой замелькает живой огонек, просигналит рулевому: «Осторожно, тут трудятся рыбаки!»

НАРОД ГОВОРИТ С НАРОДОМ

Ходжа Ахмад АББАС

Два года тому назад в Москве открылся первый фестиваль индийских кинофильмов, на котором были представлены кинокартины: «Бродяга», «Два бигха земли», «Ганга», «Ураган», «Байджу Бавра». Для участия в этом фестивале приезжали в Советский Союз работники индийского кино.

Всего лишь один день мы, небольшая группа, были никому еще не известными в Москве чужестранцами. А уже на следующий день три наших актера — Радж Капур, Балрадж Сахни и Дев Ананд — и две актрисы — Наргис и Нирупа Рой — стали близкими друзьями множеству советских зрителей, успевших познакомиться с ними на экранах кино и телевизоров. К тому времени, когда наша делегация уезжала, погостив в Советском Союзе три недели, Радж Капур, получивший здесь прозвище «товарищ Бродяга», стал любимцем публики, а песенка из фильма «Бродяга» — «Авара хун» («Бродяга я») — облетела из конца в конец необъятные просторы вашей родины. Ее пели в домах и на улицах, ее исполняли джазы и оркестры.

Да, наши фильмы имели успех, а наши актеры и актрисы завоевали любовь и признание. Но еще важнее то, что положено было начало установлению дружественных и жизненно важных культурных связей между двумя нашими странами. Через эти пять фильмов весь советский народ познакомился не только с отдельными актерами и актрисами, а с миллионами простых людей Индии. Посредством звукового экрана четырехсотмиллионная Индия разговаривала с двухсотмиллионным Советским Союзом.

С тех пор индийские кинофильмы стали часты в репертуаре советских кинематографов. И сейчас, когда я пишу эту статью, в окна гостиницы я вижу рекламные щиты с афишами индийских кинофильмов, которые в скором времени пойдут в Москве. Скоро здесь начнется второй фестиваль индийских кинофильмов. На этот раз я не смогу присутствовать на фестивале: вынужден торопиться с отъездом в Индию с тем, чтобы подготовиться к встрече группы советских кинематографистов и начать вместе с ними съемки первого индо-советского фильма об Афанасии Никитине.

Так же, как и два года назад, теперь будут показаны фильмы, дающие, на мой взгляд, всестороннее представление об индийском кино.

Наиболее значительный по своему содержанию фильм «Господин 420» поставлен Раджем Капуром. Заглавие этого фильма нуждается в некоторых пояснениях. В индийском Уголовном кодексе статья 420 определяет наказание для лиц, совершивших обман и мошенничество. Обман и мошенничество у нас в просторечии принято называть «чар сау бис», что означает четыреста двадцать. Таким образом, само заглавие фильма говорит о тех мошенниках, которые маскируются под честных людей или респектабельных джентльменов. Хотя этот фильм не является прямым продолжением фильма «Бродяга», но до некоторой степени перекликается с ним в сюжетной линии и в развитии драматических эпизодов. Снова советские зрители увидят своего любимца Раджа Капура и опять в роли сердечного, веселого бродяги. И на этот раз Раджу Капуру удалось блестяще объединить в своей игре комизм и глубокое, подлинное чувство. Свой талант он подчиняет общественной цели: «Господин 420» в первую очередь разоблачает беспринципных больших и малых дельцов, еще сохранившихся в индийском капиталистическом обществе. К счастью, теперь их постепенно обезоруживают.

Любовную линию в этом фильме снова ведут Радж Капур и Наргис. Я уверен, что советские друзья этой очаровательной и талантливой актрисы полюбят ее и в новой роли — прогрессивной бедной учительницы, которая занимается с детьми жителей трущоб и своевременно спасает Раджа от того, чтобы он не превратился в «Господина 420».

Джавахарлал Неру, художник М. Р. Ачарекар, киноартисты Радж Капур и Наргис.

Рис. М. Р. Ачарекара.

А вот и другой, тоже очень хороший фильм, но уже в ином жанре, «Мирза Галиб». Это кинорассказ о жизни величайшего поэта XIX века, непревзойденного лирика поэзии урду Мирзы Галиба. Зритель знакомится с лирическими произведениями Мирзы Галиба, к тому же в великолепном музыкальном исполнении; тонко показана и личная трагедия поэта, придающая такую силу и пафос его произведениям. Фильм воссоздает культуру и образ жизни Дели конца эпохи царствования Великих Моголов. Роль поэта играет Бхарат Бхушан, уже знакомый советскому зрителю исполнением роли музыканта в картине «Байджу Бавра». Возлюбленную поэта играет красавица Сурайя, одна из лучших певиц Индии. Ее чудесный голос позволяет в полной мере донести до зрителя несравненную лирику поэта.

Сарат Чандра Чаттерджи, современник Тагора,— одна из наиболее выдающихся фигур в бенгальской литературе начала XX века. В своих романах и рассказах он правдиво и мастерски рисует картину разложения феодального общества в Бенгалии. Являясь гуманистом, подобным Диккенсу и Чехову, Чаттерджи завоевал такую же горячую любовь и признательность народа и так же глубоко знал и понимал человеческую психологию. Я верю, что некоторые из наиболее значительных его произведений будут переведены на русский язык. А пока советские люди получат возможность познакомиться на фестивале с фильмом «Бирадж Баху», поставленным по одной из сказок Сарата Чаттерджи. Фильм поставил режиссер Бимал Рой, с которым вы уже знакомы по картине «Два бигха земли». Главные роли исполняют талантливая актриса Камини Каушал и темпераментный бенгальский актер Абхи Бхаттачария.

Абхи Бхаттачарию вы увидите и в другом замечательном фильме — «Джагрити» («Пробуждение») — в роли учителя-идеалиста, который любовью и чуткостью находит путь к душе ребенка, открывая в ней несметные богатства. Эта кинокартина сначала была поставлена на бенгальском языке, а позднее — и на языке хинди молодым талантливым бенгальским режиссером Сатьен Боуз.

И, наконец, мой фильм «Мунна», что на языке урду означает — маленький, дорогой. Это история маленького мальчика, который разыскивает свою мать в большом городе. Я уверен, что советские люди, как дети, так и взрослые, полюбят Роми, исключительно талантливого маленького артиста, исполняющего главную роль в фильме. Этот фильм я посвящаю идее «построения совершенного мира, в котором бы Мунны не разлучались со своими матерями». Эти слова должны объяснить вам, дорогие читатели «Огонька», какова цель кинокартины.

Вот все, что советский зритель увидит на фестивале этого года. Простые люди Индии, ваши друзья, еще раз расскажут вам (а иногда и споют) с экрана правду о своей скромной жизни, о своих радостях и печалях, о своей непреклонной решимости построить лучшую жизнь для себя и для всех простых людей мира.

Радж Капур в главной роли в фильме «Господин 420».

ПАССАЖИРСКИЙ АТОМНЫЙ САМОЛЕТ БУДУЩЕГО

Г. ПОКРОВСКИЙ,
профессор, доктор технических наук

Рисунок автора.

Перед бурно развивающейся пассажирской и транспортной авиацией из года в год возникают все новые и новые задачи. Вот сейчас, например, чувствуется необходимость регулярных воздушных сообщений с поселком Мирным и другими пунктами Антарктиды. Не менее существенно налаживание беспосадочной воздушной связи с дальними странами.

Чтобы покрывать огромные расстояния, необходимо иметь самолеты с дальностью полета от 10 до 20 тысяч километров. Кроме того, может понадобиться и дополнительный запас дальности на тот случай, если в месте назначения посадка окажется почему-либо невозможной и придется лететь на другой аэродром.

Применение обычных двигателей для таких самолетов затруднительно или вовсе невозможно. Они работают на жидком горючем, и запаса энергии в нем, например, в керосине, оказывается далеко не достаточно. Самолет превращается в летающую цистерну, и его полезная грузоподъемность приближается к нулю: машина несет на себе только то, что нужно для полета, и ничего больше.

Кроме этого, взлет и посадка скоростных реактивных самолетов сопряжены с большими сложностями. Повидимому, в ближайшие годы будут осуществлены вертикально взлетающие реактивные самолеты. Еще в 1881 году известный революционер Н. И. Кибальчич, казненный за участие в покушении на царя Александра II, набросал проект реактивного самолета. Причем этот самолет способен был взлететь вертикально. Идея состояла в применении реактивного метода и вертикальной установки двигателей.

Эта идея реализуется теперь.

Вероятно, будущий дальний пассажирский самолет будет иметь поворачивающиеся реактивные двигатели, которые при взлете ставятся вертикально, поднимают самолет вверх с любой, самой малой площадки, подобно вертолету. Потом они постепенно переводятся в горизонтальное положение, и самолет переходит на горизонтальный полет. При посадке двигатели вновь ставятся вертикально, горизонтальный полет тормозится, и самолет, повисший на силе тяги своих двигателей, при небольшом снижении этой силы плавно опускается на посадочную площадку.

Это, однако, достигается дорогой ценой. Для такого взлета и посадки нужен огромный запас топлива, ради которого придется пожертвовать тысячами километров дальности рейса. Поправить дело может, конечно, дополнительная заправка самолета в воздухе. Но такое решение все же ненадежно, громоздко, и лучше всего от него отказаться.

И, тем не менее, идея Кибальчича осуществима! Можно перейти от обычного двигателя к атомному. Атомный двигатель пока еще несовершенен. Он слишком тяжеловесен, испускает сильное проникающее излучение, опасное для людей. Следовательно, реактор нужно окружить особой защитной оболочкой, которая весит очень много. Система передачи огромных количеств теплоты из реактора в двигатель также сложна. Все это чрезвычайно утяжеляет атомный двигатель и делает его гораздо более неуклюжим, чем обычный...

Есть еще несколько обстоятельств, которые затрудняют пока достижение успеха. Чтобы сделать реактор, его защиту и теплопередающую систему достаточно компактными и легкими, надо заставить работать реактор при температуре выше тысячи градусов. Вот и возникает вопрос: какие материалы способны выдержать такой накал, не разрушаясь, не размягчаясь и успешно сопротивляясь яростной бомбардировке потоком нейтронов, способных вызывать сложные изменения в веществе?

Итак, первоочередная задача — создание стойкого материала. Укротив титанического атомного зверя и заставив его нести самолет, нужно суметь создать и сбрую для этого зверя, которую он не мог бы разорвать. В этом своеобразие диалектики развития техники, когда предстоит, с одной стороны, все время пробуждать к действию новые и новые силы природы и, с другой,— находить также и соответствующие способы сдерживать эти силы и надежно управлять ими. Сейчас предпринимаются настойчивые попытки укротить эти силы и насытить ими такую симфонию технической мысли, какой является современный самолет...

Но это еще не все. Невиданная мощь атомной энергии способна будет нести самолет ближайшего будущего с огромной скоростью — 2—3 тысячи километров в час. Машины будущего — машины очень высоких, зазвуковых скоростей — будут напоминать метеориты. Их поверхность в полете станет раскаляться, и они, вероятно, будут оставлять за собой не шлейф тумана, как это нередко наблюдается при полетах реактивных машин, а ослепительную огненную струю раскаленного вещества. Вторая техническая задача, требующая решения, состоит в том, чтобы создать жаропрочную оболочку самолета, способную выдержать непрерывную неистовую бурю раскаленного воздуха, вызванную им самим и обрушивающуюся на него. Возникает проблема охлаждения воздушного корабля.

И, тем не менее, могущество атомной энергии так велико, что оно перекрывает и искупает даже теперь все эти противоречия и трудности. Дело в том, что атомный реактор снаряжается таким количеством атомного горючего, которого достаточно по меньшей мере для кругосветного перелета. Атомный двигатель в принципе обеспечивает и необходимую дальность полета, и необходимый резерв дальности, и вертикальный взлет, и посадку. Другими словами, уже сейчас при всех своих недостатках атомный двигатель способен совершить революцию, скачок в развитии авиации. И нет сомнений, что в ближайшем будущем советские ученые и инженеры заставят атомную стихию двигать самолеты.

Сто сорок старейших воткинских машиностроителей ушли на пенсию. Среди них четыре брата Капусткины — Иван, Василий, Александр и Дмитрий. Все они вместе проработали на заводе около 210 лет.

Старшему из братьев, Ивану Александровичу, 73 года. Его производственный стаж — 60 лет. За этот срок он обучил токарному мастерству свыше 300 молодых рабочих.

Десятки рационализаторских предложений братьев Капусткиных помогли улучшить производственный процесс в цехах завода.

Указом Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР Иван Александрович и Дмитрий Александрович награждены почетными грамотами.

Все четыре брата получили от дирекции завода ценные подарки.

Е. ФЛЕЙС

Фото П. Катаева.

РИЖСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ...

Центральный колхозный рынок в Риге.

Всегда отличную цветную капусту привозит колхоз «Дарба виенниба».

Когда впервые видишь выстроившиеся в ряд странные сооружения с полукруглыми кровлями, трудно сразу определить их назначение. Больше всего они похожи на ангары для дирижаблей, хотя и не имеют решительно никакого отношения к воздухоплаванию. Это павильоны Центрального колхозного рынка — самого большого в Риге.

Здесь в пяти огромных павильонах — мясном, молочном, гастрономическом, плодоовощном, рыбном — и на открытых площадках имеется все, чтобы удовлетворить вкусы любого, даже самого привередливого покупателя. Тугие головки белокачанной и цветной капусты, свежая рыба, залитые янтарным жиром тушки гусей и кур, пирамиды золотистых томатов, тяжелые гроздья винограда — вся эта разнообразная снедь образует живописные «натюрморты» на прилавках павильонов, в ларьках, на столах...

Со всех концов республики латвийские колхозы привозят сюда щедрые дары земли. Они продают здесь в год 5,5 тысячи тонн мяса, 15 миллионов штук яиц, 14 тысяч тонн картофеля, 11 тысяч тонн овощей, 8 600 тонн фруктов и т. д.

Не только сельскохозяйственные артели Латвии и соседних с ней республик — Литвы и Белоруссии — торгуют на рижском Центральном рынке. Сюда привозят свои товары колхозы таких отдаленных от Латвии областей страны, как Черновицкая, Арзамасская, Одесская, Черниговская, Киевская. С многими сельскохозяйственными артелями, крупными поставщиками продуктов, дирекция рынка поддерживает постоянную связь.

...В дирекцию рынка поступил сигнал: сегодня в продаже мало картофеля. Цена на картофель может повыситься. Тут же принимаются меры. Директор Василий Ильич Кононцев немедленно звонит по телефону в близлежащие колхозы «Марупе», «Спилве», «Узвара»:

— Говорят с рижского Центрального рынка. Нельзя ли в счет договорных обязательств прислать сегодня несколько автомашин с картофелем?..

Через час — полтора прибывают машины. Опасность повышения цен на картофель ликвидирована. Так осуществляется влияние на «конъюнктуру рынка».

Пора уборки обильного колхозного урожая — осень — самое горячее время в колхозной торговле. Прилавки буквально завалены овощами и фруктами. Особенно хорошо нынче уродились яблоки. Их продают и в павильонах, и на столах, и прямо с автомашин.

В эти дни Центральный колхозный рынок в Риге обслуживает ежедневно до 100 тысяч покупателей.

Т. ИНСКАЯ

Фото Галины САНЬКО.

Кристап Августович Бригманис (справа) — один из 40 рубщиков мяса, обслуживающих мясной павильон. Он не только мясоруб, но и мастер спорта по классической борьбе в тяжелом весе; рядом с ним мясоруб Михаил Семенович Русоник, он тоже мастер спорта по тяжелой атлетике. Ветеринарный врач Висвалд Янович Гулбис известен и как певец, выступающий по телевидению и радио.

Особенно хорошо нынче уродились яблоки. Здесь продает их колхоз «Комъяуниетис».

В рыночной толчее потерялась маленькая Людочка. Ее привел в радиоузел рынка старшина милиции М. А. Павлов. «Не плачь, Людочка! Сейчас мы разыщем по радио твою маму!»

→ Внутренний вид мясного павильона.

ПРАВДА ОБ ОКИ

Американские машины, расчищающие территорию для строительства аэродрома.

Семья окинавского фермера смотрит на свое поле, опустошенное американцами.

А. СОФРОНОВ

«Чайный домик под августовской луной»

Года два назад в Лондоне один английский журналист сказал мне: «Я думаю, что вам будет интересно посмотреть идущую у нас инсценировку романа американского писателя Вэрна Снайдера «Чайный домик под августовской луной». Любопытное произведение. Англичанам нравится. В нем довольно зло высмеивают американцев».

Мы отправились в театр смотреть «Чайный домик под августовской луной». Это была довольно остроумная комедия, показывающая «культурную деятельность» американской военщины среди жителей японского острова Окинава. В один из городов был назначен военным комендантом молодой американец. В его обязанности входило приобщение окинавцев к культуре. Молодой комендант решил этот вопрос по-своему. Войдя в контакт с предприимчивым местным дельцом, он начал производство весьма высокоградусного напитка, оборудовав предприятие соответствующей техникой. В финале пьесы появлялся начальник оборотистого молодца. Громы и молнии метал он над головой своего подчиненного. Однако гнев его быстро угас, так как он сам примкнул к прибыльному предприятию.

Спектакль был острый и веселый. Актеры хорошо играли. В зале все время вспыхивал смех. Зрители, улыбаясь, смотрели на американских офицеров, оказавшихся в зале. Американцы явно чувствовали себя неудобно. После второго акта они покинули зал. Откровенно говоря, мы удивились этому. Несмотря на иронический текст, американцы в пьесе были изображены этакими добрыми, милыми парнями, а жители Окинавы — покорными, недалекими, малограмотными «туземцами».

В ту пору я мало знал об острове Окинава, его жителях и событиях, которые происходили на острове. Большая Советская Энциклопедия сообщала о том, что Окинава — один из крупных островов архипелага Рюкю, омываемый Тихим океаном и Восточно-Китайским морем. Берега Окинавы окаймлены коралловыми рифами, климат субтропический, муссонный. Возделываются на острове рис, бататы, сахарный тростник, цитрусовые. Главный город Окинавы — Наха.

Уже несколько позже, весной прошлого года, в столице Индии Дели из уст японских делегатов конференции азиатских стран по ослаблению напряженности в международных отношениях мы услышали о том, что в Японии движение за освобождение Окинавы от американской оккупации приняло большие размеры.

Когда я летел над Тихим океаном от Филиппин к Японии и в ночной мгле промелькнул красный фонарик на крыле реактивного самолета, я снова вспомнил об Окинаве. На заседаниях конференции в Токио во многих выступлениях японских делегатов выдвигалось требование освобождения Окинавы от американской оккупации.

Во время одного из перерывов к нам подошел молодой человек с альбомом в руках. В его голосе были негодование и гнев:

— Я с Окинавы. Вы же знаете, что Окинава сейчас — атомная американская база, а это гибель для всех нас. Вы посмотрите, что делается на Окинаве.

Он раскрыл перед нами альбом. Это были любительские снимки, но они изображали уже не те идиллические картины, которые пришлось нам повидать на сцене лондонского театра. Это были картины, полные трагизма и горести.

Нам не довелось побывать на Окинаве. Но писать о Японии и ничего не сказать об Окинаве нельзя. Поэтому я хочу в этом очерке не столько рассказывать сам, сколько ознакомить читателей с теми документами и материалами, которые появлялись в самое последнее время в японской и американской печати. Я должен извиниться за несовершенное качество фотографий, иллюстрирующих этот очерк. Но у этих фотографий есть одно преимущество: они сделаны руками жителей Окинавы.

Говорит делегат атомной базы

Самым жгучим выступлением на конференции в Нагасаки была речь секретаря Народной партии Окинавы Сэнага Камэдзиро. Я не хочу ее пересказывать. Я привожу ее почти целиком. Сэнага Камэдзиро говорил:

«Я взволнован тем, что говорю как делегат атомной базы Окинавы перед представителями сил мира как в нашей стране, так и вне ее, выступающих против атомного и водородного оружия.

Атомная база Окинава является сейчас огромным концентрационным лагерем, окруженным со всех сторон морем. Свобода передвижения и поселения на острове ограничена. Жители острова лишены даже свободы мысли и объединения. Но восемьсот тысяч жителей Окинавы поднялись на борьбу против расширения атомной базы, в защиту японской территории, за национальную независимость и мир, за демократию и национальное процветание. Борьба за свою землю, против рекомендаций Прайса, которые имеют целью оторвать 800 тысяч жителей Окинавы от их соотечественников и бросить их навечно в пропасть колониального рабства, являясь по форме и оборонительной и наступательной, принимает на Окинаве все более и более организованный характер.

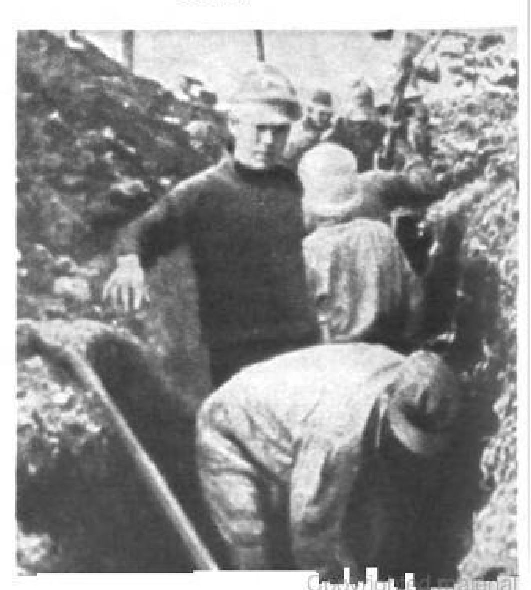
Я не буду говорить здесь о попрании элементарных прав человека, о невероятном насилии по отношению к рабочему классу, о нарушении всех демократических прав. Я расскажу вам о положении в деревне Иесима, борьба которой по своей остроте, длительности, по силе и глубине сопротивления американским властям является типичным примером борьбы и тех невероятных страданий и невыносимых оскорблений, которые испытали и испытывают 800 тысяч жителей Окинавы из-за реквизиции земель для создания и расширения на острове атомной базы.

Это было ровно двадцать восемь дней тому назад, 12 июля до полудня. Американский самолет на бреющем полете целый час кружил над полигоном у деревни Иесима.

Уже целый месяц не было дождей. Высокие сосны, трава на лугах, ботва батата и земляной орех жаждали хотя бы капли воды. Но с самолета на землю пролился не долгожданный дождь, которого жаждало все живое на потрескавшейся земле, а огромное количество газолина. И вот после полудня на земле там и тут поднялись языки пламени. Это был гневный ответ жаждущих воды деревьев, травы, батата и земляного ореха. Вскоре огонь уже поднимался высоко в небо. Крестьяне, которые ходили в горы косить траву для скота, с трудом вернулись в деревню, вырвавшись из кольца пламени.

Жители деревни молча смотрели, как огонь пожирает сосновый лес, посаженный еще триста лет тому назад их предками, чтобы уберечь посевы от ветров. Они смотрели, как превращается в уголь их пища — любовно посаженный батат и земляной орех, урожай которого они уже готовились убирать. Скорбно стиснуты губы женщин с детьми за спиной. Парни еще крепче сжимают рукоятки мотыг, молча устремив глаза на поле. Единое чувство охватило сердца стариков, державших в руках серпы. Но никто не плачет, никто не стонет. Даже

Жителей Окинавы заставляют рыть окопы.



См. «Огонек» №№ 42, 43.

Дом крестьянина на Окинаве.

грудные дети притихли и смотрят на языки пламени, вздымающиеся к небу.

Три дня и три ночи пылала земля-полигон — деревня Иесима.

Женщины, собирающие в корзины испекшийся батат... Толпы мужчин, женщин, детей и стариков, просеивающих обуглившиеся земляные орехи...

Что они думают? О чем помышляют?

Взоры всех, словно их кто-то привязал, устремлены на корни сгоревших сосен. Сгорела хвоя, сгорели ветви. Но корни попрежнему крепко вцепились в землю.

Да! Мы будем продолжать бороться, как эти бесчисленные корни сосен! Не продадим ни одного цубо[1] земли американцам! Защитим свою землю! Отстоим страну! Еще сильнее будем крепить единство! — Крестьяне молча направляются на место сходок. Возникает митинг. Вырабатываются требования.

— Прекратить стрельбу на полигоне!

— Снести заграждения!

— Возместить ущерб!

Господа делегаты!

Эта жестокая огневая атака является огромной провокацией не только по отношению к 800 тысячам жителей Окинавы, но и по отношению ко всем 90 миллионам японцев. Это бесстыдная провокация и по отношению к здравому смыслу и цивилизации.

Американские военные власти официально объяснили причину пожара тем, что они-де уничтожили то, что мешало наблюдениям на полигоне.

Господа делегаты!

Как могло случиться, что сосновый лес, который до сих пор не мешал никаким наблюдениям, вдруг стал им помехой? Даже дети знают, что земляной орех, который поднимается над землей немногим выше, чем на один сяку[2], не может служить помехой наблюдениям. Жители деревни Иесима, непосредственно пострадавшие от пожара, и все население острова считают, что настоящей причиной пожара является преднамеренная зверская атака на население Окинавы в ответ на его сопротивление насильственной реквизиции земли, которая была предпринята в марте этого года.

Семнадцать месяцев тому назад, в марте прошлого года, к берегу острова причалили три американских военных судна с вооруженными солдатами, которые сошли на берег и направили сверкающие штыки на жителей деревни, с плачем цеплявшихся за двери своих домов. Обдавая крестьян грязью и избивая прикладами, солдаты вытеснили их из домов. При этом два дома были подожжены и сгорели дотла. Так американские войска насильственно отобрали у крестьян триста цубо земли и обнесли их проволочными заграждениями. Но жители деревни не отказались от борьбы. Они решили защищать свою землю. Крестьяне прорубили проволочное заграждение, поставленное американцами, проделали проход и начали пахать землю. Началось молчаливое сопротивление слабых сильным. Тогда американские военные власти арестовали 30 жителей деревни, обвинив их в покушении на военную собственность. 52 жителя были приговорены к шести месяцам каторжных работ и к году условного заключения.

Господа делегаты!

Какая цивилизация, какой гуманизм позволяет обвинить людей в покушении на собственность и приговорить их к каторге лишь за то, что они обрабатывают свою же собственную землю?

Это позволяет американская атомная политика!

Господа делегаты!

Американские военные власти, зная, что им никакими репрессиями не сломить сопротивления и единства жителей деревни Иесима, решили выжечь их поля огнем. Это было задумано с тем, чтобы напугать крестьян: как, мол, вы ни трудитесь, урожая вам не видать!

Все эти семнадцать месяцев крестьяне продолжали работать на полях под градом снарядов. Они вырыли окопы и прятались туда, когда начиналась стрельба. А когда она утихала, снова вылезали и продолжали работу на полях. Кто имеет основания покушаться на мать и дитя, которое вцепилось в грудь матери и не хочет отпускать ее? Все население Окинавы похоже теперь на младенца, который вцепился в грудь матери-земли.

Жители Окинавы требуют: «Прекратите забирать наши поля! Это японская территория, мы не продадим больше ни одного цубо земли, поэтому все планы на покупку земли должны быть отброшены».

Это — требование слабых к сильным. Справедливая борьба правых людей по отношению к неправым.

Сопротивление жителей деревень Иесима, Исахама, Гуси реквизиции земли переросло в антиамериканскую борьбу, охватившую весь остров. В этой борьбе нет места даже малейшему сектантству или личным чувствам. Это борьба за национальную независимость, которая охватила всех людей, невзирая на их политические, религиозные взгляды, их идеологию и вкусы. Население Окинавы, борясь против расширения американской атомной базы на этом острове, тем самым борется за то, чтобы парализовать атомную базу и снести с лица земли страшного врага человечества. Если позволить расширить атомную базу Окинавы, борьба за независимость и мир в Японии не победит, а народы Азии будут продолжать трепетать перед угрозой страшной атомной бомбы.

Но народ Окинавы верит, он твердо верит, что, если 800 тысяч жителей Окинавы объединят свои усилия в борьбе за свою землю, они никогда не будут побеждены, что, если весь девяностомиллионный японский народ, в том числе и жители Окинавы, добиваясь независимости и мира, объединит свои усилия в борьбе за возвращение Окинавы, это будет непобедимая сила. Они верят, что, если миллионы людей на земле поддержат эту борьбу, то над островом Окинава будет развеваться знамя освобождения».

Что такое рекомендации Прайса!

В разговорах с делегатами конференции, в частных беседах с японцами мы не раз слышали выражение: «рекомендации Прайса». Что же это такое?

Не так давно на Окинаве побывал подкомитет конгресса США во главе с членом палаты представителей Мелвином Прайсом.

Как сообщает в сентябрьском номере японский журнал «Эйша син», издающийся в городе Осака, Мелвин Прайс приехал для того, чтобы «сделать обзор положения на острове».

На острове очень высокая плотность населения — 1 142 человека на одну квадратную милю. Сельское хозяйство ведется на маленьких участках. После того, как Соединенные Штаты Америки превратили остров в одну из опорных баз на Тихом океане, началась реквизиция земли у крестьян. Было забрано около 40 тысяч акров. «Дающая два урожая в год земля в центре острова, которая составляет 17% всей обрабатываемой земли на Окинаве, была укатана бульдозерами с тем, чтобы на ней могли быть построены сооружения военной базы».

Если до войны средний размер участка, обрабатываемого одним крестьянским хозяйством, был равен 0,52 чо[3], то сейчас размер участков сократился в среднем до 0,35 чо.

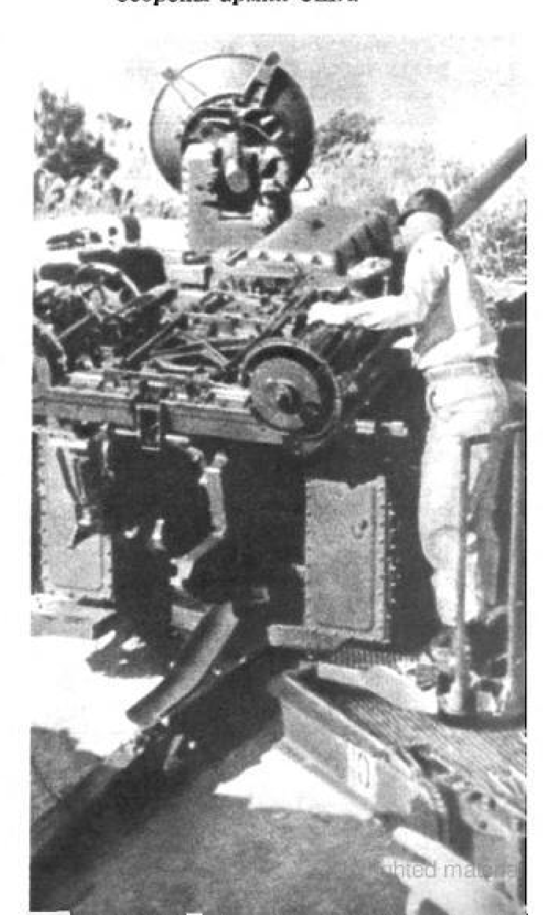
Реквизируемые участки земли, которые в среднем давали с акра доход от 323 до 342 долларов, отбирались у крестьян по стоимости, исчисленной из дохода в 34—42 доллара в год. Людям негде на острове работать. По официальным данным, на аэродромах и базах американцы используют сейчас 75 тысяч жителей Окинавы. Среди них процентов 80 тех, кто потерял свою землю. Но и работающие на американских базах получают унизительно нищенскую оплату за свой труд — в среднем 2—3 тысячи иен, что в переводе на американскую валюту означает 6—8 долларов в месяц.

«Выяснить» все это положение и приехал мистер Прайс на остров Окинава. После отъезда Прайс рекомендовал продолжать и дальше реквизицию земли, а так называемую «арендную плату» выплачивать в прежних мизерных суммах.

Как свидетельствует журнал «Эйша син», после отъезда мистера Прайса в США и доклада его в Америке «жители были повергнуты в глубокое отчаяние».

[1] Один цубо равен около 3,3 кв. м.
[2] Сяку — 30,3 см.
[3] Один чо равен 0,99 га.

Окинава. База противовоздушной обороны армии США.



Женщина с острова Окинава.

Обобщая думы и размышления жителей Окинавы, журнал пишет: «Наше единственное желание таково. Мы — японцы. Мы хотим жить нормальной жизнью. Почему не может быть выполнено это простое желание? Мы начали это движение не по чьему-нибудь подстрекательству, мы не хотим пытаться быть антиамериканцами. Если должно произойти так, что нам придется расстаться с нашими маленькими участками земли, которыми мы сейчас владеем, и получить общую сумму арендной платы, единственная вещь, которую мы сможем сделать,— это истратить деньги на то, чтобы прожить. А когда эти деньги кончатся, мы будем разорены. Нам бы хотелось верить в добрую волю американцев. Но мы не можем не продолжать это движение до тех пор, пока остаемся японцами, и для того, чтобы мы здесь, на Окинаве, могли жить по-человечески.

Таким образом, «сопротивление без сопротивления» продолжается».

Внимательный читатель заметит разницу между выступлением Сэнага Камэдзиро и статьей в журнале «Эйша син». Если в словах делегата атомной базы вы слышите гнев и горечь, то в журнальной статье одна горечь. Но сущность от этого не меняется. Формула «сопротивление без сопротивления» вряд ли выражает истинное положение дел на острове. Для выяснения этого вопроса привлечем еще один орган печати, на этот раз американский. Итак, статья из журнала «Тайм» от 3 сентября 1956 года...

«Годами граждане Соединенных Штатов смотрели отчужденно, если не с чувством отвращения, на усилия колониальных держав, направленные на то, чтобы подавить агитационную деятельность, которую вели местные студенты-фанатики, требуя независимости. На прошлой неделе самим Соединенным Штатам пришлось столкнуться с такой же ситуацией на доставшейся ценой жертв Окинаве, расположенной в 330 милях к югу от Японии.

Хотя Соединенные Штаты часто хвастались, что у них нет никаких территориальных притязаний во второй мировой войне, они фактически удержали за собой Окинаву и Южные Рюкю и намерены удерживать их «до тех пор, пока на Дальнем Востоке существует обстановка угрозы и напряженности». Соединенные Штаты затратили более полумиллиарда долларов, чтобы превратить Окинаву в свой военный «нервный центр» в западной части Тихого океана, и заявили Японии, что она имеет лишь частичный суверенитет над островом.

Новые американские завоеватели, благожелательные и заботливые на манер, прославленный в «Чайном домике под августовской луной», основали на Окинаве первый университет. Американское правительство расточало на него средства и поощряло здоровые вложения со стороны частных групп в США. Государственный колледж в Мичигане обеспечил для университета оборудование и преподавателей. Уже вскоре университет процветал, имея 1 760 студентов и 125 человек профессорско-преподавательского состава. Студенты, возможно, вдохновляемые преподавателями, получившими образование в Японии, стали выступать за возвращение острова Японии. Некоторые студенты поддержали Народную партию Окинавы, послали представителя партии в Токио, чтобы принести жалобу на захват Соединенными Штатами крестьянской земли на Окинаве. В университетском литературном журнале стали появляться антиамериканские статьи. В прошлом месяце 250 студентов устроили антиамериканскую демонстрацию, выкрикивая: «Янки, гоу хоум!»

Все это очень опечалило создателя университета, уроженца Канзаса Генри Эрл Диффендерфера, 41 года, который в настоящее время занимает пост директора по образованию в гражданской администрации США на Окинаве. Диффендерфер так старался увеличить университетские фонды, что его даже прозвали «попрошайкой из университета на Рюкю». Под давлением разочарованных жертвователей (включая группу американских моряков) Диффендерфер составил сердитое письмо президенту университета Генсю Асато. Управление фондом пожертвований замораживает все средства, говорилось в письме, до тех пор, пока «вы не сможете удостоверить, что антиамериканские и прокоммунистические элементы из числа студентов и профессорско-преподавательского состава устранены из университета».

«Все студенты, жалующиеся на подавление», сокрушался Диффендерфер, «спали в кроватях, приобретенных на американские деньги, пользовались учебным оборудованием, купленным на американские деньги, и читали книги, которые тоже куплены на американские деньги». Диффендерфер заявил, что один студент сказал ему: «Мне не нравятся Соединенные Штаты, и я предполагаю выпускать газету, которая бы выступала против США»,— и потом спросил: — «Даст ли управление фондом пожертвований мне ссуду на это?»

Диффендерфер ответил: «Если вы придете ко мне, чтобы убить меня, почему я должен давать вам револьвер?» «Чтобы доказать,— ответил студент,— что вы действительно верите в свободу слова, как вы это утверждаете».

На прошлой неделе, сознавая, что университет сильно зависит от американской доброй воли и от американских пожертвований, президент университета Асато выполнил требование Диффендерфера и написал ему, что университет «приносит извинения всем американцам — и тем, кто находится здесь, и тем, кто находится где-либо еще,— за поведение наших студентов». После этого он исключил из университета шесть руководителей студентов, включая председателя и вице-председателя студенческого коллектива.

Некоторые из исключенных студентов в действительности были настроены проамерикански, заявил Асато, «но они не смогли осуществить ответственность, лежащую на них, и удержать других студентов от подобных поступков». Асато действовал очень хитро, воспользовавшись тем, что студенты были на каникулах, и спас Соединенные Штаты от новых массовых демонстраций студентов, большинство из которых, как кажется, симпатизирует исключенным».

Я не думаю, чтобы журнал «Тайм», язвительно изобразивший события в университете на острове Окинава, что-либо преувеличивал. Скорее наоборот. Но вернемся к нашим знакомым.

У Тихого океана

В один из дней работы конференции в Нагасаки мы встретились с Сэнага Камэдзиро на берегу Тихого океана. Мы обедали, сидя за столиком около нашей гостиницы в тени большого дерева. Сэнага Камэдзиро, человек с острым подбородком и глубокими, умными глазами, говорил:

— Я был учителем и, возможно, продолжал бы учительствовать и дальше, если бы не случилась война. Я был против войны, высказывал это открыто и был осужден японским судом на пять лет тюрьмы. Я отсидел полный срок. Но вот на Окинаву пришли американцы. Войны уже не было. Войны не было, а я снова попал в тюрьму уже по приговору американского суда. Американцы оказались более гуманными: они держали меня в тюрьме всего два года.

— У вас есть семья?

— Конечно, у меня пятеро детей, жена.

— Как вам живется на острове?

— Очень легко. Я ведь всегда нахожусь под охраной...

Наш собеседник печально улыбается.

Увлекшись беседой, мы не заметили, что за соседним столиком появился какой-то молодой человек с короткими усиками. Видимо, он решил не тратиться и заказал себе всего лишь бутылку лимонада. Но он недолго сидел за столиком. Держа фотоаппарат на прицеле, он начал издалека подходить к нашему столику, делая вид, что фотографирует рыбачий поселок, лежащий рядом, и чайные розы над заливом. Он пристально смотрел на Сэнага Камэдзиро. И вдруг он быстро вскинул аппарат, нацеливая его на нас.

— Видите, нам даже с вами спокойно поговорить нельзя,— сказал Камэдзиро, отвернувшись.— Ему очень хочется сфотографировать меня в вашем обществе.

В это время служащая гостиницы, девушка Иосико, встала между нами и любителем фотографии и замахала на него руками. Что-то пробормотав, он перекинул аппарат через плечо, бросил на столик мелкую монету, быстро пошел к ожидавшей его машине и исчез.

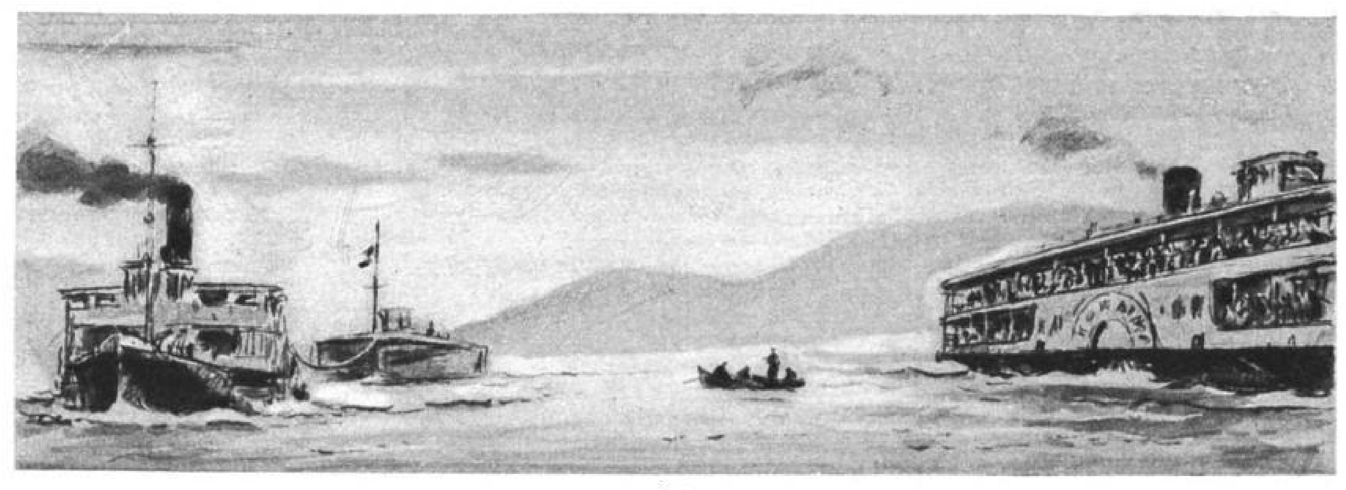
— Вот что значит быть недовольным американской оккупацией Окинавы, — сказал Камэдзиро.

Мы попрощались с этим мужественным человеком и больше его не видели.

...Над Японией часто ходят тайфуны. Они приносят большое горе населению, разрушают дома и поселки. Недавно такой тайфун пронесся и над Окинавой, разрушив многие американские строения, и, как сообщило агентство Рейтер, причинил большой ущерб военному имуществу США. Это же агентство писало: «Представитель командования американской армии в Токио заявил, что 30 злых сторожевых собак, которые во время тайфуна бежали из своих конур, все еще находятся на свободе». По сообщению этого представителя, «всему военному персоналу и членам их семей на Окинаве запрещено выходить из своих домов до тех пор, пока собаки не будут пойманы или убиты».

Мы надеемся, что в настоящее время все злые собаки пойманы и американцы и члены их семей имеют возможность снова беспрепятственно передвигаться по японскому острову Окинава. И, тем не менее, нам кажется, что американцы на Окинаве не могут себя чувствовать так же безбоязненно, как они чувствуют себя на Флориде или в Техасе. Колониализм всегда есть колониализм, в какой бы он форме ни проявлялся — британской или американской.

Демонстрация в Токио, проходившая под лозунгом: «Возвратить Окинаву Японии!» Июль 1956 года.



ПЕРВЫЙ УРОК

Рассказ

Н. МАКСИМОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Рулевой Игорь Глебов был списан с буксирного парохода «Самарканд» и высажен на берег накануне под вечер, а уже утром судовой радист принял грозный запрос: управление требовало немедленно радировать, почему списан с борта сын начальника пароходства.

Заместитель начальника решил сам разобраться в этом невероятном случае, урегулировать недоразумение, а уж потом, как говорится, постфактум, рассказать обо всем начальнику. Трудно поверить: сын Алексея Ивановича Глебова высажен на безлюдный берег! Хорошо еще, что всю эту историю пока удалось скрыть от отца. «Нет, капитан «Самарканда» на старости лет определенно лишился рассудка!» — негодовал заместитель начальника пароходства.

Радист закончил обмен депешами с главной базой, выключил аппаратуру и еще раз перечитал только что принятую радиограмму.

— Ну, началось...— покачал он головой и пошел на капитанский мостик.

С моря дул свежий ветер. Лиман штормил. Волны ворчали на пароход, захлестывали буксирный трос, вкатывались на палубу груженой нефтянки, и тогда казалось, что никакой баржи за «Самаркандом» нет, а белая надстройка и мачта с двумя квадратными флагами из кумача плывут по реке сами...

В рубке стоял полный мужчина в кожаном желтом реглане и смотрел, как нефтянка утюжит лиман. Кто знает, о чем думал в этот утренний час старый водник, только появления радиста он не заметил.

— Радиограмма, Кондрат Иванович!

Светлые брови капитана приподнялись, он слегка повернул голову и молча протянул руку за депешей.

Третий штурман, радист, штурвальный наблюдали за выражением лица капитана, но оно оставалось бесстрастным; лишь на мгновение шевельнулась верхняя губа и в глазах сверкнули лукавые огоньки.

Кондрат Иванович аккуратно свернул депешу, положил ее в карман кителя и спокойно сказал:

— Передайте, что сына начальника пароходства я не списывал, списал рулевого Глебова. Объяснение — по прибытии в порт.

Радист с пухлыми, словно у девушки, плечами торопливо набросал содержание ответа и протянул капитану бланк и автоматическую ручку. Тот прочел, вычеркнул слово «я», подписал и снова повернулся лицом к буксируемой барже.

— Левее держи! — попутно бросил замечание рулевому.

Пароход покачивало, поскрипывала рубка, ветер сбивал буксировщик с курса.

На палубе матросы спрашивали радиста:

— Ну как?

Радист хмурился, махал рукой.

— Началось...

— Возвращаться не прикажут?

— Все может быть.

— Да,— вздыхали хлопцы.— А только Кондрат Иванович поступил правильно; подумаешь, папа — начальник пароходства...

— «Сам» запрашивает? — допытывались матросы.

— Заместитель.

— А капитан что? — спросил кочегар, высовываясь из машинного люка.

— Ответил, что у тебя топка прогорела,— вместо радиста отозвался вахтенный механик.

— А я бы на месте капитана ни в какую назад не пошел! — решительно заявил практикант речного училища.

— Неужто думаешь, Кондрат Иванович пойдет? Не тот человек!

Свободные от вахты «самаркандцы» обсуждали вчерашнее происшествие. Ведь с чего все началось? Почти целую навигацию проплавали спокойно, и вот в конце августа появляется на борту новый член палубной команды: двухцветная куртка-канадка, брюки с напуском, чуб, в зубах папироса, глаза с придуром... А чем, собственно, ему задаваться? Тем, что провалил вступительные экзамены в институт?..

Третий штурман решил выслужиться: перебрался ко второму помощнику, а каюту свою отдал новому рулевому. Ну, а Кондрат Иванович узнал об этом и распорядился: Глебову на общих основаниях поселиться в матросском кубрике. С этого все и началось.

Игорь держался вызывающе и с товарищами и с начальниками: «Это не мое дело!», «Мне некогда!», «Поручи другому!».

Так дошли до моря, а на обратном пути Глебов совсем потерял чувство меры. Даже старшему помощнику стал дерзить. Тот ему — взыскание. Не помогает. Доложил капитану. Кондрат Иванович вызвал нового матроса, целый час убил на беседу. Вы думаете, подействовало? Ничего подобного! На следующий же день он такое сказал старшему помощнику, что даже матросы покраснели от смущения... А тут, кстати, неподалеку оказался Кондрат Иванович. Посмотрел он на Глебова, подумал минуту и приказал:

— Списать!

— Меня?! — вызывающе спросил сын начальника пароходства.— Меня списать?!

— Приготовить шлюпку! — невозмутимо распорядился капитан и пошел к себе в каюту.

— Вы ответите за это! Вы еще пожалеете...— на все судно кричал рулевой.

Старший помощник взглянул на карту. До ближайшего населенного пункта свыше двадцати километров. На пути небольшая протока. Помощник доложил об этом капитану.

— На сутки сухой паек,— непримиримо ответил тот.

Судьба Игоря Глебова была решена бесповоротно, хотя он и сделал попытку оказать физическое сопротивление высадке в шлюпку, но вахта дала ему понять, что на судне приказ капитана — закон! Чего скрывать: матросы были настроены явно не в пользу нового рулевого.

И вот сын начальника оказался в одиночестве на безлюдном берегу. С «Самарканда» за ним наблюдали в бинокль, пока совсем не стемнело.

«Что же будет дальше?» — думал экипаж. Больше всего, конечно, беспокоились о капитане: ведь списать он имел право только в населенном пункте, а Кондрат Иванович высадил — да еще кого! — на безлюдный берег... Думали матросы и об Игоре. Правда, плавать он умеет, значит, протоку переплыть сможет, но всетаки, кто его знает... Впрочем, о Глебове беспокоились только до утра, пока не стало ясно, что он добрался до телеграфа, ибо в противном случае не мог поступить запрос из управления.

Глебов добрался до ближайшей пристани только во втором часу ночи: куртка и брюки мокрые, голова обнажена, лицо и руки распухли от укусов комаров, босой. Сапоги он умудрился утопить при «форсировании» протоки...

Разбудил начальника пристани, представился, чем весьма озадачил старого речника, и потребовал вызвать к селектору отца.

— Но сейчас, молодой человек, ночь, начальник пароходства отдыхает,— урезонивал списанного матроса начальник пристани.

— Дежурный по управлению вызовет отца по телефону,— настаивал Игорь.

— Да вы успокойтесь, юноша. Все уладится. Пойдемте, я дам вам переодеться и что-нибудь на ноги. Как же это вы утопили сапоги?

Разговор по селектору не состоялся. Вместо него сын послал отцу раздраженную телеграмму.

Настало утро. Из управления — никакого ответа. Близился полдень, а отец молчал. Игорь требовал допустить его к селектору, но начальник пристани не разрешил: селектор только для служебных разговоров.

— Да вам, юноша, и не стоит рассказывать о случившемся всем пристаням на тысячу километров, а селектор — ведь он такой... Вот вечером пойдет пассажирский,— ласково говорил начальник, поправляя на носу очки,— с ним я вас и отправлю к папаше.

— На пассажирском? Не выйдет! Я заставлю за мной вернуться «Самарканд»!

— Ну, ну...— нахмурив седые брови, сказал начальник пристани и куда-то исчез.

— Уйду я от греха подальше,— сказал он жене,— а то на старости лет еще беду наживешь с этаким чадом... Нашкодил, видать, на пароходе, вот капитан и преподал ему урок. Крутой человек. Не посмотрел, что начальника сынок. А только боюсь, как бы не пострадал напрасно Кондрат Иванович. Так я пошел, мать. Есть у меня дела на селе...

Игорь нервничал, пытался ворваться в комнату дежурного, где находился селектор и телеграфный аппарат, но безуспешно: из диспетчерской его просто выгнали.

— Хорошо, это вам так не пройдет!

...В управлении пароходства шло диспетчерское совещание. Как только оно закончилось, делом о списании с парохода Игоря Глебова снова занялся заместитель начальника по эксплуатации флота. Ответ капитана взбесил его: «Объяснение — по прибытии в порт? Хорошо, я объясню тебе, я тебя научу считаться с руководством! Умник... Он, видите ли, списал рулевого!..»

Заместитель поднялся в диспетчерскую, изучил графики движения судов в нижнем течении реки, составил две депеши: одну на буксировщик «Самарканд», другую начальнику пристани. В ней предписывалось отправить отставшего от судна рулевого на пассажирском пароходе «Колыма», а капитану «Колымы» — в пути пересадить Глебова на «Самарканд».

Однако и об этом распоряжении Игорь не узнал до самого вечера, пока не вернулся из села начальник пристани.

На «Самарканде» радиограмма была принята в два часа дня. За-

меститель начальника пароходства писал капитану: «Ваш приказ о списании рулевого отменяю. Глебов догоняет буксировщик на «Колыме».

— Ну, ну...— покачал головой радист и направился на капитанский мостик.

Кондрат Иванович молча протянул руку за депешей, прочел ее, аккуратно свернул, положил в карман кителя и отвернулся. Радист подождал минуту — другую и понял, что ответа не будет. А какой, собственно, может быть ответ на приказ?!

— Ну, как? — спрашивали матросы у радиста.

Тот хмурился, махал рукой.

— Плохо.

— Возвращаться будем?

— «Колыма» передаст с борта на борт.

— Сегодня?

— Завтра.

— «Сам» приказал?

— Заместитель.

— А капитан что?

— Молчит.

— Да...— вздыхали хлопцы.— Значит, если папа в больших чинах, можно, выходит, старшего помощника к этакой бабушке посылать?

— Дошлепаем до порта — в партбюро пойду! — сильно дымя трубкой, заявил боцман, теребя свою черную бороду.

Радист послушал, о чем говорит команда, сказал:

— Я думаю, это дело надо обсудить.

— Правильно! — раздались голоса.— Как председатель судкома открывай собрание полувахты!

Вечером этот же вопрос обсудила вторая половина команды; и вот утром по поручению экипажа радист пришел к капитану с решением машинной и палубной команды.

Пока Кондрат Иванович читал протокол, радист рассматривал его каюту. На вешалке овчинный полушубок и желтый кожаный реглан с поясом; под ними валенки, сапоги. На стене портрет Ильича и барометр; на столе несколько фотографий. На одной из них пожилая женщина. Это жена капитана. А вот его сыновья и дочь. Их тоже знает председатель судового комитета. Иван — механик на «Колыме», Николай — летчик, майор, Ирина — учительница.

Вдруг радисту показалось, что глаза у капитана заблестели, а листок в руках задрожал. Но тут Кондрат Иванович резко отодвинул шторку, приблизился к иллюминатору и что-то долго рассматривал на берегу... Потом он снова сел, аккуратно свернул протокол, положил его в карман и взволнованно проговорил:

— Спасибо... Только вам бы не следовало...— И тут же опять отвернулся.

— Что вы, Кондрат Иванович... Мы сами! Это же безобразие!

— Ну, ладно, ладно, ступай! — Он тихонько взял радиста за плечи и довел до двери.

...Пассажирский пароход «Колыма» показался на следующее утро часов в одиннадцать. Он быстро догонял «Самарканд» с баржей на буксире.

На палубе «Колымы» среди пассажиров с независимым видом стоял Игорь Глебов и говорил какой-то девушке:

— Вы серьезно не верите, что я пересяду на эту коробку? Что ж, сейчас вы в этом убедитесь!

Многие пассажиры уже знали, что этот молодой человек — сын начальника пароходства, что он плавает на «Самарканде» старшим помощником, но так случилось, что он задержался на берегу и отстал от судна. Впрочем, такое случается в речной практике...

На Игоре была форменная фуражка, из-под нее выбивался наружу чуб, канадка наполовину расстегнута, сапоги, взятые у начальника пристани, начищены, брюки с напуском отутюжены.

— Вы готовы? — спросил Глебова вахтенный матрос.

— Да, сэр,— игриво ответил Игорь и улыбнулся своей милой спутнице. «Какие они все скучные...» — подумал он, небрежно оглядывая окружавшую его молодежь.

Тем временем «Колыма» уже несколько обогнала «Самарканд» и замедлила ход.

— Шлюпку на воду! — послышалась команда с мостика пассажирского судна.

— Это для вас? — спросила Игоря девушка.

— Да, мисс. Это для меня. Видите ли, мы не можем сблизиться с «Самаркандом» борт к борту, так как мой тихоход буксирует баржу с огнеопасным грузом первой категории.

— Откуда это известно? — поинтересовался кто-то.

— Разве вы не видите два красных флага на мачте нефтянки?

Но тут Игоря позвал вахтенный, и уже через минуту шлюпка отчалила от борта «Колымы» в направлении к «Самарканду».

Команда буксировщика хмурилась. Боцман цедил сквозь зубы:

— Видать, не зря говорят, что сильнее кошки зверя нет...

Но на мостике звякнул машинный телеграф, и колеса «Самарканда» чаще зашлепали по воде.

Экипаж переглянулся.

— Самым полным пошли, что ли?

— Ребята, капитан не возьмет его! — раздался чей-то радостный голос.

Шлюпка с «Колымы», не успев сблизиться с буксировщиком, стала заметно отставать. Вскоре гребцы поняли, что могут угодить под нефтянку, и энергично заработали веслами, уходя назад...

С пассажирского судна послышался голос:

— Примите на борт сына начальника пароходства!

Кондрат Иванович взял рупор и прокричал в ответ:

— Хулиганов на борт не принимаю!

И вдруг стало удивительно тихо, как показалось матросам «Самарканда». Но эту тишину больше никто не нарушил.

А что творилось на «Колыме»! Огромное количество пассажиров скопилось на левом борту, наблюдая всю эту картину.

Шлюпка с «ответственным» сыном возвращалась назад...

Лицо Игоря пылало, глаза заливало потом. Нет, кажется, и недругу не пожелаешь оказаться в таком положении! Глебов не знал, куда ему смотреть, не представлял, как он встретится с молодежью, командой, пассажирами. «Какой позор, какой позор!» «Хулиганов на борт не принимаю...» Кажется, впервые в жизни он почувствовал себя ничтожным, придавленным, жалким. Мысли путались, во рту пересыхало; Глебов почти непрерывно облизывал губы. До его слуха уже долетали голоса пассажиров, высыпавших на галерею и палубу. Игорю хотелось исчезнуть, скрыться в реке, переждать, пока разойдутся люди, но об этом было уже поздно думать: шлюпка подошла к борту, и ее начали поднимать на корму парохода...

Как в тумане, Игорь выбрался на палубу и, не поднимая головы, стал протискиваться к своей каюте. На него смотрели так, как обычно смотрят на подсудимого, когда его вводят в зал заседания...

Выходил Глебов из каюты или нет, никто не знал, но, во всяком случае, ни в салоне, ни на палубе, ни в ресторане его больше не видели.

Интерес к случаю с сыном начальника пароходства не утратился до конца рейса. Особенно много было толков и предположений среди команд обоих пароходов. На «Колыме» говорили, что Кондрату Ивановичу не сдобровать. Оказалось, что радист пассажирского судна по эфиру знал всю переписку, связанную со списанием Глебова.

Очень тревожился за своего капитана экипаж «Самарканда». Что ни говори, пока суд да дело, а Кондрат Иванович может пострадать. Мало того, что он списал с борта такую «птицу», отказался дать объяснение по радио, не подчинился прямому приказу старшего начальника,— он еще перед сотнями людей опозорил не только списанного матроса, но и его отца!

Радист, помощники, матросы, механики старались по выражению лица своего капитана угадать его мысли. Тщетно. Кондрат Иванович ничем не выдавал своего состояния. А ведь вся эта история не проходила для него бесследно. Капитан иногда сомневался: уж не зашел ли он слишком далеко? «Но разве допустимо,— рассуждал Кондрат Иванович,— потакать распущенным молодым людям! Да и не под стать мне в угоду начальству потворствовать безобразникам!»

В тревогах и сомнениях прошло пять суток, пока буксировщик не довел нефтянку до главной базы. А как только «Самарканд» пришвартовался к грузовому причалу, первым на борт поднялся встревоженный дежурный по порту и сразу к капитану с вопросом:

— Ты что, Кондрат Иванович, наделал?!

— А именно?

— Тут такие разговоры идут! Заместитель начальника пароходства...

— Любопытно, что же он говорит? — неожиданно раздался рядом голос начальника пароходства, человека средних лет в черной флотской шинели.

— Здравствуй, капитан. Как рейс прошел?

— Благодарю. Нормально.

Начальник пароходства огляделся по сторонам.

— Я, Кондрат Иванович, пришел к тебе не как начальник пароходства, а как отец. Пойдем в каюту. Что там натворил мой недоросль?

Лицо капитана стало очень серьезным.

— Плохо сына воспитал, Алексей Иванович! Осрамил он и себя и тебя заодно.— И капитан обо всем подробно рассказал. — А вот как тебе помогает воспитывать Игоря заместитель твой...— С этими словами капитан достал из кармана две депеши и передал их начальнику.

И без того не бледное лицо начальника пароходства побурело еще сильнее. Было видно, что Глебов хотел что-то сказать, но сдержался. Он нервно ходил по каюте.

— Пятые сутки из дома не выходит,— говорит отец про сына.— Как сошел с «Колымы», так и сидит. Слова не вытянешь. Эх, Кондрат Иванович, лучше б ты ему дал двадцать суток гауптвахты! — с каким-то надрывом произнес отец.

— По уставу могу только пять.

— Сообщил бы мне. Я б своей властью добавил! Надеялся я на тебя. Думал, согнешь его, поможешь человеком сделать...

Начальник пароходства присел к столу, зажал руками голову. Наступила долгая пауза. Наконец капитан громко вздохнул:

— Что ж, Алексей Иванович, видно, первый урок жизнь преподала ему неплохой. Пусть переварит. А одумается, перед помощником извинится, так я, пожалуй, и снова возьму его в команду... Гляди, и человеком станет.

Хабаровск.

И. И. Шишкин (1832—1898). ЛЕС В МОРДВИНОВЕ. 1891 год.

Тульский областной художественный музей

С. И. Светославский (1857—1931).
ВОЛЫ НА ОТДЫХЕ.

Тульский областной
художественный музей

А. А. Рылов (1870—1939). ГЛУБОКАЯ РЕКА. 1902 год.

ПО СЛЕДУ

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ, В. ВЕДЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

...За окнами уже занимался рассвет. Федор Волков не возвращался.

— Где же ваш сын?— спросил Северцев.

— Не знаю,— растерянно прошептала Волкова.— Он должен был к обеду возвратиться с охоты. И, как видите, не пришел. Должно быть, опоздал на поезд и заявится утром. С ним это уже бывало.

Но Волков не появился и утром. Не было его и на другой день. Северцев снял засаду в квартире и объявил розыск. Во все концы страны спецсвязью полетели фотографии Волкова в фас, в профиль, во весь рост. Все было напрасно. Волков исчез.

На третьи сутки после той памятной ночи мать Волкова пришла на Петровку, слезно умоляя дать ей свидание с сыном или хотя бы разрешить передачу.

Напрасно Северцев уверял, что Федор сбежал,— она не верила.

— Вы должны понять меня,— говорила она, торопливо вытирая бегущие по дряблым щекам слезы,— я же мать!..

И она снова рассказывала:

— Накануне вечером зашел его друг Ямцов, они о чем-то резко поговорили, дверь была заперта, а я не имею обыкновения подслушивать разговоры сына. Но когда Ямцов ушел, я заметила, что Федор озабочен, он долго объяснялся с кем-то по телефону, я в это время как раз была на кухне и не слышала, о чем шла речь. Потом он вдруг внезапно собрался на охоту, надел свой охотничий костюм, взял у меня тридцать рублей на дорогу и сказал, что вернется завтра. Он даже просил, чтобы я приготовила на ужин его любимые сырники со сметаной. Но назавтра он не пришел. А вечером приехали вы, и произошла вся эта кошмарная сцена. Прошло уже столько дней, а мы в полном неведении о судьбе нашего сына. Где он? Вы-то, по крайней мере, должны знать?

— М-да,— задумчиво произнес Северцев,— к сожалению, и мы не знаем...

В этот день возвратился Брайцев. Он приехал усталый, обросший до самых глаз, но очень довольный результатами командировки. Брайцев привез череп, который отлично сохранился и был вполне пригодным для предстоящих исследований.

В старом деле имелись фотографии Урганова. С них сделали репродукции и получили негатив. Точно в том же ракурсе, в каком был заснят в свое время Урганов, сфотографировали череп. Теперь в отпечаток с первого негатива предстояло впечатать второй. Если череп действительно принадлежал человеку, запечатленному на фото, то в определенных местах ряд точек первого и второго снимков должны были абсолютно совпасть. Этот тип исследования носит в криминалистике наименование метода фотоаппликации.

Но как ни пытались совместить отпечатки с обоих негативов, критические точки упрямо отказывались совпадать.

Тогда Северцев решил прибегнуть еще к одному методу исследования. Он обратился к профессору Тарасову с просьбой восстановить портрет по черепу.

По мере того, как подвигалась вперед работа Тарасова, оставалось все меньше и меньше сомнений в том, что Урганов жив. Искусный мастер воссоздал скульптурный портрет человека монгольского типа с резко выдающимися скулами и узкой прорезью глаз.

Нет, можно было с уверенностью сказать, что это кто угодно, но только не Урганов. Однако, чтобы уничтожить последнюю тень сомнений, Иван Ильич, связавшись с Архангельским областным управлением МВД, просил выяснить по архивным данным, не исчезал ли в известный период какой-нибудь человек, живший в районе Н-ского лагеря? Спустя сутки пришел положительный ответ. Среди старых, нераскрытых дел фигурировало заявление местной жительницы ненки Угарэ о том, что ее муж, отправившийся в тундру проверять капканы, пропал без вести. По телефону Северцев срочно запросил фотографию охотника. Пакет доставили в Москву с очередным рейсовым самолетом.

Взглянув на фотографию, Северцев понял, что нет даже необходимости в фотоаппликации: перед ним был человек, которого воспроизвел в своей скульптуре Тарасов. Значит, сам Урганов жив, а за него приняли охотника, убитого Органовым.

18

Прошло две недели со дня исчезновения Волкова, когда Северцеву сообщили, что на имя Багрова поступил перевод в сумме тридцати семи рублей. До сих пор Багров не получал даже писем. Никто не приходил справляться о нем, никто не приносил передачи. И вдруг денежный перевод. Тридцать семь рублей,— эта сумма насторожила Северцева. Почему именно тридцать семь, а не тридцать пять или, скажем, сорок? Что означало это число? Но как он ни ломал себе голову, догадаться не смог.

Самым простым выходом было бы задержать деньги и не сообщать о них заключенному. Но Северцев поступил иначе. Он решился на риск, рассчитывая в ходе допроса раскусить этот орешек. Северцев отлично понимал степень своего риска: в случае неудачи он как бы становился посредником между Багровым и тем, кто в данный момент счел необходимым подать сигнал по условленному коду. Возможно, это был Волков или сам Урганов.

Итак, Иван Ильич пригласил на допрос Багрова. Это уже был далеко не тот лощеный хлыщ из модного ресторана, заезжающий туда на часок, чтобы послушать цыган.

Багров ерзал на стуле, поминутно оглядываясь по сторонам, и никак не мог пристроить свои длинные руки. Он нервничал, положительно нервничал, и Северцев с удовольствием отметил это.

— Я пригласил вас, Багров, отнюдь не для того, чтобы еще раз насладиться вашим искусством играть в молчанку.— Северцев был весел и даже немного насмешлив.— Вам пришел перевод, и вы можете получить деньги.

Багров промолчал.

— Вы ожидали их?— спросил Северцев.— Ну, отвечайте что-нибудь, это же не входит в круг вопросов, которые у вас принято обходить молчанием.

— Допустим, ожидал,— нехотя ответил Багров.

— Допустим,— в тон ему произнес Северцев.— А можно ли узнать, от кого?

— От приятеля. Фамилия не имеет значения.

— Разумеется,—согласился полковник.— Он что, возвратил вам долг?

— Именно,— подтвердил Багров, мучительно пытаясь понять, чего от него добивается Северцев.

— Сколько вы рассчитывали получить?

— Давайте кончим,— сказал Багров, которому становилось не по себе от издевательского тона Северцева.— Там пятьдесят рублей. Я знаю.

«Пятьдесят,— мелькнуло у Северцева.— Значит, иная цифра застигнет его врасплох». И он пошел ва-банк.

— Должен разочаровать вас, здесь только тридцать семь рублей.

Он с удивлением наблюдал, как расширяются зрачки у Багрова.

— Не хватает тринадцати? Ох, уж эта мне цифра тринадцать! Чертова дюжина — неприятное число!

— Откуда вы взяли цифру тринадцать? — упавшим голосом спросил Багров.

— Простая арифметика: пятьдесят отнять тридцать семь равняется тринадцати. Пример из учебника для второго класса.

— Липа! — сверкнул глазами Багров.

Игра была проиграна. Багров понимал это.

— Прикажите проводить меня в камеру,— мрачно сказал он.

— А как же быть с переводом? Не стесняйтесь, берите его, на худой конец тридцать семь рублей — тоже деньги.— И Северцев протянул почтовый бланк.

— Грубая работа,— возвращая бланк, заметил Багров.

— Ну уж это вы бросьте, — совершенно серьезно сказал Северцев.— Мы не подделываем документов.

— Разрешите мне отдохнуть часок в камере

— А что произойдет через час?

— Через час я начну давать показания.

— Так я и думал,— с удовлетворением произнес Северцев.

...Допросы шли параллельно. Одних допрашивал Иван Ильич, других — Сергей Васильевич. Арестованных сводили со свидетелями, устраивали им перекрестные допросы, вывозили на места преступлений, делали очные ставки. Произошло удивительное превращение: они были разговорчивыми, как никогда. Но Северцев почему-то не торжествовал. Его тревожило одно обстоятельство, которое на первый взгляд могло показаться естественным: все, абсолютно все, коллективно валили на Волкова. Багров показал, что Волков был организатором и главарем банды, Волков предлагал дела и основной куш получал тот же Волков.

Банда занималась исключительно грабежами такси и лишь изредка квартирными кражами. Ни о каких иных, более крупных делах не могло быть и речи. Это подтверждалось вещественными доказательствами и ходом всего предыдущего следствия. Но в стройной, логически обоснованной версии не оставалось места для двух кирпичей: инкассаторских мешков и убийства Коваленко.

И, делясь своими мыслями с Брайцевым, Иван Ильич высказал твердое убеждение в том, что вся эта внезапная откровенность была продиктована сигналом извне и преследовала одну только цель: выдвинуть на первый план второстепенного Волкова, чтобы прикрыть его фигурой истинного главаря — Алексея Урганова. Нет, Северцев был бы слишком наивен, если б поверил в то, что зеленый юнец Волков мог направлять действия Багрова или Басова. Продолжалась все та же игра, только на этот раз она приняла новые формы. Теперь Северцеву недоставало лишь Волкова, чтобы расставить все по своим местам.

...К концу третьей недели со

Окончание. См. «Огонек» №№ 40, 41, 42, 43.

дня исчезновения Волкова стало известно, что он найден убитым и находится в Лефортовском морге. Следователь одного из подмосковных райотделов милиции, передавший это известие, не без гордости сообщил, что убийца им найден и заключен под стражу. Разговор был не для телефона, и, прервав на время допросы, Северцев выехал в подмосковный район.

В маленьком городке, окруженном церквами, он провел целый день. В первую очередь его интересовала личность убийцы, который оказался местным лесником. Уже сам по себе этот факт вызвал серьезные сомнения у Северцева. Зная весь ход предыдущих событий, Северцев почти не сомневался, что убил Волкова вовсе не лесник. Знакомство с материалами предварительного следствия еще более упрочило эту уверенность, и Северцев поразился шаткости объективных данных, на основе которых был арестован мнимый убийца. Труп обнаружили пионеры, совершавшие поход по изучению родного края. Вернее, они обнаружили даже не труп, а поросль годовалых елочек, увядших без всякой заметной причины. Заинтересовавшись болезнью елочного семейства, ребята убедились, что это только еловые ветви, срубленные топором. Разметав прелые листья, путешественники увидели сжатую в кулак руку человека.

Сотрудники местного отдела милиции, производившие расследование, обнаружили на трупе две ножевые раны, расположенные одна над другою, несколько ниже левого соска. Труп был найден недалеко от лесной сторожки, поэтому первым, на кого пало подозрение, оказался лесник. Потребовались улики. Эти улики «нашлись». Характер срубов на еловых ветках показывал, что они сделаны топором, изъятым у лесника. Но тот и не отрицал этого факта, заявив, что к нему действительно заходили два незнакомых охотника и попросили одолжить им топор на случай, если придется разжечь костер. В залог они оставили тридцатку. Вечером один из охотников принес топор и сказал, что товарищ ждет его на дороге.

Кроме этой главной улики, была еще одна. Производя обыск в лесной сторожке, следователь нашел охотничий нож. Когда была снята деревянная ручка, внутри обнаружили обильные сгустки уже засохшей крови. И хотя лесник божился, что этим ножом он колол кабанчика под пасху, следователь не принял во внимание столь важное заявление.

Он был молод, самонадеян и честолюбив. Ухватившись за первое в своей практике крупное дело, он рассчитывал благодаря своей проницательности (ею еще восхищались девушки в институте) и ловко поставленным вопросам добиться исчерпывающих показаний у лесника. Поэтому он начал прямо с ареста, поэтому он прислушивался лишь к собственному голосу, стараясь подчинить факты своей версии.

Северцев, захватив нож и ручку со сгустками крови, возвратился в Москву. Исследования показали, что кровь, обнаруженная в ручке ножа, оказалась свиной. К этому уже нечего было добавить.

...Лесник, приехавший в Москву по вызову Северцева, взглянув на фотографию Урганова, узнал в нем охотника, который возвратился без товарища и принес в сторожку взятый топор.

19

В кармане охотничьей куртки Волкова Брайцев нашел два троллейбусных билета. Сотрудники Управления троллейбусного транспорта по номерам установили дату продажи — месяц, число и даже час, а также маршрут троллейбуса и примерную остановку, на которой сели пассажиры.

Число совпадало с днем выезда Волкова на охоту. Маршрут троллейбуса был четвертым. Примерная остановка — район Якиманки. Сопоставив эти данные с окончанием названия улицы, которая фигурировала в неотправленной телеграмме Волкова — «...нка», Северцев пришел к выводу, что встреча между Волковым и Ургановым состоялась где-то недалеко от квартиры последнего. Однако в доме 2 по Якиманке никаких жильцов, похожих на Урганова, не оказалось. Тогда Северцев собрал у себя группу участковых из отделений милиции, расположенных в этом районе. Введя их в курс дела, чтобы они прониклись всей важностью предстоящей задачи, Северцев роздал участковым по экземпляру фотографий Урганова. От участковых требовалось только одно: сегодня же осторожно проверить подведомственные дома и в случае малейшего подозрения немедленно сигнализировать Северцеву.

Участковому уполномоченному Карпову лицо Урганова показалось знакомым. «Уж не тот ли это жилец пенсионерки Авдеевой, которого я чуть было не оштрафовал за проживание без прописки?» — подумал Карпов.

На обратном пути он мучительно вспоминал фамилию жильца — не то Посенцов, не то Поченцов, но уж, конечно, не Урганов...

Приехав в отделение, Карпов первым делом зашел в паспортный стол и, рассказав по величайшему секрету девушке-паспортистке то, что он слышал у Северцева, попросил ее помочь уточнить фамилию. Фамилия оказалась не Посенцов и не Поченцов, а Почепцов Евсей Матвеевич, уроженец Ростова-на-Дону, прописанный в Москве временно.

Ангелину Леонтьевну Авдееву он застал на кухне, где она жарила для своего жильца яичницу с луком. Карпов справился о здоровье, расспросил про житье-бытье и, решив, что предварительной подготовки достаточно, перевел разговор на главное.

— А что,— насторожилась Авдеева,— он у меня прописан! Еще с двадцать пятого февраля.

— Да не про то я,— таинственно зашептал Карпов.— Как он у вас тут, не выпивает? Не шумит?

— С чего вы взяли? — поразилась Авдеева.— Разве поступало какое-нибудь заявление?

— Заявлений не поступало, но...— Карпов оглянулся по сторонам и, удостоверившись, что вокруг нет никого, достал фотографию Урганова: — Он?

— Он,— подтвердила Авдеева.— А что стряслось-то?

— Ничего,— успокоил Карпов и, чтобы перевести разговор на другую тему, спросил, кивнув на уже начавшую подгорать яичницу.— Ужинать, значит, собираетесь?

— Нет,— возразила Авдеева,— это как раз ему.

— Ну, ну,— промычал Карпов,— стало быть, приятного аппетита! — Он еще раз оглянулся вокруг и строго предупредил: — Только об этом разговоре ни-ни! Под вашу личную ответственность! Твердо?

Но, очевидно, Авдеева недостаточно твердо уяснила себе, в чем должна состоять ее личная ответственность, потому что, когда через сорок минут, окружив дом на Малой Полянке, Северцев вошел в квартиру Авдеевой, комната, занимаемая ее жильцом, оказалась пустой. По свидетельству Авдеевой, жилец собрался за четверть часа, позвонил по телефону в справочную какого-то вокзала и, сказав, что отбывает на несколько дней, исчез. Все это произошло мгновенно, после того, как она передала ему содержание своего разговора с участковым уполномоченным.

К великому счастью Карпова, его в этот момент не оказалось поблизости, ибо Северцев был почти невменяем. Ему хотелось биться головою об стену от ярости на сверхъестественную глупость участкового Карпова, который своей медвежьей услужливостью погубил все.

Приступили к обыску. Пока Брайцев с Карпатовым перебирали по одной вещичке нехитрый гардероб Урганова, Северцев широкими шагами расхаживал по комнате, прикуривая одну папиросу от другой.

Искали адреса, письма, хотя бы конверт, один из тех, в которых, по словам Авдеевой, аккуратно получал письма Евсей Матвеевич.

Но ни писем, ни конвертов не было. Гася папиросу о чугунную пепельницу, стоящую на причудливом ломберном столике, Северцев обратил внимание на пресс-папье. Вместо ручки на посеребренной пластинке возлежала дева с распущенными волосами и русалочьим хвостом. Поднеся к свету эту вещичку, Северцев случайно повернул ее промокашкою вверх и вздрогнул от неожиданности. На промокашке отпечаталась часть адреса — улица и номер дома. Приставив к ней зеркальце, Северцев прочитал: «...Низами, дом 18, кв. 23, Шахсейнову».

20

Ночью были наведены необходимые справки. В девятнадцати городах Закавказья и Средней Азии имелись улицы и переулки, носившие имя Низами. В четырнадцати городах на улицах Низами стояло по дому с номером 18. Но только один дом номер 18 имел тридцать квартир. И только в одном этом доме проживал гражданин, носящий фамилию Шахсейнов. Улица Низами с тридцатиквартирным домом находилась в Ташкенте.

Значит, скорее всего Урганов мог податься туда. Был и еще один географический пункт, где в 1953 году паспортный стол 3-го отделения милиции выдал паспорт Евсею Матвеевичу Почепцову. Кто такой Почепцов?

Начальника паспортного стола города Ростова подняли ночью с постели. Брайцев по телефону объявил ему, что дело не терпит ни часа. Он и слушать не желал мольбы ростовчанина повременить хотя бы до десяти часов утра.

В половине третьего ночи Ростов передал по телефону следующую справку: Евсей Матвеевич Почепцов с марта 1954 года покоится на Братском кладбище. Паспорт был похищен или куплен — неизвестно.

...Между Москвой и Ташкентом курсируют два поезда: четырнадцатый — скорый и пассажирский — пятьдесят шестой. Скорый отпал: он отправлялся в 19.20, а Урганов вышел из дома около девяти. Значит, скорее всего он уехал пятьдесят шестым, отходящим с Казанского вокзала в 22 ровно.

Поезд находится в пути сто шесть часов и двадцать пять минут. Он прибывает в Ташкент на пятые сутки. Итак, для полного отчаяния пока не было оснований — Урганова еще можно догнать.

Эту ночь Северцев и Брайцев провели в угрозыске. На рассвете уже был составлен конкретный план действий. В четыре часа утра вместе с Гринюком и Карпатовым они были во Внукове.

Северцев вылетел в Ташкент. На всякий случай он решил ожидать Урганова в доме 18 по улице Низами. Гринюк и Карпатов должны были лететь до Илецка и там на вокзале снять Урганова с поезда. Самая ответственная миссия выпала на долю Брайцева, которому предстояло сесть в поезд в Куйбышеве, найти Урганова и не спускать с него глаз до Илецка.

Брайцев прибыл в Куйбышев за два часа до прихода поезда. Он спокойно добрался с аэродрома, успел перекусить в вокзальном ресторане и даже побриться. Поезд опаздывал на двенадцать минут. По этому случаю была сокращена стоянка, и в тринадцать десять состав плавно отошел от платформы, продолжая свой путь на Ташкент.

Брайцев медленно двигался по ходу поезда, переходя из вагона в вагон и всматриваясь в лица пассажиров. Он дошел до конца, вернулся и снова проделал тот же путь. Урганова в поезде не было. Брайцев решил еще раз проверить себя. С фотографией в руках он стал обходить проводников, допытываясь у них, не ви-

дели ли они такого пассажира. Проводник третьего вагона ответил утвердительно. Пассажир сел в Москве, билет у него был до Ташкента, он взял постель и расположился на отдых, но, не доезжая Сызрани, попросил свой билет обратно, объяснив, что решил сделать остановку. Пассажир сошел в Сызрани, вот почему проводник запомнил его.

...Поезд подходил к станции. Брайцев спрыгнул на платформу и побежал к расписанию. Встречный должен быть не раньше, чем через четыре часа. Нет, положительно на каждом шагу подстерегала какая-нибудь неудача! За неимением иного выхода Брайцев решил ждать.

Он возвратился в Куйбышев уже под вечер и, прямо с вокзала позвонив в областное управление МВД, вызвал дежурную машину.

Шофером попался бывший танкист, обожавший быструю езду, «что-нибудь эдакое, ну, понимаете, чтобы душа холодела». Через полтора часа они оказались в Сызрани.

Избрав уже однажды оправдавший себя способ, Брайцев подошел к окошечку кассирши и, представившись, показал ей фотографию Урганова.

— Был такой гражданин. Я продала ему мягкий билет до Ростова. Поезд ушел полчаса назад. Если достанете машину, вы сможете нагнать его в Поворине.

Был известен номер вагона и можно было дать телефонограмму по линии, чтобы в Поворине или даже в Балашове к поезду выслали наряд, но Брайцев не рискнул передавать Урганова в незнакомые руки и выехал на машине сам.

В Балашове они поезда не догнали: слишком уж разбитыми были проселочные дороги.

На перрон Поворинского вокзала Брайцев влетел вместе с паровозным гудком. Поезд уже тронулся. Махнув рукой на прощанье шоферу, Брайцев прыгнул в ближайший вагон.

Он постоял в тамбуре, отдышался и, переложив пистолет в наружный карман пиджака, двинулся через весь состав навстречу Урганову.

Колеса стучали на стыках, вагоны едва ощутимо раскачивало из стороны в сторону. Быстро спускалась черная южная ночь с немыслимо высоким куполом неба, усыпанным мириадами звезд. Пролетали за окнами телеграфные столбы, деревья и станционные будки. Бесконечно разворачиваясь фантастическим веером, плыла пахучая и прохладная степь.

Он справился у проводника мягкого вагона о пассажирах второго купе. В купе было трое: дама с девочкой пяти лет и мужчина, ехавший от Сызрани.

Брайцев прошелся по узкому коридору и остановился у окна, неподалеку от второго купе. Дверь была приоткрыта. Устроившись у матери на коленях, девочка ела дыню. Сок стекал по подбородку и капал прямо на платье.

Сделав еще несколько шагов, Брайцев обернулся и тут же почувствовал, как кровь застучала в висках.

Закинув ногу на ногу, на диване сидел Урганов. Он был в легкой рубашке-теннииске и в габардиновых брюках, сужающихся книзу. Точно такой же пиджак висел на крючке у окна. Широкое белое запястье облегал массивный золотой браслет часов. Темные волосы были небрежно зачесаны назад, и одна прядь, спадавшая на лоб, завивалась колечками.

«В купе брать нельзя,— решил Брайцев,— мешают женщина и ребенок». Он понимал, что не имеет права подвергать риску их жизнь. О собственном риске Брайцев не подумал.

Возвратившись в противоположный конец вагона, он передал проводнику текст телеграммы на ближайшую станцию, чтобы к поезду был выслан наряд, и договорился, что в случае необходимости займет служебное купе. Потом, выбрав себе наблюдательный пункт в коридоре, Брайцев стал ждать. Он не сомневался, что рано или поздно кто-нибудь из пассажиров второго купе выйдет в туалетную. Если мать с дочерью,—он возьмет Урганова прямо в купе, если Урганов,—все произойдет здесь. Но там или здесь это должно произойти. Неизбежно.

Вышли мать с дочерью. Он дождался, пока они минуют его и достигнут конца коридора. Пора! Брайцев неслышно подошел к двери и откатил ее прочь.

— Не двигаться!

Урганов рванулся к пиджаку...

— Руки! — угрожающе предупредил Брайцев.— Руки на колени. Одно самовольное движение, и я спущу курок, Урганов.

Урганов с ужасом смотрел на него. На лбу его мелкими капельками выступил пот.

Нужно было спешить. С минуты на минуту могли возвратиться мать с дочерью.

— Встаньте,— приказал Брайцев.

Урганов подчинился. Держа наготове пистолет, Брайцев свободной рукой ощупал Урганова и извлек из заднего кармана брюк «Вальтер». Потом, пятясь, он вышел в коридор и, придерживая на всякий случай дверь, чтобы Урганов вдруг не захлопнул ее, пригласил его выйти.

— Вещи брать нужно? — спросил Урганов.

— Вещи останутся здесь.

— А пиджак?

— И пиджак тоже. Выходите.

Он пропустил его вперед.

И в этот момент Урганов побежал. Просто побежал, как бегают мальчишки, играющие в «догонялки». Брайцев обомлел от такой наглости.

В тамбуре промелькнула его тень, и тотчас же шелковые занавески надулись от порыва встречного ветра. Глухо хлопнула дверь.

— Спрыгнул! — вырвалось у Брайцева.

Поезд миновал подъем, с каждой секундой убыстряя ход.

Брайцев сорвал «стоп-кран» и открыл двери.

...Над головой висело иссиня-черное небо... На горизонте в степи полыхал огонек костра, и на этот огонек бежал Урганов.

— Стой! — крикнул Брайцев, но тот даже не обернулся. Спустив предохранитель, Брайцев стал целиться.

Он видел впереди спину бегущего. Это был не человек, это был волк, хищник, уходящий в степь, чтобы вновь убивать, грабить, собирать себе новую стаю.

Брайцев нажал на спуск и патрон за патроном выпустил всю обойму.

...Когда он подошел к нему, Урганов лежал на траве. Левая рука была закинута за спину. Он был мертв...

21

Спустя сутки после гибели Урганова Северцев возвратился в Москву. Пора уже было заканчивать дело, и, решив поставить последнюю точку, Иван Ильич вызвал в свой кабинет всех участников «волчьей стаи». Они сидели полукругом на табуретах, сложив руки на коленях,— шесть человек: Николай Багров, Дмитрий Басов, трое, арестованные на Можайском шоссе, и, наконец, Михаил Косов — «Рыбак». Ни разу еще не собирали их всех вместе, и теперь, чувствуя плечо друг друга, они, казалось, готовы были дать Северцеву бой.

Однако Северцева нисколько не беспокоила их решимость: он знал, что через несколько минут она сменится отчаянием.

Шесть пар глаз смотрели на него выжидающе. Он встал из-за стола и прошелся по кабинету.

— Ну, что ж,— вдруг неожиданно громко сказал он.— Пора и честь знать. Дело ясное. Теперь уже ни в чьих интересах оттягивать развязку. А вы как думаете на сей счет?

Ему не ответили. Он был готов к этому.

— Позавчера в степи под Поворином при попытке к бегству был убит Урганов,— медленно произнес Северцев.— Никто из вас не может опасаться его мести. Нет, нет, я не ввожу вас в заблуждение. Убедитесь сами — этот снимок сделан позавчера на рассвете. Вот он, ваш главный волк. Узнаете?

И Северцев пустил по рукам фотографию, сделанную в степи.

Никакого чуда не произошло. Люди, подобные Багрову и Басову, умеют скрывать свои чувства. Но от опытного взгляда Северцева не ускользнуло, что они были рады такой развязке.

Даже в глазах угрюмого Багрова промелькнула веселая искорка.

— Так что же, будем кончать? — дав им собраться с мыслями, поинтересовался Северцев.

Они переглянулись. Басов усиленно мял кепку, лежащую у него на коленях. Было душно. Игра в молчанку продолжалась. Наконец Басов откашлялся и, ударив об пол кепкой, сказал:

— Этого гражданина, который снят на карточке, мы не знаем. И, вообще, когда заговорит моя кепка, заговорю и я.

Эта фраза, явно рассчитанная на то, чтобы поднять боевой дух остальных подследственных, не имела успеха. Судя по выражению лиц, мелькнувшая было надежда на то, что сегодня можно будет уже рассказать все и избавиться наконец от гнетущего чувства неизвестности, вновь сменилась разочарованием. Басов, очевидно, решивший принять на себя роль главного в банде, приказывал молчать. Но оставался еще Багров, которому, повидимому, не понравилось ни заявление Басова, ни его самовольный захват власти в шайке.

Внимательно наблюдая за состоянием подследственных, Северцев уловил этот тонкий нюанс, это молчаливое начало раскола.

— Насчет кепки уже было, Басов,— сказал Северцев,— и психа из себя тоже уже разыгрывали и пробовали многое другое.— Он сделал паузу и закурил.— Мне казалось, что теперь в ваших же интересах побыстрее закончить следствие. Так или иначе, все вы будете осуждены. Мы располагаем достаточным количеством объективных фактов, показаниями свидетелей, прямыми и косвенными вещественными доказательствами. В основном дело ясное. Скажу прямо, есть несколько туманных моментов. О сути их мы догадываемся. И если вы сами отказываетесь дать показания по этим второстепенным моментам, мы докопаемся и без вас. Но этот труд оттянет окончание следствия еще на месяц, а может быть, и на два. Не думаю, что вас увлекает перспектива провести два лишних месяца в следственной тюрьме. Итак, сами решайте, как дальше вести себя. Можете даже обменяться мнениями друг с другом,— я разрешаю. Не стану скрывать от вас: ни сегодняшнее признание, ни дальнейшее молчание уже никак не могут повлиять на существо дела. Речь идет о времени и только о времени,— и Северцев вышел из кабинета.

Он возвратился лишь через пятнадцать минут. Повидимому, между присутствующими что-то произошло. Басов, сидевший прежде рядом с Багровым, находился теперь на крайней табуретке. Отвернувшись к стене, он отирал с рассеченной губы кровь. Но решение уже было принято. Об этом Северцев догадался сразу.

— С чего ж мы начнем? — спросил он.

— Следствию видней, — ответил Багров.

— Опять все будем валить на Волкова? — съязвил Северцев.

— Давайте говорить серьезно, — предложил Багров. — Самим надоело Ваньку валять. Скорей бы уж кончить.

— Что же, — согласился Северцев, — наконец наши интересы сходятся. — Он положил перед собой чистый бланк протокола, приготовившись писать. — Что означала цифра «13»?

— Было два условных числа — «50» и «13», — медленно подбирая слова, давал показания Багров. — Число «50» означало: «Дела идут нормально. Продолжайте молчать». Число «13» имело совсем иной смысл: «Временно исчезаю. Валите все на Волкова и таким образом по силе возможности выгораживайте себя».

— Значит, получив перевод, вы уже знали, что Волков убит? — уточнил Северцев.

— Разумеется, — ответил Багров, — рано или поздно с ним это должно было случиться.

— Почему? — удивился Северцев.

— Видите ли...— Багров замялся. — Для каждого солидного дела, вроде нашего, непременно нужен один подставной человек. Урганов долго искал такого маменькиного сынка и наконец нашел его на улице Горького. Их всегда можно встретить там — искателей приключений и даровых денег, сопляков в узеньких брюках.

— Для чего Урганову понадобился Волков?

— А для чего откармливают поросят? Чтобы потом была ветчина и холодец из свиных ножек. Мы ведь задумывали большое дело. Нужно было, чтобы вы напали на ложный след, — я имею в виду Волкова. А к тому времени, когда Волкова вам удалось бы обнаружить, он был бы уже трупом. Кстати, вы обратили внимание, что кличка «Волк» созвучна с фамилией Волкова? Урганов сделал это специально, а Волков видел в этом проявление дружбы,— он надеялся со временем стать преемником Урганова в банде.

— А под кличкой «Дядя» тоже имелся в виду Урганов?

— Да.

Все время, пока говорил Багров, Басов ерзал на табуретке, бросая в его сторону свирепые взгляды. Он оказался в одиночестве и, сознавая всю невыгодность своего положения, мучительно искал случая, как бы вклиниться в общий разговор. Он несколько раз безуспешно пытался вставить свою реплику, но Северцев умышленно делал вид, что не замечает его усилий. И теперь, когда Багров, полный готовности дать исчерпывающий ответ на любой вопрос следователя, уже окончательно захватывал в свои руки инициативу, Басов взорвался.

— Ты что же, за всех решил говорить, — двинулся он на Багрова,— чистосердечным признанием хочешь показать свое раскаяние? Чистеньким хочешь выглядеть?—Он был в ярости; казалось, еще секунда — и Басов бросится на Багрова. Тот же привстал, и мертвенная бледность выдавала его волнение.

— Сидеть! — приказал Северцев.

— Виноват, гражданин начальник, — переводя дыхание, сказал Басов.— Спрашивайте, какие есть вопросы.

— Кто и почему убил Виктора Коваленко? Зачем понадобилась эта комедия с отпечатками пальцев на стекле? Какую вы преследовали цель, подсунув нам Коваленко, который кое-что знал о вашей банде и не был заинтересован в том, чтобы скрывать от следствия правду? — Северцев задавал вопрос за вопросом. Они внимательно слушали его, вдумываясь в каждое слово. Полковник отметил для себя нечто новое, появившееся в их поведении,— собачью угодливость во взглядах и стремление опередить своими ответами каждый его вопрос.

На этот раз Басов не дал говорить Багрову, уже открывшему было рот. Он стал отвечать сам:

— Бывают такие люди, — сказал Басов, — которые считают себя умнее других. Они выпендриваются изо всех сил, чтобы про них сказали: «Ах, какой молодец этот парень!» У каждого хозяина есть свой любимый холуй. У нашего хозяина таким холуем был Багров. Но есть пословица: «Заставь дурака богу молиться — он и лоб расшибет». В точности так получилось и с Колей Багровым.

Басов рассказал о том, что по заданию Урганова Багров сделал последнюю попытку вовлечь Коваленко в их банду. Разговор шел в пивной на Шарикоподшипниковской улице. Но Багров перестарался. Трюк с отпечатками пальцев на настольном стекле он осуществил по собственной инициативе. После неудавшегося покушения в Загорянке, стремясь заслужить одобрение Волка, Багров решил сделать больше, чем ему было приказано, и подбросил осколок стекла в машину, оставленную на Хорошевском шоссе. В восторге от своей находчивости, он доложил обо всем Урганову. Но тот жестоко избил его. Исправляя свою ошибку, Николай Багров узнал через брата Марии Гонтарь, что в соседней с Гонтарем камере сидит Коваленко. Бирюк дал знать Гонтарю о том, что Коваленко выходит на свободу, следовательно, он «раскололся» на следствии. Гонтарь сообщил об этом в иносказательной форме сестре, которая получала от него записки. Та тотчас же передала это Николаю Багрову. Взвесив все «за» и «против», Урганов решил убрать Коваленко и взялся осуществить это убийство сам. Они следили за домом Коваленко, потом за ним самим, и, когда он возвращался в электричке от знакомой девушки, Урганов вызвал его в тамбур и, выбрав удобный момент, сбросил под колеса.

— Ясно,— сказал Северцев.— Последний вопрос. Что должно было произойти пятнадцатого?

Ответа не последовало. Багров сделал такое лицо, словно не понимал, чего от него добивается следователь, о каком еще пятнадцатом числе идет речь.

— Я помогу вам вспомнить, — сказал Северцев. — Вы охотились исключительно за такси — это первое. Второе — под матрацем у Федора Волкова было найдено двенадцать инкассаторских мешков. Теперь, если вспомнить, что инкассаторы объезжают магазины именно в такси, присовокупить к этому найденные у Волкова пустые инкассаторские мешки, которые оставляются в магазинах взамен получаемых, и вспомнить, что пятнадцатого как раз суббота, когда, учитывая дачный сезон, в продовольственных магазинах особенно большая выручка... Нетрудно догадаться, какое дело вы собирались осуществить пятнадцатого числа. Но мне хочется услышать это из ваших уст.

Северцев знал все. Дальнейшее запирательство было лишено смысла.

— Прошу отразить это в протоколе, — с какой-то дерзкой веселостью произнес Багров,— прошу отразить, что я, а не кто иной, дал показания по настоящему пункту. Надеюсь, вы оцените всю важность того, о чем я сейчас расскажу.

Да, действительно, «грандиозное дело», замысел о котором вынашивался Ургановым еще в лагере, было операцией изъятия выручки из магазинов под видом представителей Мосгорбанка. Урганов оставался верен себе: он упрямо продолжал свою линию, начатую им еще давным-давно. Операция была продумана до мельчайших деталей и подготовлена с глубоким знанием инкассаторского дела. Урганов рассчитывал захватить не менее полутора — двух миллионов. И вполне возможно, что расчеты его могли оправдаться, если бы не сотрудники Московского уголовного розыска, которые своевременно напали на след и разгромили ургановскую банду.

Багров рассказал все. Это было последней каплей, переполнившей чашу. Друзья его окончательно поняли, что банда потерпела полный провал, они уже никогда не сойдутся вместе.

Заговорили все вместе, топя и перебивая друг друга. Каждый из них старался выгородить себя, любыми усилиями, не останавливаясь перед прямым предательством своих вчерашних товарищей. Полноте! О каком товариществе могла идти речь! Они были те же самые волки, освободившиеся вдруг от ужаса перед всемогуществом своего вожака, от круговой поруки, связывавшей им языки и сковывавшей их инициативу. Банда больше не существовала, а следовательно, не существовало ее неписаных законов, основанных на слепом повиновении до конца, под страхом кровавой, бесчеловечной расправы. Теперь уже ничто не тяготело над ними. Они откровенно спасали собственные шкуры, мелочно торгуясь друг с другом, на чью долю приходится большая степень вины.

Вот, собственно, и все. Северцев поставил последнюю точку и аккуратно подшил последний листок протокола к последнему тому дела о банде Урганова.

Иван Ильич вызвал конвой и отправил арестованных обратно в камеры. Можно было хоть сейчас садиться за составление обвинительного заключения. Северцев решил отложить это на следующий день. Чувство огромного облегчения наполнило его душу: как и в любом деле, в профессии следователя успешный конец неизменно радостен.

...Был жаркий летний полдень. Ивану Ильичу вдруг неотвратимо захотелось выйти на улицу, побродить, подумать наедине с собой.

Он шел по старой, знакомой Петровке. Рабочие на стройке клали кирпичи, возводя очередной этаж будущего дома. Дети возле «Эрмитажа» бегали вперегонки. Автобус с туристами медленно двигался по направлению к центру. И никто не обратил особого внимания на невысокого человека в полковничьих погонах и синей милицейской форме. Он был одним из миллионов советских людей и, подобно миллионам, скромно и самоотверженно делал свое большое и очень нужное дело...

Из книги «Сказки разных народов»

С. МАРШАК

ДВЕ СКАЗКИ

рисунки К. Ротова

Сегодня, завтра и вчера

Жил человек бедный,
Не имел ни полушки медной.
Ну, дошел человек до сумы!
Стал просить он у чорта взаймы:

— Дай, нечистый, мне сотню — другую,
Я на рынке денек поторгую
И тебе твои деньги отдам,
А барыш разделю пополам.

Чуть он вымолвил слово «барыш»,
Чорт явился — хвостатый, как мышь,
Черномазый, с кривыми рогами.
Держит в лапах бумажник с деньгами,
Счеты, книгу, большой карандаш.
— А когда,— говорит,— ты отдашь?
— Завтра деньги отдам или душу.
Верь, я клятвы своей не нарушу!

Выдал чорт ему сотню рублей,
Что-то в книге отметил своей
И пропал, только ночь миновала,—
Будто вовсе его не бывало.

Вот пошел человек на базар,
Присмотрел подешевле товар,
Перепродал, да выручил мало,
И купил себе на̀ зиму сала.

А назавтра проснулся бедняк,
Хлеба, сала поел натощак
И заснул, подкрепившись немного.
Глядь, нечистый стоит у порога
И бормочет: — В положенный срок
Я пришел получить свой должок!

Отвечает должник: — Рановато
За деньгами пришел ты, рогатый,
Был назначен на завтра платеж.
Ты ж сегодня ко мне пристаешь!

Чорт смутился, помедлил, подумал
И откланялся: завтра приду, мол.

А под утро — опять на порог.
Просит денег иль душу в залог.

— Нет,— должник отвечает сердито,—
Понапрасну меня не буди ты!
Деньги завтра я должен отдать.
Ты ж сегодня приходишь опять!..
Иль не знают у вас в преисподней,
Что не завтра сейчас, а сегодня?

Вновь нечистый явился чуть свет,
Но услышал такой же ответ.
Напоследок ему это дело,
Откровенно сказать, надоело.
И решил он денек пропустить,
А потом должника навестить.

Рано утром явился он снова
И прочел на дощечке кленовой
На столбе посредине двора:
«Приходи за деньгами вчера!»

Бедный чорт почесал себе темя...
Прозевал он платежное время!
Вновь «сегодня» настало с утра,
И уже не вернется «вчера».

Змея

Охотились на птиц два друга, два соседа,
И встретили в лесу морщинистого деда.
Казалось, он корой коричневой оброс
От пяток до седых взлохмаченных волос.
И только на лице сквозь узенькие щели
Глаза, как светляки зеленые, блестели.
— Идите стороной,— прошамкал он,— друзья,
Здесь в яме под сосной скрывается змея!

Сначала в сторону свернули оба друга,
Потом подумали: «А может, дед — хитрюга?
Он выдумал, что нам грозит змеиный яд,
Чтоб утаить от нас в лесу зарытый клад!».

Немного подождав, они пробрались к яме
И стали землю рыть обеими руками,
Покуда не нашли под камнем наконец
Червонным золотом наполненный ларец —
Монеты старые, и кольца, и медали.
Соседи шепотом советоваться стали.
Как быть? Бесценный груз им не поднять двоим.
Позвать кого-нибудь? Делиться надо с ним...
Уйти и с лошадью сюда вернуться снова?
Но оба вспомнили про старика лесного.
Кто знает, что̀ еще придумает хитрец!
Нет, пусть один из них постережет ларец,
Пока другой сосед пойдет дорогой краткой
И в лес воротится с телегой и лошадкой.

Вот прибежал сосед домой, в свое село,
И говорит жене: — Уж так нам повезло!
В лесу нашли мы клад. Готовь обед, не мешкай,
Сейчас за золотом отправлюсь я с тележкой.
Жаль, что сокровище не все досталось нам,
А поделить его придется пополам.
Ты начини, жена, пирог крысиным ядом,
Авось, тогда одни мы завладеем кладом!..

Вот испекла жена отравленный пирог.
Перекрестился муж и вышел за порог.

А между тем другой сосед сидел у клада
И думал: «Ах, как жаль, что нам делиться надо!
Когда бы завладел я кладом целиком,
Построил бы я дом на берегу морском,
Лежал бы целый день на золотом песочке,
Женился б на княжне... Да нет, на царской дочке!
А если на двоих делить придется клад,
Мне дочка царская достанется навряд...
Замешкался в пути приятель мой, однако.
У денег я сижу, голодный, как собака.
Ну, погоди, дружок! При мне мое ружье.
Свинец дарю тебе, а золото мое!..»

И только скрип колес раздался из-за елки,
Он выстрелил в упор в соседа из двустволки.
Сосед упал ничком на землю у колес.
Убийца золото в телегу перенес,
Прикрыл соломою, потом дерюгой рваной
И вдруг нашел пирог поджаристый, румяный.
Кусочек проглотил — и головой поник...

Недаром про змею рассказывал старик.

113-я и другие

Б. ЛАРИН, В. ФРОЛОВ

Фото И. Тюфякова.

В Ишиме часто говорят:

— У нас три достопримечательности: вокзал — самый лучший на дороге, кинотеатр — самый большой в области, да 113-я школа — школа Порфирьева.

Порфирьев — это преподаватель физкультуры. Нас познакомили с ним на улице. Невысокий, сухощавый, резкий в движениях. Он знал, наверное, каждого в городе, во всяком случае, раскланивался почти с каждым. Когда мы, закончив минутный разговор, расстались, нам торопливо выложили про него все: заслуженный мастер спорта, вырастил Бориса Шахлина, известного всему спортивному миру гимнаста, и Николая Аникина, олимпийского чемпиона по лыжам, у школы есть даже свой стадион... Словом, все, что говорят про человека, который стал уважаемым в городе...

У ворот школы нас встретил двенадцатилетний мальчик с повязкой дежурного и вежливо предложил:

— Оботрите, пожалуйста, ваши ноги.

Мы стояли у забора на скользком от грязи тротуаре, и предложение это показалось нам немного неуместным. А за забором слышалось глухое буханье мяча, трели судейских свистков.

Мы молча обтерли ноги и вошли.

Смеркалось. В окнах двухэтажной школы кое-где уже зажгли электричество, и длинные бледные полосы света мягко ложились на асфальт, на черную беговую дорожку, на потемневшую траву футбольного поля.

По асфальту прямо на нас с лязганьем неслась группка ребятишек на роликовых коньках. На дальнем конце стадиона, не то у баскетбольной, не то у волейбольной площадки, толпились болельщики. Вдруг они закричали и сразу же стихли, словно одернутые судейским свистком. Мимо них цепочкой пробежали еще спортсмены, их майки смутно белели в быстро сгущавшихся сумерках.

— Посторонние, сойдите со скэтинг-ринга! — прозвучал усиленный рупором девичий голос.

И прежде чем мы догадались, что это предложение относится к нам, подбежала стриженая девочка с красной повязкой «дежурный по стадиону» и сердито повторила:

— Посторонние, вы мешаете конькобежцам!..

Мы поторопились сойти на траву.

— А так вы будете мешать лыжникам,— улыбнувшись, сказала девочка.

И действительно, сейчас же мимо нас пронеслись спортсмены.

Только через несколько минут, когда появился вызванный из школы Василий Алексеевич Порфирьев, мы удобно устроились среди болельщиков, у волейбольной площадки, на том самом месте, где, как уверила нас строгая дежурная, «в этом году будут трибуны».

Волейбольный матч подходил к концу.

Мы спросили у Порфирьева:

— Соревнования?

— Тренировка.

— Все ваши?

— Из разных школ, — ответил Порфирьев.

Уже позже мы узнали, что стадион 113-й окрестили в Ишиме «стадионом юных пионеров», что ребята из соседних школ чувствуют себя здесь, как дома. Мы были свидетелями того, как секретарь комитета ВЛКСМ школы Олег Твердов, составляя план работы стадиона на будущую неделю, долго колебался, какой из двух школ отдать предпочтение. Заявка одной из них была подписана директором, другой — комитетом комсомола. Олег решил в пользу второй и сейчас же побежал советоваться к Василию Алексеевичу.

— Правильно, — сказал Порфирьев.

— Вот и я так говорю! Пусть сами ребята добиваются.

Но все это мы узнали позже. А пока мы внимательно разглядывали стадион. Оборудование его было, как говорят, «разностильно»: почтенного возраста гимнастический городок и по последнему слову техники оборудованная баскетбольная площадка; уже потемневшее дерево футбольных штанг и свежебелеющие стойки для прыжков.

— Посмотрите внимательнее,— предложил нам Порфирьев.

И тогда мы увидели таблички: «Футбольные ворота поставлены 8-м «Б». 1943 год», «Волейбольная площадка построена десятыми классами. 1950 год».

И еще одно запомнилось нам: на баскетбольной площадке разминались гимнастки — тоже из разных школ, а командовала ими, шестнадцатилетними, маленькая, очень уверенная в своих силах девочка — позднее мы узнали ее фамилию: Катя Катина.

Мы спросили Порфирьева:

— Это ваша?

— Наша, — ответил Василий Алексеевич.

...Началось это несколько лет назад. В 113-й отмечали 25-летие педагогической деятельности преподавателя физкультуры Василия Алексеевича Порфирьева. Все было так, как полагается в подобных случаях. Петр Давыдович Воробьев, директор, выйдя из-за стола президиума, при всех обнял Порфирьева. Второй преподаватель физкультуры, Курочкин, долго и тепло говорил, что значит Порфирьев для школы. Ученики преподнесли Василию Алексеевичу дружеский шарж с подписью: «В. А. Порфирьев дозором обходит владенья свои...».

Что ж, осматривать действительно можно было многое. Был школьный стадион — единственный в городе. Был в школе спортивный зал — единственный в городе. Были курсы инструкторов-общественников, правда, небольшие, но тоже единственные среди городских школ. Была, наконец, красивая пирамидка из кубков — всех спортивных кубков, которые город учредил для юношей. И когда требовалось послать куда-нибудь сборную юношескую, то из области звонили прямо в 113-ю...

Кажется, все хорошо. Но Василия Алексеевича совсем не устраивали горделивые заявления учеников: «Мы самые сильные в городе». А однажды произошел такой случай: футболисты из 7-го класса вызвали на матч десятиклассников из соседней школы, выиграли и освистали гостей.

На другой день после этого происшествия по просьбе Порфирьева собрался совет физкультуры совместно с комитетом ВЛКСМ.

Вокруг стола, на котором теснились призовые кубки, сидели руководители школьного спорта. Каждый из них был чемпионом: Толя Ермаков, Олег Поляков, Геннадий Фролов. Они все ждали, что скажет Василий Алексеевич. А Порфирьев повертел один из призов и вдруг с внезапным раздражением стукнул им об стол.

— Легкий кубок.

— Из дюраля, наверное, — ответил Фролов.

— Я не о том. Достался легко, — раздраженно пояснил Порфирьев. — Хлопцы, а вам не скучно? — спросил вдруг Василий Алексеевич. — Вот мы выигрываем все, выигрываем... Не скучно, а?

Ребята недоуменно переглядывались.

— А что, если... — сказал Василий Алексеевич и, встав, прошелся по комнате. — А что, если... Когда у соседей спортивный вечер?

— Скоро, — ответил кто-то.

— А ну, хлопцы, давайте сюда. Слушайте. А что, если...

Через несколько минут группка, образовавшаяся у стола, распалась. Кто-то закричал: «Ура!» Кто-то восторженно забарабанил по столу. Давно уже не было так шумно на совете физкультуры.

...Совет физкультуры предложил соседней школе: наши спортсмены могут выступить на вашем вечере.

И вот, когда после известных чемпионов продемонстрировали свое более скромное искусство хозяева вечера, когда спортсмены получили призы, на сцене появилась пятиклассница из 113-й Люда Никитина. Сейчас ее знает весь город: она чемпионка области по конькам, — а тогда Люда была просто задиристой, ехидной девчонкой. В руках она держала лопату.

— Вот вам еще приз, — сказала она, обращаясь к залу. — Ройте, ройте — и выроете яму. Поставите туда столб. А потом еще один. И будет волейбольная...

— Чего тебе надо? — шепотом спросил один из местных чемпионов. Но в зале было так тихо, что этот вопрос услышали все.

— Мне надо, чтобы вы сами о себе подумали. И перестали у других на шее сидеть.— Этих последних слов не было в инструкции, но Люда считала, что они делу не помешают.— А мы за вас рыть не будем.

Этот вечер закончился совершенно неожиданно. Его участники расхватали все лопаты, зал опустел, и в тот день в Ишиме началась постройка второго школьного стадиона.

Выступление Люды Никитиной наделало много шума. Совет физкультуры 113-й был вызван на бюро горкома комсомола.

Члены бюро изо всех сил старались казаться серьезными. Секретарь ходил по комнате, едва сдерживая улыбку.

— Ну, рассказывайте,— сурово сказал он.

В середине рассказа секретарь не выдержал.

— Значит, прямо с лопатой? — переспросил он и весело рассмеялся.

На другой день в одну из городских школ приехал секретарь горкома комсомола вместе с одним из чемпионов 113-й — Геной Фроловым. Он долго беседовал со старшеклассниками, сообщил им, что в школе организуются новые секции, что к ним придут инструкторы-общественники, а потом добавил:

— Познакомьтесь с одним из них.

Гена стоял возле стола, как ученик, не приготовивший урока, а класс молчал. Потом раздались смешки...

Гена сжал кулаки и, шагнув вперед, выкрикнул с отчаянием:

— Кто хочет заниматься в лыжной секции, поднимите руки!..

Так 113-я перестала гордиться только своими победами и стала заботиться и о победах своих соседей. О многих интересных событиях, последовавших вслед за выступлением на школьном вечере Люды Никитиной, рассказал нам Василий Алексеевич Порфирьев. О том, как быстро стала на ноги лыжная секция, которую организовал в другой школе Гена Фролов. О том, как в графике работы стадиона 113-й появились многочисленные соседние школы. О том, как, наконец, появились у 113-й соперники — опасные и неумолимые.

Тогда-то и возник новый конфликт. Однажды на стадионе произошел такой случай.

Футболисты 113-й впервые про-

Урок физкультуры в 10-м классе.

играли «официальную встречу». Сумрачно прокричали они традиционный «физкультпривет» и, не провожая гостей, поплелись в раздевалку.

Взволнованные и растерянные, болельщики столпились у дверей и в горестном молчании подслушивали, как прославленные форварды почем зря ругали «непробиваемого» вратаря, как вратарь честил знаменитых защитников.

А вечером, когда пришли на тренировку баскетболисты 31-ой, хозяева не пустили их на площадку:

— Нашим стадионом пользуетесь, а потом нас же бить будете. Сами себе площадку стройте!

Вспыхнула мальчишеская драка, в которой, как всегда, трудно было разобрать, кто первый начал и кто берет верх.

Долго заседал в тот день совет физкультуры. Василий Алексеевич молчал, раскатывая в пальцах карандаш, как папиросу.

— Строгий выговор,— предложил он наконец.

Члены совета не ответили. Потом Артур Бубнов стукнул кулаком по столу.

— Выгнать!

— Выгнать! — повторила Галя Коробова.

— Выгнать! — подтвердил Гена Фролов.

В окно было видно, как у входа в школу толпятся провинившиеся ребята. Они ждали решения. Объявлять его пошел Фролов. Василий Алексеевич незаметно вышел вслед за ним.

— Выгнать из секции! — крикнул из двери Геннадий.

— Ишь, какой! — сейчас же отозвались из рядов.

— Учили их на свою голову!

— Не пустим их больше на стадион!

Гена сейчас же обернулся.

— Не пустите? — переспросил он, бледнея.— Не пустите? Тогда я... Тогда мы возьмем топор и все перерубим. Слышите, вы?

— Как же,— ответили из рядов,— порубил один такой!..

В этот момент в дверях и появился Василий Алексеевич. Стало тихо, и слышно было, как Порфирьев щелкнул портсигаром, доставая папиросу.

— Он будет одну штангу рубить, а я вторую...— сказал Порфирьев и, обняв Геннадия за плечи, увел его в школу.

А на другой день стало известно, что та, соседняя школа, которой ребята из 113-й помогали строить стадион, сделала его открытым и в первую очередь пригласила туда учащихся 31-ой школы.

В тот день совет физкультуры не заседал. Какие тут заседания! Каждый, кто болел за честь школы, был на стадионе.

Гена Фролов забрался на подвернувшийся ящик и спросил:

— Что, достукались?

Василий Алексеевич стоял у ящика и молчал. Только когда пауза стала уж слишком томительной, он сказал:

— Я думаю, надо пойти в 31-ю и поговорить откровенно. По-мужски. Чего не бывает между соседями!

— Правильно! — радостно закричал стадион.— Чего не бывает между соседями!..

«Высокие договаривающиеся стороны» собрались в пионерской комнате 31-ой школы. У многих подозрительно синело под глазами или на скуле.

— Забудем,— буркнул Гена Фролов.— Наши ваших вчера немного того... пожали. Но забудем.

— Забудем,— ответили ему,— только кто кого вчера,— это еще вопрос!

«Высокие договаривающиеся стороны» немного помолчали и вдруг... рассмеялись.

А месяцев через восемь после этого на одном из ишимских заборов появилось объявление:

«Спартакиада 113-й... Участвуют ребята из других школ».

...Много нужно было мужества, чтобы написать в объявлении эту простую строчку: «Участвуют ребята из других школ». Приглашать других чемпионов, когда свои, старшеклассники, в колхозе на уборке!

И что же было удивительного в том, что, когда раздался финальный свисток, счет был в пользу баскетболистов 1-ой школы!

Сумрачно окружили побежденные и их болельщики победителей.

— Что ж, поздравляем,— хмуро сказал кто-то.

— Догнали нас,— подтвердил второй.

— Способные ученики,— улыбнувшись, закончил Василий Алексеевич.

А Люда Никитина добавила звонко и задиристо:

— Вот мы какие! Таких учеников вырастили, что они нас бьют!..

Вскоре после спартакиады пришло в школу письмо от старшеклассников. Они сообщали, что провели спартакиаду в колхозе и что победили все-таки школьники. И что есть новые рекорды. А в колхозе решено организовать курсы инструкторов-общественников. И зимой колхозные ребята приедут в Ишим помериться силами на зимней спартакиаде.

СОВЕРШЕННО НЕТ ВРЕМЕНИ!

Несколько лет назад я опубликовал в афганском журнале «Пашто кили» сатирический рассказ, посвященный тем, кто плохо трудится и безделие считает работой. Такие люди, если их спрашивают о деле, неизменно отвечают:

— Совершенно нет времени!

Сейчас, когда я нахожусь в великой столице Советского Союза, корреспондент «Огонька» попросил меня дать предисловие к этому маленькому рассказу.

Но увы! Мне сейчас пригодилось название рассказа, чтобы, улыбнувшись, сказать:

— Совершенно нет времени!

Я предложил написать предисловие после того, как закончится наша поездка по Советскому Союзу, но корреспондент «Огонька» тоже улыбнулся и ответил:

— Совершенно нет времени! Журнал уже в печати...

Поскольку и у меня нет времени, чтобы писать, и у корреспондента журнала нет времени, чтобы потерпеть, то вопрос теперь упирается в читателей.

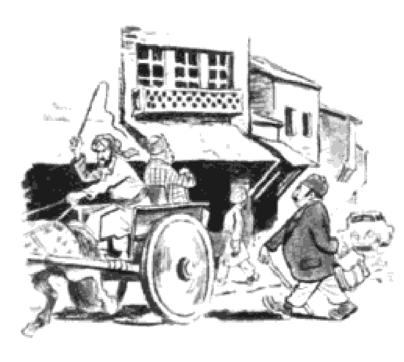
Если уважаемые читатели найдут время, чтобы прочитать рассказ без предисловия, очень хорошо. Но если и у читателей «совершенно нет времени», то тогда уже ничего не поделаешь!

...Должен сказать, что этот рассказ не о людях одной какой-то страны.

В любом учреждении любого государства есть люди, прозябающие в безделии.

Им-то я и адресую свой рассказ через журнал «Огонек». Может быть, во время отдыха (на работе, конечно) рассказ этот не покажется им безвкусным.

Абдул Рауф хан БЕНАВА



Сегодня я снова проснулся очень поздно, потому что ночью играл в шахматы.

«Неужели опоздал?»—испуганно подумал я и начал лихорадочно одеваться. Мельком взглянув на часы, я схватился за голову: рабочий день уже начался.

Но не полюбоваться на своих голубей? Нет, это немыслимо! И минут пятнадцать я вожусь на голубятне, кормлю своих любимцев и грустно вздыхаю: ничего не поделаешь, совершенно нет времени...

Потом я бросаюсь в комнату, набиваю свой портфель бумагами, чтобы солиднее выглядеть, и отправляюсь на работу. Вы, конечно, понимаете, что торопиться мне не пристало: как-никак я чиновник, и поэтому я иду, соблюдая достоинство, подобающее мне по чину.

Что же вы думаете?! Каждый раз этот милый старикан-табельщик делает мне замечание за опоздание. Разумеется, я не обращаю внимания на эти комариные укусы.

— Ты что, видишь, как я работаю ночами?! — укоризненно говорю я, и старикан, вздохнув, умолкает.

В своем кабинете я раскладываю на столе иностранные книги, газеты и журналы, хотя, сказать по правде, ни одного иностранного языка я не знаю.

Курьеру я строго-настрого приказываю никого не пускать ко мне. Кому-нибудь это может показаться бюрократизмом, но что поделаешь, совершенно нет времени!..

Если кто-то хочет пройти ко мне по делу, сначала об этом докладывает курьер. Я прекрасно вижу, но молчу. И только, когда курьер начинает тактично покашливать, я замечаю:

— Ты что, не видишь, как я занят? Пойди и скажи, что у меня совершенно нет времени! — И снова тянутся томительные минуты. В конце концов меня начинает разбирать сон. Но и на этот случай все предусмотрено. Я ухожу в соседнюю комнату — там у нас помещается зал заседаний,— запираю за собой дверь и предупреждаю курьера, что, если кто придет ко мне по делу, надо отвечать, что идет совещание в узком кругу. Да, да, понимаю! Все это, может быть, и некрасиво, но ничего не поделаешь, совершенно нет времени!

Сон — это прекрасно! Это так бодрит! Часа через два курьер будит меня, и я отправляюсь на обед. Но потом, потом! Снова работа... И снова ко мне приходят какие-то люди и просят у меня каких-то ответов.

— Разве вы не видите, как я занят? — качаю я головой.— У меня же совершенно нет времени!

Когда работа кончается, я снова набиваю свой портфель бумагами, естественно, для того, чтобы поработать над ними дома. Ф-фу, слава богу, суматоха кончилась!

Не успел я вернуться домой, как ко мне приходят друзья и приглашают в кино. Согласитесь, отказываться просто неудобно. Приходится идти. Нет, это совершенно ужасно! Абсолютно нет времени!

Вернувшись из кино, я слушаю радио и вздыхаю о бренности жизни. Но когда кончается музыкальная передача, я выключаю приемник: последние известия меня не волнуют. Потом снова приходят друзья и усаживают играть в шахматы. Что, как не шахматы, способствует общему развитию?

Так мне и не удается вытащить бумаги из портфеля, но что поделаешь, вы же видите, совершенно нет времени!

Правда, в нашем учреждении есть много работников, которые успевают не только сделать все свои дела, но и заниматься еще иностранными языками, посещать университет, вечерние занятия. Я их не понимаю. Где же они берут время? Вы-то видели, как я напряженно работаю!

Ну вот и ко сну потянуло. Да, тяжко мне, тяжко...

Совершенно нет времени!

Авторизованный перевод с афганского Юлиана СЕМЕНОВА.

Почему мы так говорим

Блин

Сезонными блюдами могут быть дичь, ранние огурцы, редис, свежая клубника со сливками... Но почему еще не так давно блины готовили только в конце зимы, на масленицу? Разве мы не едим другие мучные блюда круглый год?

Блины на масленице — пережиток глубокой старины. Считалось, что масленица — подготовка к великому посту. Но масленица праздновалась на Руси и до появления христианства. Языческую масленицу духовенство не сумело искоренить и пыталось, хотя не очень удачно, как-то связать с христианством.

Масленица — это конец зимы, когда запасы продуктов иссякали и приближалось время полевых работ, а затем и нового урожая. Веря в духов предков, человек прежде всего хотел заручиться их помощью, их расположением. Для них пекли на раскаленных камнях лепешки из молотого зерна, готовили масло, сметану, хмельные напитки и оставляли пищу на столах или на могилах, думая, что в пиршествах будут невидимо участвовать духи предков. Позднее и некоторые христиане продолжали поминать умерших по старому обычаю — блинами.

На масленице, кроме угощения предков, сжигали на кострах соломенное чучело, олицетворявшее злого духа зимы, устраивали катание на лошадях и тому подобное.

Откуда же произошло слово «блин» — название лепешки, имевшей форму животворного солнца? «Блин» — это измененное слово «млин», от «молоть». Сходные слова есть и в других славянских языках — польском, чешском... По-украински «млин» — мельница, по-болгарски «млин» — слоеный пирог. Немецкое «плинзе» (свернутый в трубочку блин) — заимствование из славянских языков.

Брюки

Наше слово «брюки» созвучно латинскому «брака» (штанина) или «браце» (штаны). В латынь это слово пришло из Галлии. Во время завоевательных походов римляне видели много незнакомых для себя вещей. Необычным и удивительным было для них, носящих иную одежду, что во многих странах люди ходят в шароварах и штанах. Поэтому в народную латынь вошло заимствованное с кельтского «брака». Потом явилась необходимость в особом слове «бракатус» — «обрюченный», «человек в штанах». Но для римлянина обычно неримлянин был варваром, и бракатус стало означать не только иноземца, но и варвара.

В наш язык слово «брюки» пришло из голландского языка во время реформ Петра I вместе с многочисленными голландскими мореходными терминами. Сначала это было название части матросской форменной одежды. Поэтому в старых русских словарях 1789, 1803 и 1834 годов брюки были объяснены как «матросское платье» и «матросские штаны».

Интересно, что в то время родительный падеж от «брюки» был не «брюк», а «брюков».

И. УРАЗОВ

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин Тульского областного художественного музея и четыре страницы цветных фотографий.

Меньше «гроссмейстерских» ничьих

Шахматные любители старшего поколения вспоминают выдающиеся международные турниры в Москве в 1925 и 1935 годах, матч-турнир 1948 года. Это были турниры, победителей которых никто не мог предугадать. Трудно было достать билеты на эти соревнования. Сегодня приобрести билеты на турнир в зал имени Чайковского значительно легче. Москвичи избалованы, они уже «все видели». Правда, М. Найдорф из Аргентины — один из виднейших гроссмейстеров мира. Г. Штальберг — один из самых опытных шахматных бойцов и старейший участник. С. Глигорич и Л. Сабо — очень и очень опасные противники для любого гроссмейстера. Гроссмейстер Л. Пахман — превосходно теоретически подготовленный соперник и т. д. Но все же главный вопрос на этом турнире заключается лишь в том, кто из советских участников будет первым.

Некоторые любители шахмат полагают, что на турнир надо было пригласить побольше молодежи, например, популярного Б. Спасского, талантливых датчанина Б. Ларсена и исландца Ф. Олафсона. Возможно, они внесли бы несколько больше оживления во многие встречи. Жаль, что не принял приглашения и «старичок» С. Решевский.

А почему нет в Москве популярного М. Эйве? Пятидесятипятилетний экс-чемпион мира, преподаватель математики, меняет свою профессию. Гроссмейстер М. Эйве сообщил по телефону корреспонденту «Огонька»: «В связи с переходом на другую работу (советником фирмы «Ремингтон») я, к сожалению, не мог приехать на турнир памяти А. Алехина, с которым я больше всех встречался за шахматной доской (около 100 партий!)».

Зрителям турнира памяти Алехина понравилась глубокая, энергичная игра М. Ботвинника, Д. Бронштейна и В. Смыслова. Хорошо играют наши гости: С. Глигорич и М. Найдорф, который, выигрывая партию, напоминает: «Я еще не старик!».

В пятом туре у шведского гроссмейстера Г. Штальберга была самая «трудная» партия в турнире. Он встретился с М. Найдорфом. Дело в том, что эти два гроссмейстера несколько лет назад прервали между собой «дипломатические отношения». Но в Москве они наконец-то помирились. Их партия после очень напряженной игры закончилась также мирно.

В турнире сыгран ряд превосходных, «алехинских» партий, однако многовато и «гроссмейстерских», без достаточной борьбы, ничьих.

Так случилось даже в партии таких великолепных бойцов, как П. Керес и Д. Бронштейн. Я слышал, как один болельщик ворчал: «Турнир памяти Алехина, но слишком часто вспоминают «специалистов» по ничьим — Т. Петросяна и С. Флора».

Правильный упрек! Но у участников турнира еще есть время, чтобы в большей степени оправдать призыв любителей шахматного искусства: «Играть по-алехински!».

Сало ФЛОР

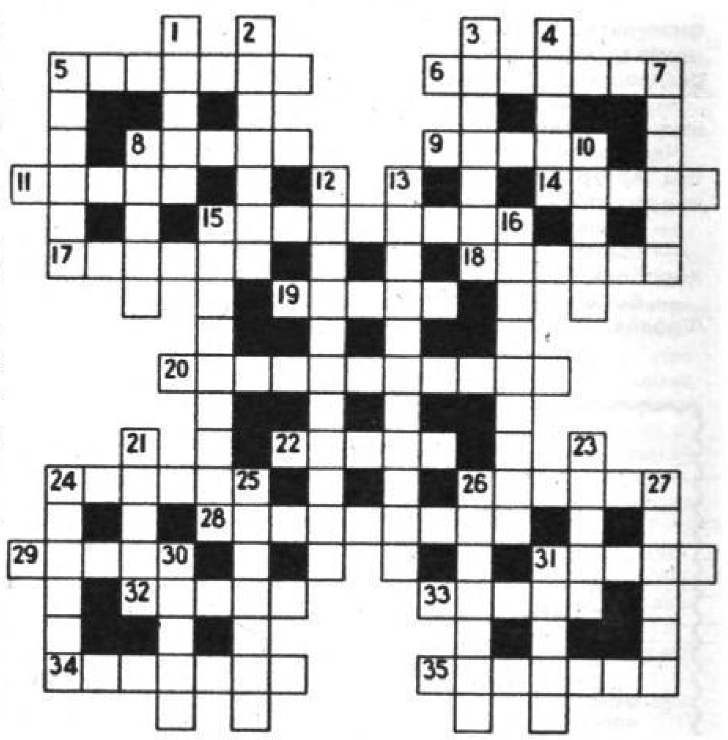
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Наивысшая вершина Большого Кавказа. 6. Русский композитор. 8. Пьеса И. Попова. 9. Роман Г. Сенкевича. 11. Артист цирка. 14. Приток Припяти. 15. Лесная трава с голубыми цветками. 17. Персонаж «Пиковой дамы» П. И. Чайковского. 18. Русский шахматист. 19. Одна из сторон в судебном процессе. 20. Отдел географии. 22. Река в Африке. 24. Водоскат на Вуоксе. 26. Пьеса М. Горького. 28. Прибор для определения электропроводности атмосферного воздуха. 29. Высокогорная страна в Средней Азии. 31. Горы в Западной Румынии. 32. Рынок. 33. Одна из сторон бухгалтерских счетов. 34. Род сластей. 35. Неподвижное основание машины.

По вертикали:

1. Норвежский драматург. 2. Денежная единица Голландии. 3. Северная птица из отряда воробьиных. 4. Корм. 5. Заключительная часть. 7. Блестящая часть ископаемых углей. 8. Столица Боливии. 10. Персонаж романа Н. Островского «Рожденные бурей». 12. Наука о землетрясениях. 13. Прибор для автоматической записи температуры, давления и влажности воздуха. 15. Совокупность партий музыкального произведения. 16. Высотомер. 21. Пустыня в Африке. 23. Редкоземельный минерал. 24. Русский живописец. 25. Строительный материал. 26. Чувство нравственной ответственности. 27. Продольный край. 30. Сорт яблок. 31. Шотландский поэт.



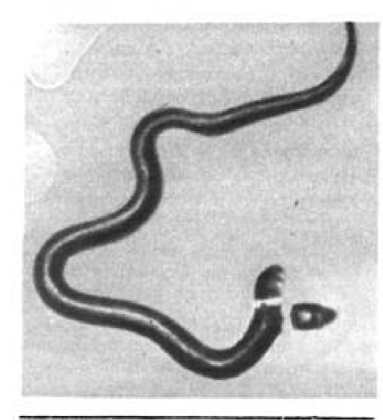
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

1. Пустыня. 6. Комиссаржевская. 9. Апельсин. 10. Бруствер. 12. Дробь. 16. Утконос. 17. Ветлуга. 18. Секретариат. 21. Эквадор. 22. Сирокко. 23. Радон. 27. Бирманцы. 28. Креветка. 29. Признательность. 30. Антипка.

По вертикали:

1. Пассив. 2. «Торпедо». 3. Январь. 4. Поплавок. 5. Гастроль. 7. Спектроскопия. 8. Метагалактика. 11. Козерог. 13. Розетка. 14. Бодайбо. 15. Гематит. 19. Пальмира. 20. Доблесть. 24. Доспехи. 25. Оценка. 26. Бронза.



ДВУГЛАВЫЙ УЖ

В погребе лесника Капоста, проживающего близ Руцавы, Лиепайского района, было обнаружено гнездо маленьких ужей, у одного из которых оказались две одинаково развитые головы.

Когда ужа трогаешь, он поднимает обе головы и высовывает оба язычка.

Необыкновенная находка сдана в краеведческий музей.

Лиепая. В. ЧЕЧЕТКИН

Станция зеркального телеграфа

К зданию бывшей Думы на Невском проспекте в Ленинграде примыкает высокая башня с необычной мачтой, напоминающей каркас раскрытого зонтика.

Это странное сооружение представляет собой станцию зеркального телеграфа начала XIX века. Построенная архитектором Феррари в 1801 году, станция предназначалась для связи Зимнего дворца в Петербурге с Царским селом.

Передача сообщений осуществлялась отражением солнечных лучей с помощью зеркал, точно так, как дети пускают обычные солнечные зайчики.

Ленинград. А. РЫСКИН

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 12712. Подписано к печати 24/X 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛ 2.5 бум. л. — 6.85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 986. Заказ № 2797.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Шуми, тайга...

Слова А. ЖАРОВА

Музыка К. ЛИСТОВА

Идем на зов седой тайги,
Идем в ковыльный дым степей.
И тут и там слышны шаги,
Шаги моих друзей...

Припев:

Шуми, тайга... Баян, играй!
Счастливый путь, друзья!
Привольный край,
Сибирский край —
Песня моя...

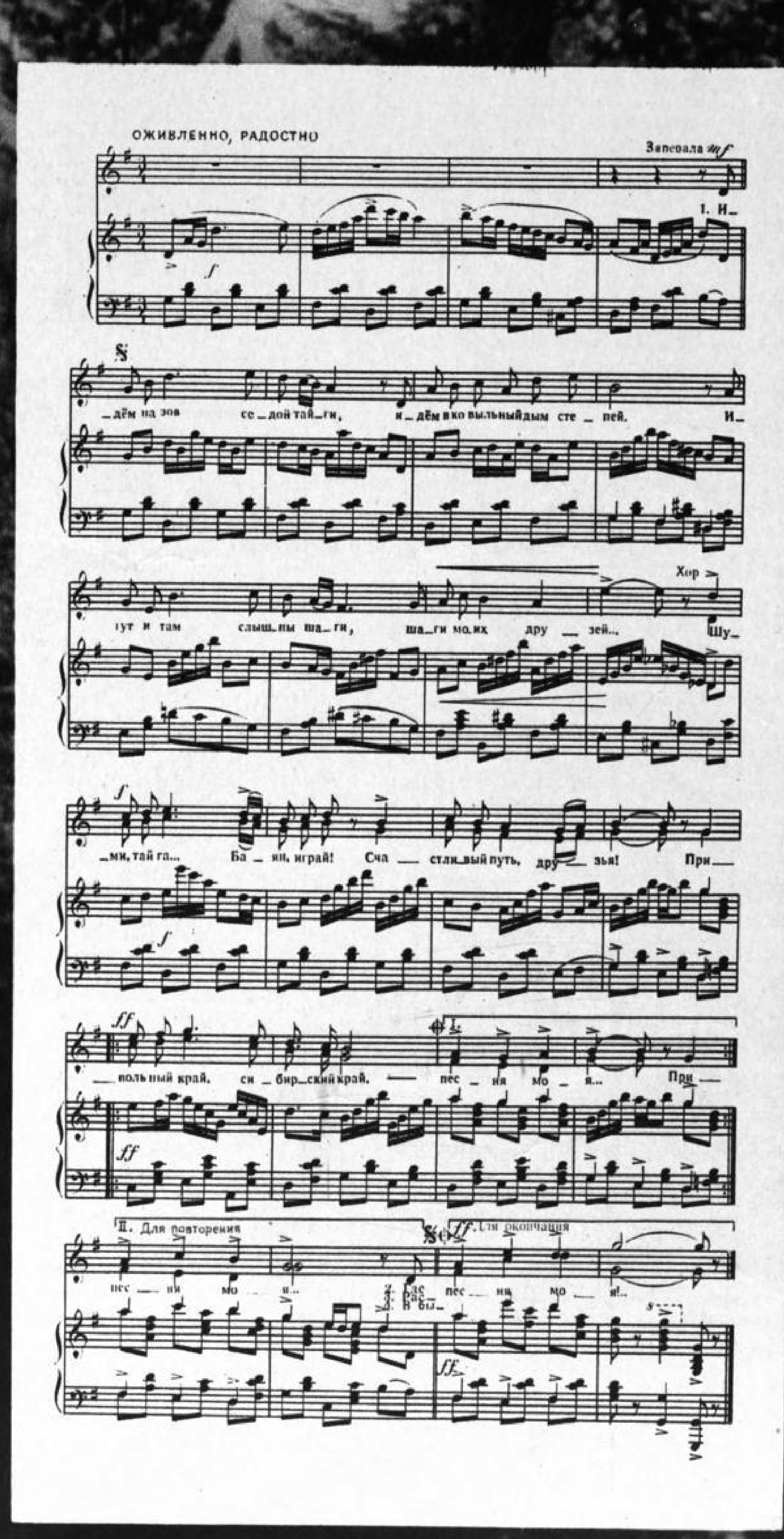
Где кедры древние стоят,
Застыв в молчании своем,
Земля таит несметный клад.
И мы его найдем!

Припев.

Расти в труде из года в год
У рек сибирских, молодежь!
Таких высот, таких красот
На свете не найдешь.

Припев.

В былой глуши огням гореть,
Садам носить весенний цвет.
Здесь будем жить и не стареть
До сотни с лишним лет!

Припев.

Цена номера 3 руб.